I 9/1

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, соб. домъ.
1889.

По закаспійской желѣзной дорогѣ.

(Посвящается князю Михаилу Ивановичу Хилкову).

Мой другъ!

Совершая поѣздку по закаспійской желѣзной дорогѣ, я не разъ вспоминалъ о нашемъ путешествіи по Америкѣ, предпринятомъ съ Вами вдвоемъ въ 1851 году. Пусть же это, посвящаемое Вамъ, описаніе моей поѣздки и въ Васъ также пробудитъ пріятныя воспоминанія о нашихъ давнишнихъ странствованіяхъ по дѣвственнымъ степямъ дальняго Запада, гдѣ приходилось намъ быть очевидцами возникающихъ рельсовыхъ путей, во многихъ отношеніяхъ сходныхъ съ закаспійскою желѣзною дорогой.

Искренно Вамъ преданный

Эдуардъ Циммерманъ.

I.

До Кизиль-Арвата.

Отношенія нашей и иностранной печати къ Закаспійскому краю.—Бывалые и настоящіе пути въ Среднюю Азію.—Баку и связь его съ закаспійскою желѣзною дорогой.—Каспій.—Узунъ-Ада.—Станціи, вагоны и пассажиры.— Михайловскъ и опрѣснители.—Балханы и степь.— Казанджикъ и хлопковая плантація.—Кизиль-Арватъ.—Грядущая судьба красножихъ и туркменъ.—Прежняя крѣпость и теперешній городъ.—Окрестности его.—Степь Кара-Кумъ.—Древнія поселенія въ ней и походы Кира.

Поѣздъ московско-рязанской желѣзной дороги двинулся ровно въ полдень, 5 апрѣля 1888 года, и понесся по направленію къ югу, къ краямъ, гдѣ въ это время весна уже въ полномъ разгарѣ.

Наскучивъ довольно однообразными, давно знакомыми видами по сторонамъ, принимаюсь за газету. Но и въ ней также нахожу мало интереснаго и новаго. Все тѣ же толки о томъ, быть или не быть Фердинанду съ Клементиной въ Болгаріи? Такъ и кажется, будто къ этому такъ называемому восточному вопросу сводится вся измельчавшая политика европейскихъ государствъ. Читающая публика перестала даже интересоваться этимъ прословутымъ вопросомъ; между тѣмъ, именно на нашихъ восточныхъ окраинахъ совершаются теперь событія, тѣсно съ нимъ связанныя. Тамъ, за Каспійскимъ моремъ, въ послѣднія десятилѣтія происходило поступательное движеніе русскихъ войскъ въ глубь Средней Азіи, сильно всколебавшее от-

ношенія европейскихъ державъ къ тому же самому вопросу, за исходомъ котораго въ послѣднюю турецкую кампанію съ такимъ живымъ увлеченіемъ слѣдили чуть ли не всѣ классы нашего общества. Однако, въ настоящее время русская публика какъ-то равнодушно, отчасти даже недовѣрчиво относится къ сказаннымъ событіямъ на нашихъ восточныхъ окраинахъ, не придавая имъ, повидимому, особенно важнаго значенія. По газетнымъ и журнальнымъ статьямъ она получаетъ смутное представленіе о какихъ-то покоренныхъ песчаныхъ пустыняхъ, по которымъ рыщутъ дикіе туркмены, и еще — о пролагаемой правительствомъ желѣзной дорогѣ по этимъ мало обитаемымъ пространствамъ. Изрѣдка лишь появляются короткія телеграфическія извѣстія о томъ, что̀ творится въ тѣхъ отдаленныхъ, мало знакомыхъ среднеазіатскихъ краяхъ.

Если о степени общественнаго интереса судить по произведеніямъ печати вообще, то нашими новыми среднеазіатскими владѣніями гораздо болѣе заинтересованы за границей, нежели въ самой Россіи. Правда, наши естествоиспытатели и военные инженеры совершали замѣчательныя изслѣдованія въ среднеазіатскихъ странахъ. Они пролили много свѣту на эти мало извѣстные доселѣ края. Но подобные труды ученыхъ и военныхъ писателей, изложенные ими въ солидныхъ сочиненіяхъ, доступны большею частью только спеціалистамъ по извѣстнымъ отраслямъ знанія, а потому вовсе не проникаютъ въ читающую публику.

Другое дѣло—за границей, особенно въ Англіи. Тамъ за послѣднія десятилѣтія появилось не мало общедоступныхъ описаній путешествій по Средней Азіи и такихъ же брошюръ по поводу пролагаемой закаспійской желѣзной дороги. Судя по этимъ популярно изложеннымъ сочиненіямъ, надо полагать, что тамъ, за границей, не только правительственныя лица и спеціалисты, но также и читающая публика дѣйствительно интересуются нашими новыми владѣніями въ Азіи.

По правдѣ сказать, описанія прежнихъ путешественниковъ, проникавшихъ въ Туркестанскій край, не возбуждаютъ въ насъ охоты пускаться по ихъ слѣдамъ. Эти отважные странники пробирались туда обыкновенно изъ Оренбурга, и описанія ихъ наполнены разсказами о томительныхъ тысячеверстныхъ переѣздахъ въ тарантасѣ по безлюднымъ киргизскимъ степямъ, объ изнурительныхъ передвиженіяхъ съ караванами по песчанымъ пустынямъ, гдѣ люди и животныя нерѣдко подвергались опасности погибнуть отъ недостатка воды или отъ нападенія туркменъ. Если путешественникъ не былъ спеціалистомъ, то эти трудныя и томительныя странствованія по знойнымъ пескамъ вообще мало вознаграждались тѣми скудными свѣдѣніями, какія удавалось ему собрать въ средѣ туземнаго населенія,—тѣмъ еще болѣе, что послѣднее всегда крайне недовѣрчиво, даже враждебно относилось ко всѣмъ иноземцамъ и иновѣрцамъ, подозрѣвая въ нихъ опасныхъ шпіоновъ.

Теперь совсѣмъ иное дѣло: теперь можно проникнуть въ наши среднеазіатскія области не съ сѣвера, черезъ Оренбургъ, какъ бывало прежде,

а съ южныхъ предѣловъ, по закаспійской желѣзной дорогѣ, пользуясь хотя нѣкоторыми удобствами цивилизованной обстановки. Для этого приходится, однако, миновавъ станцію Рязань, направиться далѣе на Владикавказъ, потомъ проѣхать на почтовыхъ по военно-грузинской дорогѣ въ Тифлисъ и отсюда уже перенестись по рельсовому пути къ западному берегу Каспійскаго моря — въ Баку, совершивъ такимъ образомъ въ пятеро слишкомъ сутокъ переѣздъ въ 2,500 верстъ съ небольшимъ.

Баку, какъ главный портъ на западномъ берегу моря, состоитъ уже въ нѣкоторой связи съ Закаспійскимъ краемъ, и на самомъ городѣ успѣло даже отразиться, въ коммерческомъ отношеніи, вліяніе нашей, только что открытой желѣзной дороги. И въ самомъ дѣлѣ, прибывъ въ этотъ портъ, я засталъ тамошнихъ торговцевъ въ тревожномъ ожиданіи предстоявшей въ городѣ ярмарки. Въ первый разъ она была открыта въ маѣ 1887 года въ надеждѣ, что съ проложеніемъ закаспійской дороги азіатскіе купцы, пользуясь близостью къ нимъ этого порта, прибудутъ туда съ тѣмъ, чтобы вступить въ сношеніе съ московскими торговыми фирмами, какъ съ главными представителями партіонной торговли съ среднеазіатскимъ краемъ. Эта попытка оказалась, однако, не совсѣмъ удачною—по той простой причинѣ, что московское купечество, имѣя въ виду предстоявшую въ скоромъ времени нижегородскую ярмарку, почти вовсе не явилось въ Баку. Въ 1888 году тоже нельзя было ожидать большаго успѣха. И дѣйствительно, дѣла ярмарки, какъ оказалось впослѣдствіи, ограничились однимъ мелочнымъ торгомъ и нѣкоторымъ сбытомъ мѣстныхъ кустарныхъ произведеній. Какъ бы то ни было, но связь между Закаспійскимъ краемъ и Баку, все-таки, не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что сама желѣзная дорога состоитъ въ сильной отъ него зависимости, получая оттуда топливо въ видѣ нефтяныхъ остатковъ.

Пароходъ компаніи «Кавказъ и Меркурій», на которомъ я занялъ мѣсто, забравъ нефть и нагрузившись разною кладью, двинулся въ море около трехъ часовъ пополудни. Раскинувшись амфитеатромъ по скату холма, городъ съ его обширною набережной, обведенною каменнымъ парапетомъ, съ стоявшими у пристани паровыми и парусными судами, явилъ передъ нами живую картину довольно значительнаго торговаго порта. Миновавъ нефтяные заводы Нобеля въ Черномъ Городкѣ, мы вышли въ открытое море, и вскорѣ Баку, съ его пустынными окрестностями, пропалъ совсѣмъ изъ вида. Почти въ одно время съ нами изъ порта вышли еще два парохода—одинъ въ Астрахань, другой въ Петровскъ; а далѣе намъ повстрѣчались другія суда, возвращавшіяся съ восточныхъ береговъ. Вблизи и вдали то и дѣло показывались паруса, такъ что вообще Каспійское море представилось намъ въ оживленномъ видѣ. По поверхности водъ ходила легкая зыбь. Качки почти вовсе не ощущалось. Хотя и разсказываютъ о случающихся будто бы бурныхъ волненіяхъ Каспія и о сильной качкѣ на немъ, но, сравнительно съ океаномъ, врядъ ли на этомъ морѣ бываютъ очень высокія волны. Да и самые пароходы, съ ихъ низкими бортами, какъ мнѣ казалось, вовсе не приспособлены къ плаванію по бурнымъ волнамъ.

Проѣхавъ спокойно ночь, мы въ девятомъ часу утра стали осторожно пробираться между островами и мелями и приблизились къ противуположному восточному берегу. Передъ нами показалась песчаная покатость, и пароходъ, издавъ гулкій, протяжный свистъ, вскорѣ присталъ къ выдавшейся въ море пристани. Пассажиры третьяго класса, большею частью армяне, персы и бухарцы, въ пестрыхъ халатахъ и съ чалмами на головахъ, гурьбой высыпали съ палубы на подмостки и шумно и крикливо направились къ рельсамъ. Въ то же время на пароходъ устремились носильщики, безъ оглядки толкая встрѣчныхъ и предлагая свои услуги пассажирамъ. Этимъ дѣломъ здѣсь промышляютъ большею частью персы, не знающіе, какъ оказывается, соперниковъ по части переноски тяжелыхъ кладей. Среди азіатскаго люда кое-гдѣ лишь мелькнетъ окладистая борода русскаго мужика; но здѣсь онъ является болѣе въ качествѣ смотрителя или распорядителя, уряжающаго, такъ сказать, движеніе азіатской толпы.

Здѣшняя исходная станція закаспійской желѣзной дороги носитъ названіе «Узунъ-Ада», что въ переводѣ значитъ длинный островъ. И дѣйствительно, она расположена на продолговатомъ островѣ, сплошь покрытомъ голыми песками и слившемся съ материкомъ Азіи неглубокою мелью. Крайняя необходимость заставила построить вокзалъ на такомъ безпріютномъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что, благодаря морской глубинѣ близъ острова, здѣсь предпочтительно предъ другими мѣстами оказалась возможность заложить удобную пристань для большихъ судовъ, глубоко сидящихъ въ водѣ. И вотъ на голыхъ пескахъ, которые прежде посѣщались развѣ одними тюленями, года два тому назадъ соорудили станцію, а по мели навели дамбу, для того чтобы соединить островъ съ материкомъ, и по дамбѣ, какъ бы по перешейку, проложили рельсы по направленію къ востоку.

Сдавъ свой чемоданъ одному изъ персовъ, я послѣдовалъ за нимъ на вокзалъ, съ тѣмъ, чтобы занять мѣсто въ вагонѣ втораго класса. Однако, слова: вагонъ, вокзалъ, станція могутъ, пожалуй, ввести въ заблужденіе читателей, привыкшихъ разъѣзжать по нашимъ вполнѣ готовымъ желѣзнымъ дорогамъ, движеніе по которымъ открывается не прежде, пока всѣ постройки и весь подвижной составъ не приноровлены къ удобствамъ прихотливаго пассажира. Еслибъ мнѣ пришлось писать для жителей западнаго полушарія, для американцевъ, то я могъ бы объясниться въ двухъ-трехъ словахъ, сказавъ, что мы находимся теперь на только что возникшей желѣзной дорогѣ, и меня поняли бы безъ дальнѣйшихъ толкованій. И дѣйствительно, въ Соединенныхъ Штатахъ намъ нерѣдко приходилось разъѣзжать по дорогѣ, на которой подвижной составъ состоялъ изъ однѣхъ платформъ и нѣсколькихъ товарныхъ вагоновъ, а станціями служили наскоро сколоченные бараки. Въ такомъ же видѣ засталъ я и нашу закаспійскую дорогу, когда впервые проѣхалъ по ней. Однако, въ сравненіи съ американскими первобытнаго свойства постройками вокзалъ въ Узунъ-Ада можетъ считаться даже роскошнымъ: онъ состоитъ изъ двухъ деревянныхъ небольшихъ домовъ, изъ которыхъ одинъ назначенъ для пассажировъ 1-го

и 2-го классовъ, а другой—для 3-го, или, вѣрнѣе сказать, для азіатской черни. Въ буфетѣ, которымъ завѣдуетъ армянинъ, предлагаются чай, разные напитки и закуски.

По другую сторону рельсъ противъ станціи вытянулся рядъ деревянныхъ строеній, въ которыхъ открыты лавки съ разными товарами, идущими на потребу служащихъ при желѣзной дорогѣ, также гостиницы, трактиры и кабаки для рабочихъ. Право, еслибъ не эти вывѣски съ надписями: «Русская харчевня», «Ренсковой погребъ»,—еслибъ не срубныя избы, то можно бы вообразить себѣ, что попалъ въ какую-нибудь вновь заселяемую мѣстность дальняго запада Сѣверной Америки, а никакъ не на древній восточный материкъ, который привыкли считать навѣки заснувшимъ. Съ другой стороны, позади станціоннаго дома разсыпаны здѣсь и тамъ жилища для должностныхъ лицъ, осужденныхъ проживать съ своими семьями среди голыхъ, лишенныхъ растительности песковъ. Тутъ же по близости находится лѣсная пристань, куда бревна, доски и тому подобный строевой матеріалъ доставляется водою съ береговъ Камы и Волги. Такъ ради желѣзной дороги сталъ населяться безпріютный островъ Узунъ-Ада, названіе котораго года два тому назадъ не упоминалось ни въ одной географіи.

Подъ вечеръ къ станціи подкатилъ поѣздъ, въ которомъ я занялъ мѣсто въ вагонѣ 2-го класса. Это былъ, какъ оказалось, простой товарный вагонъ, въ которомъ пристроили сидѣнья болѣе мягкія, чѣмъ въ третьемъ классѣ, гдѣ поставлены простыя деревянныя скамьи. Что же касается вагоновъ перваго класса, то они, какъ видно, пока только подразумѣваются, а налицо ихъ вовсе еще нѣтъ, и даже въ росписаніи поѣздовъ подъ рубрикою 1-го класса поставлены пустыя мѣста. Почтово-пассажирскіе поѣзда ходятъ только по два раза въ недѣлю, а товарные—каждый день. Къ послѣднимъ прицѣпляются, впрочемъ, вагоны третьяго класса. Второклассныхъ пассажировъ бываетъ немного; притомъ же, къ нимъ относятся большею частью служащіе при желѣзной дорогѣ или члены ихъ семействъ, пользующіеся даровыми билетами. Въ третьемъ классѣ, напротивъ того, мѣста почти всегда заняты туземными пассажирами. Они, повидимому, рады воспользоваться такимъ удобнымъ и быстрымъ способомъ передвиженія по тѣмъ самымъ пустыннымъ пескамъ, по которымъ имъ въ былое время приходилось совершать переѣзды на верблюдахъ и проводить въ пути подъ палящими лучами солнца столько же дней, сколько въ настоящее время требуется часовъ въ вагонѣ. Для мусульманъ, не привыкшихъ къ сидѣнью на скамьяхъ, назначены еще особые вагоны, гдѣ нѣтъ никакихъ скамей, а пассажиры располагаются по восточному обычаю, какъ у себя дома, на полу, подстилая кошмы или ковры.

Можно себѣ представить поэтому, какую пеструю смѣсь составляла многоголовая толпа пассажировъ третьяго класса: тутъ были и персы въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ и съ высокими бараньими шапками на головахъ, и бухарцы въ пестрыхъ халатахъ и съ чалмами, и евреи, армяне, потомъ еще нѣсколько человѣкъ русскихъ, но не изъ крестьянъ, а скорѣе изъ раз-

ночинцевъ, въ обыкновенномъ европейскомъ костюмѣ. Всѣ они направлялись на востокъ: одни—по торговымъ дѣламъ, другіе—на службу по желѣзной дорогѣ или къ частнымъ лицамъ, а нѣкоторые пускались туда наудачу, въ чаяніи хорошей наживы. Нельзя, однако, не замѣтить, что среди азіатскихъ пассажировъ почти вовсе не встрѣчаются члены кореннаго туземнаго населенія, бывшихъ властителей песчаныхъ пустынь, именно—туркменъ. Они какъ будто не хотятъ измѣнить своимъ быстроногимъ неутомимымъ скакунамъ и менѣе довѣряютъ паровой силѣ огненнаго коня, какъ здѣсь туземцы прозвали локомотивъ.

Подойдя къ восточной оконечности острова, поѣздъ сталъ тише подвигаться по дамбѣ, соединяющей его съ материкомъ. По обѣ стороны этого искусственнаго перешейка синѣли воды Каспія. Выбравшись на материкъ, мы, однако, все еще не покидали изъ вида морскаго берега. Когда поѣздъ, сдѣлавъ въ часъ около 25 верстъ, подкатилъ къ слѣдующему—Михайловскому вокзалу, то мы опять увидѣли передъ собою море или, точнѣе, заливъ его. Здѣсь года два тому назадъ была исходная станція желѣзной дороги. Но такъ какъ по мелководію большіе пароходы не могли войти въ Михайловскую бухту, то они изъ Баку заходили сперва въ Красноводскъ, верстахъ въ семидесяти къ сѣверо-западу, гдѣ перегружались на болѣе мелкія суда, на которыхъ клади и пассажиры доставлялись, наконецъ, въ Михайловскъ. Много времени уходило на такую перевозку и перегрузку. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ строители желѣзной дороги протянули рельсы до Узунъ-Ада и удачнымъ выборомъ этого мѣста сократили переѣздъ по малой мѣрѣ на два дня. Теперь мелководная пристань въ Михайловскѣ совсѣмъ покинута. Иногда только заходятъ сюда плоскодонныя барки изъ Красноводска. Продолжить до послѣдняго рельсовый путь оказалось неудобнымъ, потому что для этого пришлось бы пробиваться сквозь Балханскіе кряжи, что надолго задержало бы открытіе желѣзной дороги. Однако, такъ какъ при Красноводскѣ находится лучшая обширная гавань у восточныхъ береговъ Каспія, то, несмотря даже на значительныя затраты, имѣется въ виду современемъ перенести туда исходную станцію.

Михайловскъ до сихъ поръ составляетъ весьма важный пунктъ желѣзной дороги, такъ какъ здѣсь въ большихъ размѣрахъ производится перегонка морской воды въ паровыхъ опрѣснителяхъ. Дѣло въ томъ, что отъ самаго берега Каспія верстъ на полтораста къ востоку въ степяхъ не нашлось ни капли воды, годной для питья и для паровиковъ. А потому въ этой бывшей прежде исходной станціи и устроены большіе опрѣснители, снабжающіе теперь не только Узунъ-Ада, но также и дальнѣйшія станціи хорошею водой, развозимою товарными или особо назначаемыми для того водяными поѣздами въ большихъ чанахъ. Благодаря этимъ опрѣснителямъ только и возможно было пролагать дорогу въ безводной пустынѣ. Сверхъ того, тѣми же поѣздами для топки паровозовъ развозится по станціямъ нефть въ цистернахъ.

Забравъ воды, поѣздъ понесся далѣе на востокъ, незамѣтно поднима-

ясь по слегка покатой мѣстности. Въ сумерки, сквозь сизую дымку тумана, показались горы: слѣва—Большіе Балханы, съ ихъ голыми скатами, а справа—Малые. Первые возвышаются немногимъ болѣе четырехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, а послѣдніе и того еще менѣе. Поѣздъ мчался между ними словно по долинѣ. Вскорѣ эти возвышенности остались позади, и передъ нами раскинулась ровная голая пустыня. Луна разливала тусклый свѣтъ по раскинутой до дальнаго горизонта песчаной равнинѣ и только далеко вправо темнѣли новыя гряды горъ, а слѣва, среди песковъ, солонцы серебристымъ отблескомъ отражали блѣдные лучи мѣсяца.

Миновавъ нѣсколько станцій, поѣздъ послѣ полуночи остановился у Казанджика, въ 174 верстахъ отъ Узунъ-Ада. Въ этомъ мѣстѣ мнѣ пришлось побывать еще въ другой разъ, въ августѣ мѣсяцѣ. Избѣгая напрасныхъ повтореній, я теперь же изложу то, что успѣлъ осмотрѣть тогда.

Замѣтимъ, прежде всего, что до этого мѣста, какъ мы видѣли, не нашлось въ пустынѣ ни капли прѣсной воды. Въ колодцахъ, вырытыхъ туземцами въ степи, она вездѣ оказалась солоноватая. Въ Казанджикѣ впервые появляются обильные ключи съ хорошею прѣсною водой. На югѣ отъ станціи, не въ очень дальнемъ отъ нея разстояніи, тянется съ запада на востокъ гряда горъ, въ ущельяхъ которыхъ и находятся живительные источники, образуя ручейки. Воду оттуда провели въ канавы до самой станціи, гдѣ устроили даже фонтанъ съ каменнымъ бассейномъ. Послѣ томительнаго переѣзда отъ береговъ Каспія по вымершимъ пустынямъ пріятно было видѣть протекавшую по канавамъ студеную струю. Подъ ея вліяніемъ мѣстность кругомъ оживляется, и орошенная земля ждетъ только, чтобы человѣкъ приложилъ къ ней свой трудъ, съ тѣмъ, чтобы сторицей вознаградить его. До сихъ поръ, однако, люди еще мало воспользовались живительною влагой для воздѣлки почвы въ окрестностяхъ Казанджика. Около станціи разведены, правда, садики, въ которыхъ успѣли уже разрости довольно тѣнистыя деревья. А затѣмъ, до самаго подножія горъ, стелется степь, покрытая выжженною лѣтними жарами травой.

Мнѣ было извѣстно, однако, что не въ дальнемъ разстояніи отсюда находится хлопковая плантація. Я направился туда по указанію лавочника, торгующаго въ своемъ баракѣ виномъ, пивомъ, папиросами и другими снадобьями, въ которыхъ нуждаются должностныя лица и рабочій людъ при станціи. Путь мой лежалъ по направленію къ востоку почти у подножія горъ. Покрытыя по скатамъ низкою зеленью, онѣ непрерывною грядой тянулись вправо. Передо мною стлалась равнина, едва поросшая скудною травой; только по краямъ извивающагося ручейка росли кое-гдѣ тощіе кустики. Станція скоро пропала изъ вида и—ни души кругомъ. Тутъ я невольно вспомнилъ, какъ по тѣмъ же мѣстамъ не такъ еще давно путешественники, опасаясь нападенія со стороны хищныхъ туркменъ, пускались въ дорогу не иначе, какъ вооруженные съ ногъ до головы и съ конвоемъ джигитовъ или козаковъ. Теперь же здѣсь подвергаешься меньшей

опасности, чѣмъ у насъ хоть бы въ какой-нибудь подгородной дачѣ. Туркмены не покушаются нападать даже на одинокаго безоружнаго путника.

Пройдя около восьми верстъ, я увидѣлъ, наконецъ, впереди купу деревъ и направился прямо къ нимъ. Тутъ и была самая плантація. Неподалеку влѣво отъ нея показались верблюды и кибитки кочующихъ туркменъ. За ивнякомъ, вытянутымъ вдоль канавки съ водою, показались хлопковые кусты. Три работника такъ были заняты сборомъ хлопка, что замѣтили меня только тогда, когда я окликнулъ ихъ. Всѣ трое оказались персами. Одинъ изъ нихъ кое-какъ объяснялся по-русски.

Вся плантація, принадлежащая князю Хилкову, занимаетъ небольшое пространство, десятинъ въ пять. Она интересовала меня потому, что здѣсь лѣтъ семь тому назадъ былъ сдѣланъ первый опытъ разведенія *американскаго* хлопка въ этой мѣстности. Судя по разросшимся тутъ кустамъ, на которыхъ бѣлѣлъ выпучившійся изъ капсулей бѣлоснѣжный хлопокъ, этотъ опытъ оказался вполнѣ удачнымъ. Насколько, впрочемъ, выгодна здѣсь воздѣлка хлопка, рѣшить не берусь, тѣмъ болѣе, что все дѣло предоставлено на произволъ наемныхъ рабочихъ, контроль за которыми невозможенъ. Какъ бы то ни было, но эта попытка убѣждаетъ въ возможности развести подобныя плантаціи въ мѣстахъ, гдѣ протекаетъ вода по ручью или канавѣ. Наемные персы живутъ тутъ въ домикѣ, слѣпленномъ изъ глины, передъ которымъ находится прудокъ съ студеною водой. Этотъ клокъ воздѣланной земли представился мнѣ въ видѣ крохотнаго уютнаго оазиса у подножія горъ, среди окружающей его далеко раскинувшейся пустыни.

Забравъ въ Казанджикѣ свѣжей воды въ чаны для ближайшихъ станцій, поѣздъ несся всю ночь опять по безводнымъ пустынямъ. Утромъ на зарѣ мы прибыли въ Кизиль-Арватъ, гдѣ назначена остановка почти на полчаса. Здѣсь и мы остановимся на болѣе долгое время, съ тѣмъ, чтобы оріентироваться среди окружающей насъ мѣстности. Это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что Кизиль-Арватъ во многихъ отношеніяхъ составляетъ тоже одинъ изъ весьма важныхъ пунктовъ желѣзной дороги.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что до сихъ поръ, начиная отъ Узунъ-Ада, намъ вовсе не попадались осѣдлыя поселенія туземцевъ близъ дороги. На всемъ этомъ протяженіи по пути встрѣчаются лишь давно вырытые колодцы, у которыхъ останавливаются иногда проходящіе изъ Персіи въ Хиву караваны и по именамъ которыхъ прозваны самыя станціи. Вмѣстѣ съ окружающими ихъ постройками, онѣ въ настоящее время хоть сколько-нибудь оживляютъ почти лишенную постоянныхъ жилищъ мѣстность. Тамъ, гдѣ послѣ зимнихъ дождей почва покрывается хотя скудною растительностью, появляются кочевники, разставляютъ свои кибитки, перевозимыя на верблюдахъ, и выгоняютъ на пастьбу свой скотъ.

Эти кочевники напомнили мнѣ отчасти краснокожихъ въ Сѣверной Америкѣ, точно также переходящихъ съ своими вигвамами въ разныя времена года изъ одного края въ другой. Несмотря, однако, на нѣкоторыя сходныя черты азіатскихъ и американскихъ туземцевъ, между ними, все-таки, об-

наруживаются противуположныя свойства, оказывающія роковое вліяніе на будущія судьбы нецивилизованныхъ націй. Въ настоящемъ случаѣ важнѣе всего, конечно, то, что американскіе индѣйцы относятся исключительно къ охотничьимъ племенамъ, вовсе неспособнымъ къ болѣе культурному развитію потому уже, что охотничій промыселъ, сопряженный съ постояннымъ бродяжничествомъ, служитъ сильною помѣхой для устойчиваго земледѣльческаго труда. Туркмены, напротивъ того, всегда обладали домашними животными и поддерживали довольно обширное скотоводство, связанное вообще съ болѣе правильными бытовыми порядками и подлежащее уже нѣкоторой хозяйственной отчетливости. Благодаря такому искони присущему имъ свойству, составляющему, можно сказать, первый, самый трудный шагъ къ переходу къ культурной жизни, туркмены подъ благотворнымъ вліяніемъ высшей цивилизаціи легко принимаются за воздѣлку земли. Если не старое, то, по крайней мѣрѣ, молодое поколѣніе, понуждаемое силою обстоятельствъ, не безъ успѣха начинаетъ заниматься пахотою.

До послѣдняго времени расширенію земледѣлія въ краѣ болѣе всего препятствовали хищническіе набѣги самихъ туркменъ. Въ этомъ отношеніи они также отличаются отъ краснокожихъ. И дѣйствительно, индѣйскія племена въ Америкѣ ведутъ, правда, зачастую кровавыя войны другъ съ другомъ; однако, такая борьба между враждебными сосѣдями происходитъ у нихъ бо́льшею частью изъ-за охотничьихъ мѣстъ, когда одно племя, преслѣдуя дичь, проникаетъ въ районъ другаго. Но ни грабежъ, ни продажа плѣнныхъ въ неволю не бываютъ главною цѣлью такихъ набѣговъ у краснокожихъ. Другое дѣло—у туркменъ. Отъ занятій скотоводствомъ у нихъ остается широкій досугъ, пользуясь которымъ, жены принимаются за выдѣлку кошмъ, ковровъ и тому подобныхъ предметовъ. Мужья же до послѣдняго времени считали своимъ единственнымъ отхожимъ промысломъ—грабежъ, не разбирая, притомъ, ни друзей, ни недруговъ, лишь бы поживиться добычей. Они совершали набѣги не только на персидскія пограничныя селенія, но простирали ихъ до Каспійскаго моря, не щадя ауловъ мирныхъ своихъ соплеменниковъ и уводя съ собою плѣнныхъ на невольничьи рынки въ Хивѣ и Бухарѣ. Они нападали на караваны, все равно, къ какой бы націи тѣ ни принадлежали. Съ покореніемъ края русскими войсками эти *аламаны*, какъ назывались подобные набѣги съ цѣлью грабежа, совершенно прекратились, а невольничьи рынки окончательно закрыты. Лишившись, такимъ образомъ, наживы путемъ хищническаго промысла, туркмены теперь поневолѣ должны обратиться къ другимъ, болѣе мирнымъ занятіямъ.

Тутъ-то и обнаруживается, насколько судьба благосклоннѣе къ этимъ кочевымъ хищникамъ, нежели къ краснокожимъ охотникамъ. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всевозможныя мѣры, принимаемыя американскимъ правительствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на то, что оно отвело большую территорію исключительно для индѣйцевъ съ благою цѣлью пріурочить ихъ къ осѣдлой жизни земледѣльца, все-таки, краснокожее племя,

оторванное отъ охотничьяго промысла, не въ состояніи освоиться съ условіями культурнаго быта и, подъ вліяніемъ неудержимо напирающей на него цивилизаціи, неминуемо вымираетъ, такъ что въ недальнемъ будущемъ отъ него не останется никакого слѣда. Туркмены, напротивъ того, теперь уже принялись за лопату и при сооруженіи желѣзной дороги оказались хорошими землекопами. Такимъ образомъ, съ переходомъ края въ русское владычество, прекратились прежніе аламаны и открылась полная возможность мирнымъ поселянамъ въ совершенной безопасности обратиться къ земледѣльческому труду. А для этого въ краѣ имѣется еще много пустующихъ земель, заброшенныхъ единственно вслѣдствіе непрерывно повторявшихся набѣговъ. Покинутыя земли будутъ воздѣланы, лишь бы туземцы окончательно увѣрились въ томъ, что страна подъ русскимъ владычествомъ разъ навсегда избавлена отъ грабежей и разбоевъ. Съ водвореніемъ спокойствія въ краѣ, съ расширеніемъ земледѣлія и съ преобладаніемъ осѣдлой культурной жизни усилится, конечно, и приростъ населенія, такъ что, въ противуположность краснокожимъ, племя туркменъ въ будущемъ, несомнѣнно, размножится. Таково всеоживляющее вліяніе желѣзной дороги на этотъ древній, но давно заброшенный и забытый цивилизаціей край.

Въ этомъ отношеніи новый русскій городъ, Кизиль-Арватъ, хотя еще только въ зародышѣ, считающій всего восемь лѣтъ отъ открытія здѣсь станціи желѣзной дороги, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе на всякаго, кто вспомнитъ и сравнитъ, чѣмъ было это мѣсто прежде и чѣмъ оно обѣщаетъ быть въ недальнемъ будущемъ. Для этого стоитъ только пройтись недалеко къ сѣверу отъ желѣзной дороги. Тамъ струится одинъ изъ тѣхъ вытекающихъ изъ горныхъ ущелій ручейковъ, которымъ начинающійся здѣсь оазисъ Ахалъ одолженъ собственно своимъ существованіемъ. Пройдя вдоль узенькаго потока, я увидѣлъ передъ собою полуразрушенный валъ изъ сѣроватой глины. Это была крѣпость текинцевъ, разрушенная русскимъ отрядомъ лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Глинобитныя стѣны окружали неправильное почти четырехъугольное пространство, куда, въ случаѣ войны, уходили туркмены, разбивъ внутри свои кибитки, замѣнявшія имъ жилища. Кромѣ немногихъ глинобитныхъ сакель, здѣсь, повидимому, не было никакихъ другихъ построекъ. Несмотря на плодородіе почвы и обиліе воды, мирные поселяне, повидимому, не рѣшались пріурочиться въ окрестностяхъ къ осѣдлой жизни. Теперь позади крѣпости, въ дальней степи, раскинуты въ безпорядкѣ десятка два туземныхъ кибитокъ, какъ бы напоминая собою бывалое безпріютное состояніе края. Здѣсь и тамъ бродятъ верблюды, пощипывая мелкую сухую травку, не обращая, притомъ, никакого вниманія на гулкіе свистки и шипѣніе проходящихъ паровозовъ и не подозрѣвая даже, что, благодаря этимъ паровозамъ, должны отчасти сократиться ихъ томительные многодневные переходы по безводнымъ пустынямъ. Кое-гдѣ туземцы стали уже понемногу воздѣлывать землю, засѣвая ее пшеницей, ячменемъ и люцерной. Въ самой крѣпости размѣстился теперь отрядъ кубанскихъ козаковъ. Возлѣ нея разведена плантація, на

которой успѣли уже разрости разныя породы туземныхъ деревьевъ. Отсюда они разсаживаются не только по городу, но также по другимъ ближайшимъ станціямъ. Недалеко отсюда стоитъ просторный домъ управляющаго желѣзною дорогой. При домѣ съ большою террасой разросся довольно обширный и тѣнистый садъ съ прилегающимъ къ нему огородомъ. Кромѣ зданія вокзала, выстроеннаго изъ твердаго известняка, сооружены еще другія строенія—для мастерскихъ, для склада желѣзно-дорожнаго матеріала и помѣщенія служащихъ.

Этими обычными при желѣзной дорогѣ постройками отнюдь еще не ограничивается оживленіе мѣстности. И въ самомъ дѣлѣ, по другую, правую, сторону рельсъ раскинулся самый городъ. Недалеко отъ полотна желѣзной дороги стоитъ церковь среди разросшихся кругомъ деревьевъ. Передъ ней разстилается площадь, надъ которой при вѣтрѣ носятся облака пыли. Съ одной стороны ея между домами обращаетъ на себя вниманіе продолговатое строеніе, гдѣ помѣщается управленіе желѣзной дороги, а по другой, перпендикулярной къ той сторонѣ, вытянулся рядъ домовъ, большею частью одноэтажныхъ и съ плоскими крышами. Тамъ, между прочимъ, по вывѣскамъ значатся и неизбѣжный ренсковой погребъ, и русскій трактиръ, и разныя торговыя лавки. Далѣе, въ той же линіи стоитъ строеніе офицерскаго клуба, за которымъ находятся еще нѣсколько жилищъ, окруженныхъ садиками. Этотъ рядъ домовъ пересѣкается тремя-четырьмя улицами, изъ которыхъ одна считается главною, торговою. Тутъ, въ лавкахъ, армяне, евреи, персы торгуютъ съѣстными припасами, разными фруктами, туземною и привозною посудой, вообще предметами домашняго хозяйства. Сюда появляются также туркмены въ мохнатыхъ папахахъ: одинъ тащитъ барана на рынокъ, другой предлагаетъ кошму или коверъ въ продажу. А тамъ, далѣе, на югѣ, служа какъ бы заднимъ планомъ развернувшагося передъ нами городскаго вида, поднимаются ребристые, довольно крутые хребты, извѣстные подъ именемъ *Копетъ-Дага*. Таковъ въ настоящее время Кизиль-Арватъ, это главное административное мѣсто перваго участка желѣзной дороги.

Я пробылъ въ городѣ нѣсколько дней въ другой разъ, также осенью, какъ и въ Казанджикѣ. Къ счастью, я нашелъ тамъ довольно опрятное помѣщеніе въ номерахъ, открытыхъ поселившеюся здѣсь русскою семьей. Это было пріятно тѣмъ болѣе, что въ здѣшнемъ краѣ вообще трудно найти гостиницу, въ которой покои были бы свободны не только отъ мелкихъ насѣкомыхъ, но также отъ нападенія скорпіоновъ, фалангъ и тому подобныхъ, иногда весьма опасныхъ враговъ.

Окрестности города до сихъ поръ все еще мало заселены. Пройдя по одной изъ улицъ на югъ, я направился прямо къ горамъ и, версты за двѣ, вступилъ въ ущелье, изъ котораго вытекаетъ узенькій потокъ, орошая своими струями небольшой клокъ пшеничнаго поля. Тутъ же, на скатѣ горы, стояла сакля. Близъ нея паслись овцы. Земледѣльцы, повидимому, забираются здѣсь въ ущелья горъ, какъ будто опасаясь еще выступить на откры-

тую передъ горами плодородную равнину. Надо полагать, что подъ эгидою русской власти туземцы современемъ покроютъ окрестности города хлѣбными полями, фруктовыми садами и, перейдя къ осѣдлой жизни, настроятъ тамъ постоянныя жилища, замѣнивъ, такимъ образомъ, глиняными саклями свои теперешнія передвижныя кибитки. Самый край изобилуетъ землями для такого осѣдлаго поселенія. И дѣйствительно, съ Кизиль-Арвата собственно начинается плодотворный оазисъ Ахала, составлявшій главную цѣль послѣдняго похода генерала Скобелева и проложенія сюда желѣзной дороги. Ахалъ-Текинскій оазисъ тянется къ востоку у подножія Копетъ-Дага полосою верстъ на двѣсти въ длину, но не болѣе какъ на двадцать шириною. Съ нимъ мы успѣемъ еще нѣсколько ознакомиться во время дальнѣйшей поѣздки по желѣзной дорогѣ; теперь же обратимъ наше вниманіе на ту обширную пустыню, что раскинулась передъ нами на сѣверѣ и извѣстна подъ именемъ Кара-Кумъ.

Начиная съ самыхъ береговъ Каспійскаго моря, эта туркменская степь далеко тянется въ восточномъ направленіи, попадвинувшись на сѣверѣ почти къ берегамъ Аму-Дарьи. Поразителенъ контрастъ между чрезвычайно плодородною почвой оазиса и непосредственно примыкающими къ нему безплодными песками пустыни. Тутъ нѣтъ перехода отъ высшаго плодородія къ совершенному безплодію, почти нѣтъ земель средняго качества въ отношеніи урожая. Да и не можетъ быть, такъ какъ на почвѣ, орошаемой водою, растительность густо и быстро развивается подъ вліяніемъ жаркихъ солнечныхъ лучей. А съ другой стороны, тѣ же жгучіе лучи безпощадно выжигаютъ всякое прозябаніе тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ влаги. Нигдѣ благотворное значеніе воды не сознается людьми въ такой степени, какъ въ подобныхъ оазисахъ по сосѣдству съ голою степью. Однако, рѣчки, вытекающія изъ горныхъ ущелій, развѣтвляясь по канавамъ, пролагаемымъ для орошенія полей, изсякаютъ окончательно, не доходя даже до песковъ Кара-Кума.

Впрочемъ, степь не сплошь покрыта голыми песками. Тамъ нерѣдко попадаются бѣлесоватыя солончаковыя площади. Онѣ часто сопровождаются тощими кустиками зеленовато-пепельныхъ солянокъ. Мѣстами на самой границѣ между песками и оазисомъ образуются весною отъ дождевой воды вязкія топи и отчасти даже озера. Они тянутся иногда рядами и сопровождаются также кустиками солянки, а не то и полыни. Къ лѣту эти лужи и озера высыхаютъ и оставляютъ за собою ровныя и твердыя площадки въ ложбинахъ. Среди нихъ встрѣчаются обыкновенно спасительные колодцы. Четырехъугольное отверстіе ихъ въ квадратный аршинъ величиною окаймляется иногда вѣтвями близъ ростущихъ кустовъ. Эти первобытнаго свойства колодцы и солончаковыя ложбины, поросшія солянками и полынью, служатъ мѣстами для пастьбы скота. Оттого по сосѣдству съ ними нерѣдко встрѣчаются кибитки кочующихъ туземцевъ.

Однако, не только на солончаковыхъ площадяхъ, но даже на голыхъ пескахъ нерѣдко прозябаетъ растительность. Наиболѣе характернымъ рас-

теніемъ здѣсь служитъ саксаулъ. Кое-гдѣ на верхушкѣ песчанаго холмика появляются корявые сучья съ мелкою листвой на концахъ вѣтвей, образуя кустъ вышиною съ нашъ орѣшникъ. Онъ глубоко въ песокъ запускаетъ такіе же корявые корни, извлекая изъ глубины сохранившуюся тамъ влагу. Стволъ этого страннаго растенія отличается твердостью или, скорѣе, хрупкостью, такъ что его трудно рѣзать ножомъ, но отъ удара онъ разбивается словно стекло. Замѣтимъ еще, что саксаулъ сродни нашей лебедѣ, такъ какъ оба растенія относятся къ одному семейству. Здѣшнія степи напоминали мнѣ такого же рода песчаныя пустыни Аризона въ Сѣверной Америкѣ, съ тою разницей, что тамъ въ пескахъ разростается обыкновенно колючій кактусъ, мѣсто котораго здѣсь какъ бы замѣняетъ собою саксаулъ. Въ этихъ безлѣсныхъ мѣстахъ жители пользуются имъ для отопленія и истребляютъ его во множествѣ, лишая, такимъ образомъ, песчаныя степи послѣдней возможной на нихъ растительности. Среди песковъ попадается также растеніе изъ рода тамарисковъ, называемое здѣсь гребенщикомъ. Его также истребляютъ для топлива, такъ что степь безпощадно оголяется людьми. Въ послѣднее время, впрочемъ, администрація наложила запретъ на такія безразсудныя порубки въ пескахъ, и безъ того уже столь бѣдныхъ растительностью.

Въ этой скудной органическою жизнью пустынѣ нѣтъ даже путей сообщенія, по крайней мѣрѣ, по нашимъ цивилизованнымъ понятіямъ. Путями здѣсь считаются заносимые песками слѣды, какіе оставляютъ по себѣ караваны, перебираясь отъ одного колодца къ другому. А средствами сообщенія служатъ верблюды, эти неприхотливые многострадальные піонеры пустыни, костьми которыхъ усыпана она изъ конца въ конецъ. Такими путями караваны проходятъ обыкновенно изъ Персіи и Афганистана на сѣверъ, какъ въ Хиву, такъ и въ Бухару. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о ширинѣ пустыни, скажемъ только, что отъ Кизиль-Арвата до Хивинскаго оазиса считается около четырехъ сотъ верстъ, и это пространство караваны совершаютъ дней въ двадцать слишкомъ, причемъ дня по два, по три кряду не встрѣчаютъ ни одного колодца съ годною водой. На такой случай они возятъ ее съ собою въ бурдюкахъ на верблюдахъ.

Полновластными хозяевами этихъ пустынь до послѣдняго времени считались туркмены. Не подчиняясь въ дѣйствительности ничьей власти, эти вольные какъ вѣтеръ кочевники отличались тѣми же патріархальными нравами въ связи съ кровожадными инстинктами, тѣми же благодушными побужденіями въ связи съ безпощадною жестокостью, какія свойственны вообще племенамъ, доблести которыхъ воспѣвались нашими поэтами въ твореніяхъ вродѣ *Кавказскаго плѣнника* или *Хаджи-Абрека*. Сожалѣть ли о томъ, что на долю туркменъ не выпало такого поэта, который воспѣлъ бы ихъ наѣзды по степямъ на неутомимыхъ скакунахъ, не кормя отмахивающихъ стоверстныя разстоянія,—ихъ лихіе набѣги на сосѣднія персидскія селенія и шумные возвраты оттуда съ богатою добычей и плѣнниками?! Хотя въ памяти свѣжи еще эти кровавые подвиги, но, лишенные поэтическа-

го ореола, туркмены представляются намъ теперь не иначе, какъ укрощенными разбойниками, поневолѣ избравшими промыслы скотовода и грабаря.

Обратимъ еще вниманіе на то, что вымершая нынѣ пустыня не всегда была въ такомъ безжизненномъ состояніи: по свидѣтельству посѣщавшихъ ее путешественниковъ, до сихъ поръ еще попадаются среди песковъ развалины укрѣпленій, а въ почвѣ нерѣдко находятся остатки домашней глиняной посуды. Лѣтописцы въ свою очередь также увѣряютъ, что все пространство между Хивинскимъ оазисомъ и впадающимъ въ Каспійское море Атрекомъ, составляющимъ нашу южную границу съ Персіей, въ древности было населенною страной съ людными городами и деревнями. Вообще весь обширный край между Сыръ-Дарьей на сѣверѣ и хребтомъ Копетъ-Дага на югѣ,—значитъ, все пространство земель, присоединенное въ послѣдніе годы къ Россіи,—искони былъ покрытъ болѣе обширными оазисами, чѣмъ теперь. Насъ интересуютъ такія указанія лѣтописей тѣмъ болѣе, что они какъ бы подкрѣпляютъ увѣренность въ возможности такого же болѣе густаго населенія края въ будущемъ.

Въ глубокой древности эти страны входили отчасти въ составъ обширной Ассирійской монархіи. По нимъ проходили великіе завоеватели, въ числѣ которыхъ въ исторіи встрѣчаемъ, между прочимъ, персидскаго царя Кира, предпринимавшаго походъ противъ скиѳскаго племени массагетовъ. Къ этому кочевавшему на сѣверо-востокъ отъ Каспійскаго моря племени относятся именно тѣ проклятые Гогъ и Магогъ, о которыхъ упоминаютъ какъ пророкъ Іезекіиль, такъ и арабскіе писатели, и про которыхъ Іоаннъ Богословъ заявляетъ: «Число ихъ какъ песокъ морской». Желая наказать массагетовъ за повторяемые ими набѣги на Персію, Киръ рѣшился проникнуть въ ихъ кочевья. Путь царя пролегалъ по мѣстамъ, которыя пересѣкла наша желѣзная дорога отъ Узунъ-Ада до Кизиль-Арвата, но нельзя указать, въ какомъ именно мѣстѣ. Походъ персидскаго завоевателя простирался далеко на сѣверо-востокъ къ верховьямъ Яксарта или нынѣшней Сыръ-Дарьи, на берегу которой царь основалъ крѣпость Кирополь, какъ полагаютъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находится Ходжендъ. Киръ, какъ извѣстно, поразилъ сперва массагетовъ, но впослѣдствіи самъ погибъ въ бою съ ними. По смерти его все пространство земель, начиная отъ Яксарта на сѣверѣ, вошло въ составъ Персидской монархіи. Разгромивъ ее, Александръ Великій подчинилъ всю страну своей власти. Впрочемъ, намъ еще придется встрѣчаться съ мѣстами, гдѣ македонскій царь оставилъ по себѣ незабвенные слѣды.

Находясь, такъ сказать, на челѣ Ахалъ-Текинскаго оазиса, Кизиль-Арватъ всегда считался важнымъ пунктомъ въ стратегическомъ отношеніи. Самая желѣзная дорога, пролагаемая въ началѣ единственно съ стратегическою цѣлью, доходила въ 1881 году, во время похода генерала Скобелева, только до этого мѣста, и лишь въ 1885 году приступлено было къ проложенію рельсъ далѣе на юго-востокъ, по направленію къ Асхабаду.

Эд. Циммерманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Т 9/1

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

МАРТЪ. — 3-4

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, соб. домъ.
1889.

По закаспійской желѣзной дорогѣ *).

II.

Ахалъ-Теке.

По Ахалъ-Текинскому оазису.—Постройки по желѣзной дорогѣ, обстановка ея и составъ служащихъ.— Цивилизующее вліяніе пара.— Глинобитныя жилища и крѣпости.— Геокъ-Тепе.—Поступательное движеніе русскихъ отрядовъ въ Средней Азіи.—Асхабадъ.—Развалины Аннау.—Борьба оазиса съ песками.—Гератъ и будущая желѣзная дорога въ Индію.—До Мерва.

Начиная отъ Кизиль-Арвата рельсы пролегаютъ уже по самому оазису Ахала. По сторонамъ мелькаютъ поля, засѣянныя пшеницей, ячменемъ, кукурузой, люцерной и джугарой, какъ называется здѣсь похожее съ виду на маисъ растеніе изъ рода сорго, то самое, что мнѣ случалось видѣть на берегахъ Нила, гдѣ оно извѣстно подъ именемъ дурры. Зерна его какъ тамъ, такъ и здѣсь перемалываются въ муку на хлѣбъ. Мѣстами изъ-за глинобитныхъ оградъ выглядываютъ купы фруктовыхъ деревьевъ. За полями и садами, подобно огромному валу, тянется все въ томъ же юго-восточномъ направленіи хребетъ Копетъ-Дага, по гребню котораго почти все время проходитъ рубежъ, отдѣляющій русскія владѣнія отъ персидскихъ. Влѣво отъ дороги мѣстами по пустынѣ Кара-Кумъ бродятъ верблюды, изрѣдка показываются кибитки кочевниковъ и отары овецъ. Иногда тамъ бѣлѣютъ, словно подернутые снѣжнымъ налетомъ, солончаки. Вотъ за пустынною далью поверхность синѣетъ точно озеро. Напряженно всматриваешься въ эту пріятную для утомленныхъ однообразіемъ глазъ синеву, но на самомъ дѣлѣ—тамъ ни капли воды: это марево! По мѣрѣ того какъ поѣздъ проносится впередъ, оно пропадаетъ изъ вида, а впереди виднѣется уже другое такое же обманчивое озеро-марево. Въ этихъ мѣстахъ часто приходится переѣзжать по небольшимъ чугуннымъ мостикамъ: они перекинуты черезъ арыки, какъ называются здѣсь канавы, которыми вода съ горныхъ ручьевъ разводится по полямъ для ихъ орошенія. Здѣсь на каждую версту пришлось наводить среднимъ числомъ по три моста черезъ такіе арыки.

*) *Русская Мысль*, кн. II.

Проѣхавъ верстъ 25, поѣздъ останавливается у станціи. Но тутъ и слѣдовъ нѣтъ какого-нибудь дебаркадера. Для того, чтобы пассажиры могли влѣзть въ вагонъ, подставляются простыя лѣсенки. Среди пустынной мѣстности тутъ стоитъ простая срубная изба средней величины, и еслибъ не рельсы и не телеграфная проволока, протянутая съ высокаго столба къ окнамъ домика, то его, навѣрное, приняли бы за обыкновенную крестьянскую хижину. Въ подобныхъ избахъ также и на другихъ станціяхъ помѣщаются контора начальника и телеграфъ. Хижины эти называются астраханскими домами, такъ какъ привезены сюда въ разобранномъ видѣ изъ Астрахани. Вблизи для пріюта рабочихъ раскинуты тутъ и тамъ туземныя кибитки, шалаши изъ бракованныхъ шпалъ или очерета, а не то и простыя землянки. Эти первобытнаго свойства постройки поставлены, конечно, на время, и уже приступлено къ сооруженію настоящихъ зданій, въ чемъ можно убѣдиться по выложеннымъ тутъ же вблизи фундаментамъ изъ дикаго камня, добываемаго въ нѣдрахъ Копетъ-Дага. На многихъ станціяхъ сооружены фонтаны, брызжущая вверхъ струя которыхъ, наполняя собою обширный бассейнъ, производитъ въ этихъ пустыняхъ весьма пріятное впечатлѣніе, особенно на туземцевъ: они всегда съ благоговѣніемъ относятся къ все оживляющей влагѣ, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась наружу. Прибавимъ для полноты, что при нѣкоторыхъ вокзалахъ имѣется неприхотливый буфетъ. Онъ обыкновенно помѣщается до поры до времени въ какомъ-нибудь баракѣ, а не то подъ сѣнью навѣса изъ камыша. Завѣдуютъ буфетами бо́льшею частью армяне, иногда евреи. Резервуары, снабжающіе паровые котлы водою, состоятъ просто изъ поставленныхъ на столбахъ, пока ничѣмъ не прикрытыхъ, чановъ, въ которые вода накачивается изъ ручья или иного водоема.

Разстояніе между станціями здѣсь значительнѣе, чѣмъ на нашихъ европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ: оно рѣдко бываетъ менѣе двадцати верстъ, а иногда доходитъ до тридцати. За то остановки нѣсколько продолжительнѣе, особенно тамъ, гдѣ приходится сдавать воду или нефть. Довольно часто случается стоять по десяти минутъ, нерѣдко даже по получасу. Замѣтимъ еще, что здѣсь вовсе не видать тѣхъ сторожевыхъ будочекъ, какія на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ размѣщаются обыкновенно при заставахъ и вообще на каждыя полторы версты по одной. Тутъ, напротивъ, на разстояніи двѣнадцати верстъ другъ отъ друга устраиваются для рабочихъ казармы, замѣняющія собою будочки, какихъ потребовалось бы на этомъ протяженіи числомъ восемь. Каждая артель, числомъ до шестнадцати человѣкъ, состоящая подъ руководствомъ дорожнаго мастера, наблюдаетъ за участкомъ, примыкающимъ къ казармѣ. Тамъ, гдѣ настоящіе дома еще не готовы, рабочіе живутъ пока въ шалашахъ или кибиткахъ, раскинутыхъ кое-гдѣ близъ полотна. Заставы на дорогахъ, пересѣкающихъ рельсы, встрѣчаются весьма рѣдко, и при нихъ также не видать никакихъ сторожевыхъ будокъ. Впрочемъ, такихъ проселочныхъ дорогъ здѣсь крайне мало, такъ какъ туземцы ѣздятъ бо́льшею частью верхомъ, пробираясь цѣликомъ по степи. Если еще

прибавимъ къ этому, что на станціяхъ не видать жандармовъ, замѣняемыхъ отчасти козаками мѣстнаго отряда, то въ виду такого, сравнительно ограниченнаго, сторожеваго надзора за дорогой насъ должно было поразить то обстоятельство, что туземцы, особенно туркмены, не покушаются даже портить рельсовый путь. Въ теченіе семи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началось правильное движеніе по дорогѣ, не было ни одного случая подобнаго покушенія со стороны туркменъ, несмотря на то, что именно эта дорога положила конецъ ихъ прежнему разбойничьему промыслу.

Что касается служебнаго персонала, то составъ его вообще представляетъ въ высшей степени пеструю смѣсь разнородныхъ національностей, не только чуждыхъ, но иногда даже враждебныхъ другъ другу. Между лицами, занимающими высшія должности, кромѣ русскихъ и поляковъ, служатъ болгары, сербы, далматы, но рѣдко нѣмцы и французы; англичанъ намъ вовсе не приходилось встрѣчать. На мѣста машинистовъ и кондукторовъ назначаются обыкновенно тѣ же солдаты желѣзно-дорожнаго батальона, которые укладывали рельсы. Въ случаѣ нужды, ихъ пополняютъ вольнонаемными людьми. Туркмены, какъ мы уже видѣли, служатъ по преимуществу землекопами и работаютъ теперь о-бокъ съ тѣми же персами, которые, какъ говорится здѣсь, переходили прежде персидскую границу не иначе, какъ съ веревкой на шеѣ. Продаваемые тогда туркменами въ рабство, они въ настоящее время большими партіями добровольно появляются изъ Персіи, гдѣ имъ никогда не приходилось пользоваться столь выгоднымъ заработкомъ.

Такимъ-то образомъ нашимъ рельсовымъ путемъ, помимо стратегическихъ и коммерческихъ цѣлей, достигается дружное сближеніе разноплеменныхъ народностей, и можно сказать, что въ этомъ отношеніи едва ли гдѣ на земномъ шарѣ цивилизующая сила пара проявлялась въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ. Особенно если примемъ притомъ въ соображеніе, что, съ проложеніемъ рельсъ, для просвѣщенныхъ націй вновь открывается обширный край, обладавшій въ древности цвѣтущею культурой, но оказавшійся затѣмъ надолго недоступнымъ для цивилизованнаго міра и какъ бы вовсе забытымъ.

По мѣрѣ того, какъ нашъ поѣздъ подвигался по Ахалъ-Текинскому оазису, по сторонамъ дороги стали чаще встрѣчаться глинобитныя жилища туземныхъ поселянъ. Стѣны этихъ сакель, толщиною около аршина и болѣе, воздвигаются изъ той же глинистой земли, которая служитъ здѣсь пашнею. Смоченная водою, она темнобураго цвѣта, но по мѣрѣ того, какъ высыхаетъ, становится свѣтлѣе и принимаетъ желтоватый оттѣнокъ, почему и называется желтоземомъ. Однако, глинобитныя высохшія стѣны вблизи кажутся сѣровато-пепельнаго цвѣта; но издали, подъ яркими солнечными лучами, онѣ представляются болѣе блѣдными. Сакли туземцевъ окружены обыкновенно съ четырехъ сторонъ такою же сѣроватою высокою стѣной съ зубцами вродѣ крѣпостныхъ, но только округленными на вершинѣ. По четыремъ угламъ часто воздвигаются глинобитныя башенки съ узкими стрѣльницами. Входъ во внутрь довольно просторнаго четырехъ-

угольнаго двора замыкается большими деревянными воротами. Все съ виду напоминаетъ небольшой фортъ, въ которомъ обитатели могли бы при случаѣ выдержать осаду нападающаго врага. Такія огороженныя зубчатою стѣной жилища и называются у туземцевъ курганчи, что значитъ крѣпостца. Непрерывные набѣги туркменъ въ былое время поневолѣ заставляли мирныхъ поселянъ воздвигать такія курганчи. Мало того, пахарь, воздѣлывая свое поле, то и дѣло подвергался опасности быть застигнутымъ хищными аламанщиками. На этотъ случай на самой пашнѣ воздвигнуты круглыя, довольно высокія башни. Такія одиноко торчащія среди полей башни часто приходится видѣть по обѣ стороны рельсъ. Когда, бывало, покажется вдали толпа подозрительныхъ наѣздниковъ, то, застигнутые за плугомъ, пахари опрометью бросались къ спасительной башнѣ, пролѣзали въ продѣланное внизу отверстіе, закладывали его тяжелыми камнями и выжидали, пока не удалятся аламанщики; а при случаѣ даже отстрѣливались отъ нападавшаго непріятеля.

Хлѣбопашцы здѣсь вынуждены оборонять свои поля еще отъ другаго рода враговъ. На межахъ между полями здѣсь и тамъ попадаются тумбочки вышиною съ полсажени, слѣпленныя изъ того же желтозема. На эти тумбочки по утреннимъ и вечернимъ зарямъ влѣзаютъ мальчики; размахивая съ крикомъ хворостинами и кидая камни въ разныя стороны, они разгоняютъ пернатыхъ хищниковъ, стаями залетающихъ въ пшеничныя и ячменныя поля. Къ такого рода хищникамъ относятся по преимуществу воробьи, также разныхъ породъ скворцы и дрозды.

Эти глинобитныя постройки съ ихъ пыльно-сѣрыми толстыми стѣнами наводятъ тоску и чувство непріютности на посторонняго наблюдателя, тѣмъ еще болѣе, что при видѣ ихъ невольно вспоминаешь, сколько непроизводительнаго труда тратилось на эти укрѣпленія единственно ради неукротимыхъ, бывало, аламановъ. Вспоминаются, притомъ, также неприхотливыя, легко слѣпляемыя, но привѣтливыя съ виду, выбѣленныя мазанки въ нашихъ малороссійскихъ селеніяхъ. Казалось, не большаго труда и здѣсь также стоило бы покрыть известью сѣрыя стѣны, тѣмъ болѣе, что въ горахъ нѣтъ недостатка въ известковомъ камнѣ. По крайней мѣрѣ, русскія глинобитныя постройки, какія случается здѣсь видѣть, почти всегда выбѣлены, такъ что, завидѣвъ издали бѣлѣющую стѣну, я всякій разъ былъ увѣренъ застать тамъ русскаго поселенца.

Незадолго до полудня поѣздъ подкатываетъ къ Геокъ-Тепе, къ этому бывшему послѣднему оплоту теке-туркменъ. По лѣвую сторону отъ рельсъ, саженяхъ во ста отъ нихъ, до сихъ поръ стоятъ полуразрушенныя стѣны бывшей крѣпости или кургана по-туземному. Взявъ укрѣпленіе приступомъ, генералъ Скобелевъ сразу подчинилъ русской власти Ахалъ-Текинскій оазисъ, населеніе котораго тогда же изъявило покорность. Экспедиція окончилась съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, благодаря именно желѣзной дорогѣ. А иначе, еслибъ генералу и удалось бы даже, безъ посредства рельсоваго пути, взять Геокъ-Тепе и разгромить туркменъ, то такая по-

бѣда, все-таки, не повела бы къ окончательному подчиненію края и умиротворенію его. И въ самомъ дѣлѣ, войскамъ, отдѣленнымъ въ такомъ случаѣ отъ Каспійскаго моря безводною пустыней, не откуда было бы доставлять необходимое продовольствіе, такъ что они вынуждены были бы вернуться къ русскимъ границамъ и предоставить край опять на произволъ тѣхъ же хищниковъ. Такого рода экспедиціи, какъ бы каждая изъ нихъ сама по себѣ ни была успѣшна, всегда носили бы на себѣ характеръ временныхъ безцѣльныхъ набѣговъ. А расположить по странѣ военные посты для охраны мирныхъ жителей, какъ предлагалось иными, оказывается въ этихъ пустыняхъ дѣломъ неисполнимымъ вслѣдствіе недостатка правильныхъ средствъ сообщенія. Одинъ только рельсовый путь и могъ устранить всѣ эти неодолимыя иначе затрудненія. Такъ что въ стратегическомъ отношеніи едва ли какая другая желѣзная дорога оказалась на дѣлѣ болѣе цѣлесообразною, нежели проложенная до Кизиль-Арвата. Однако, такое значеніе ея въ свою очередь обусловливается, конечно, необходимостью полнаго подчиненія края русской власти. А для того, чтобъ убѣдиться въ этой необходимости, стоитъ только вспомнить о тѣхъ поводахъ, какими русскія войска побуждались къ поступательному движенію въ среднеазіатскія пустыни, обладаніе которыми не принесетъ будто никакой пользы Россіи, какъ думаютъ многіе, упуская, притомъ, изъ вида событія, предшествовавшія покоренію этого края. Потому считаемъ не лишнимъ напомнить здѣсь хоть вкратцѣ о тѣхъ давно совершившихся событіяхъ.

Избавившись отъ монгольскаго ига, разгромивъ затѣмъ Казанское царство и покоривъ Астрахань, подчинивъ также русской власти кочевавшія за Ураломъ безпокойныя киргизскія орды, Россія около начала текущаго столѣтія подошла къ границамъ Туркестана. Здѣсь въ свою очередь оказался такой же тревожный врагъ, какимъ были прежде татары и киргизы, обратившіеся въ теченіе времени въ мирныхъ подданныхъ Бѣлаго Царя. Тогда наступила необходимость оградить этихъ подданныхъ отъ набѣговъ хищныхъ туркменъ, тѣмъ болѣе, что эти степные наѣздники не только нападали на усмиренныхъ и почти безоружныхъ кочевниковъ Киргизскихъ степей, но грабили даже караваны, ходившіе изъ Оренбурга въ Хиву и Бухару, и, простирая свои набѣги до Каспійскаго моря, разоряли тамъ ватаги русскихъ рыбаковъ, уводя плѣнныхъ тысячами въ неволю. Туркмены, на словахъ, считались подданными то бухарскаго эмира, то хивинскаго хана, но на дѣлѣ не признавали надъ собою ничьей власти. Мало того, владѣтели Хивы и Бухары вовсе и не думали сдерживать своихъ мнимыхъ подданныхъ отъ грабежей. Напротивъ, они нерѣдко сами поощряли ихъ къ набѣгамъ, нарушая, такимъ образомъ, мирные договоры, заключаемые съ русскимъ правительствомъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ и неудачныхъ походовъ, русскія войска, подъ начальствомъ Черняева, взяли, наконецъ, въ 1865 году, Ташкентъ. Послѣдовавшее затѣмъ покореніе Туркестанскаго края въ свое время сильно встревожило англи-

чанъ, такъ что князь Горчаковъ счелъ долгомъ успокоить ихъ правительство циркуляромъ, въ которомъ выяснилъ, что одна только крайняя необходимость оградить свои предѣлы побуждаетъ Россію къ подчиненію своей власти новыхъ областей, указавъ, притомъ, на Сыръ-Дарью, какъ на естественную границу русскихъ владѣній. Однако, непредвидимыя обстоятельства и на этотъ разъ также оказались могучѣе всякихъ дипломатическихъ попытокъ остановить дальнѣйшее движеніе русскихъ войскъ. И дѣйствительно, переходя черезъ Сыръ-Дарью, туркмены, попрежнему, продолжали свои грабежи, а, сверхъ того, подстрекаемый англійскими агентами, бухарскій эмиръ засадилъ въ тюрьму русскаго посла Струве и двинулъ свои войска, съ тѣмъ, чтобы возвратить Ташкентъ и весь покоренный съ нимъ край. Тогда наше правительство приступило къ рѣшительнымъ мѣрамъ и, вопреки циркуляру князя Горчакова, русскіе отряды, подъ предводительствомъ Романовскаго, проникли въ бухарскія владѣнія, разсѣяли въ кровопролитной битвѣ полчища эмира, а вслѣдъ затѣмъ генералъ Кауфманъ взялъ въ 1868 году Самаркандъ.

Убѣдившись, вопреки происканъ англичанъ, въ необходимости покориться силѣ оружія, эмиръ смирился и заключилъ съ нашимъ генераломъ миръ на условіяхъ, въ силу которыхъ русскимъ подданнымъ предоставляется полное право торговли въ Бухарѣ, и самъ эмиръ сталъ отвѣтственнымъ за ихъ безопасность. Принявъ въ свою столицу агента русскаго правительства, бухарскій владѣтель лишился съ этой поры возможности нарушать впредь мирный договоръ и сталъ какъ бы въ вассальныя отношенія къ Россіи.

Однако, оставалось еще укротить такихъ же безпокойныхъ враговъ, хановъ хивинскаго и коканскаго, то и дѣло проявлявшихъ враждебныя отношенія къ Россіи. Владѣя плодоноснымъ оазисомъ, лежащимъ по берегамъ Аму-Дарьи въ ея низовьяхъ и окруженнымъ песчаными пустынями, хивинскій ханъ считалъ себя недосягаемымъ для русскаго оружія. Наконецъ, въ 1873 году генералъ Кауфманъ занялъ Хиву и, присоединивъ къ русскимъ владѣніямъ область, лежащую на правомъ берегу рѣки, поставилъ хана также въ вассальное отношеніе. Года черезъ два послѣ того русскія войска, подъ начальствомъ Скобелева, овладѣли еще Коканскимъ ханствомъ, вошедшимъ въ составъ русскихъ владѣній подъ именемъ Ферганской области.

Первымъ дѣломъ по завоеваніи этихъ областей было освобожденіе всѣхъ рабовъ, томившихся въ тяжкой неволѣ, — не только русскихъ, но также персовъ и другихъ. Невольничество было окончательно уничтожено какъ въ русскихъ владѣніяхъ, такъ точно въ Хивѣ и Бухарѣ.

И такъ, въ семидесятыхъ годахъ наши отряды подошли къ берегамъ Аму-Дарьи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, степи между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, точно также и пустыня до Кизиль-Арвата были уже подчинены русской власти. Тревожныя опасенія англичанъ достигли въ это время высшей степени. Послѣ неудавшихся попытокъ возстановить противъ Россіи Бухару и Хиву,

англійскіе агенты принялись возбуждать туркменъ, обитавшихъ по Ахалъ-Текинскому и Мервскому оазисамъ, имѣя въ виду воспрепятствовать дальнѣйшему напору русскаго оружія. Но такими подпольными дѣйствіями сами же англичане какъ бы способствовали лишь ускоренію окончательнаго завоеванія Закаспійской области. И дѣйствительно, когда туркмены стали продолжать свои набѣги, то наше правительство опять нашлось вынужденнымъ снарядить экспедицію противъ этихъ наѣздниковъ пустыни. Осада Геокъ-Тепе въ 1879 году подъ начальствомъ генерала Ламакина окончилась полною неудачей: русскія войска должны были отступить за недостаткомъ провіанта и за невозможностью доставить его въ надлежащій срокъ по песчанымъ пустынямъ. Теке-туркмены, считая себя послѣ этого неодолимыми, стали еще смѣлѣе въ своихъ наѣздахъ. Тогда, наконецъ, генералу Скобелеву поручено было овладѣть оазисомъ Ахала, и по его настоянію правительство разрѣшило постройку желѣзной дороги. Геокъ-Тепе былъ взятъ и Ахалъ-Текинскій, а вслѣдъ затѣмъ и Мервскій оазисы окончательно присоединились къ русскимъ владѣніямъ. Это бѣглое сопоставленіе извѣстныхъ фактовъ достаточно указываетъ на тѣ роковыя условія, какими Россія, можно сказать, невольно вовлекалась во внутрь Средней Азіи.

Послѣ станціи Геокъ-Тепе по дорогѣ, особенно по правую ея сторону, чаще стали появляться сады съ виноградниками и фруктовыми деревьями, огороженные все тѣми же неприглядными глинобитными стѣнами. По пастбищамъ показывались большія отары овецъ. Близъ разсыпанныхъ по степи кибитокъ туземцевъ паслись верблюды и ишаки, какъ называются здѣшніе малорослые ослы. Тутъ и тамъ появлялись туркмены верхомъ на своихъ быстроногихъ коняхъ. Кое-гдѣ проходила съ кладью арба, этотъ единственный и своеобразный туземный экипажъ на двухъ высокихъ колесахъ, довольно удобный, впрочемъ, для проѣзда по здѣшнимъ степямъ, гдѣ дорогою служатъ лишь проторенныя колесами колеи. Не застаиваясь долго на слѣдующей затѣмъ станціи, поѣздъ подошелъ, наконецъ, къ готовому уже дебаркадеру Асхабада.

Покинувъ вагонъ, я вошелъ въ просторный залъ довольно хорошо устроеннаго вокзала. Посреди зала стоялъ обѣденный столъ, убранный какъ слѣдуетъ сервизомъ, лампами и вазами съ цвѣтами. По лѣвую сторону въ обширной нишѣ помѣщался буфетъ. Вся комната была меблирована очень прилично. Проѣхавъ почти 450 верстъ отъ береговъ Каспія, встрѣчая по пути полуготовыя станціи вродѣ срубныхъ избъ или простыхъ бараковъ, пріятно было среди малолюдной пустыни очутиться въ цивилизованной обстановкѣ, напомнившей намъ отчасти роскошные вокзалы по европейскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Сдавъ носильщику свой багажъ, я вышелъ вслѣдъ за нимъ на другую сторону вокзала, гдѣ посреди обширной площадки красовался бассейнъ фонтана, а вправо и влѣво отъ него расположились разныя станціонныя постройки. Къ подъѣзду подкатилъ извощичій экипажъ: коляска, запряженная

парой, которой управлялъ персъ, съ достоинствомъ возсѣдавшій на высокихъ козлахъ. Рѣшительно можно было подумать, что находишься не въ глубинѣ среднеазіатскихъ пустынь, а въ благоустроенномъ городѣ Западной Европы. Экипажъ съ его упряжью могъ бы, пожалуй, послужить образцомъ для нашихъ городскихъ извощиковъ съ ихъ неудобными пролетками и заморенными клячами. Прибавимъ тутъ же, что цѣна извощичьей коляски, въ которой могутъ помѣститься четверо, довольно умѣренная: за проѣздъ до города, до котораго слишкомъ двѣ версты, платятъ всего 40 копѣекъ.

Однако, я не поѣхалъ въ городъ, а извощикъ довезъ меня къ никѣмъ незанятому дому князя Хилкова, выстроенному въ полуверстѣ отъ станціи еще въ то время, когда здѣсь прокладывалась дорога. Это было одноэтажное кирпичное строеніе съ плоскою крышей, какъ строится здѣсь большая часть русскихъ домовъ. Примыкающій къ нему садъ орошается водою, проведенной сюда по канавѣ съ горнаго ручья. Здѣсь разрослись тутовыя деревья, вообще весьма распространенныя по всему краю. Когда приходится видѣть такое множество этой шелковицы, притомъ, не только въ садахъ, но часто даже среди полей и пустырей, когда, притомъ, замѣчаешь, что это дерево не нуждается въ очень сильномъ постоянномъ орошеніи, то приходишь къ заключенію, что весь край съ его плодородною почвой самою природой предназначенъ для тутоваго дерева и для производства обильнаго шелка. Туземное населеніе искони пользуется тутомъ для этой цѣли, но далеко еще не въ такой мѣрѣ, какъ бы слѣдовало ожидать по чрезвычайному обилію его въ краѣ. Самыя глинобитныя постройки туземцевъ, которыя трудно поддерживать въ надлежащей чистотѣ, въ которыхъ за недостаткомъ вентиляціи преобладаетъ довольно спертый воздухъ, затрудняютъ здоровое развитіе шелковичнаго червя; а первобытные пріемы, употребляемые туземцами для производства шелка вообще, не могутъ способствовать болѣе широкому развитію шелководства, къ какому климатъ и почва представляютъ самыя благопріятныя условія. Современемъ, когда въ краѣ воспользуются усовершенствованными способами производства, шелководство въ Средней Азіи, навѣрное, разовьется до такой степени, что съ нею едва ли будетъ въ состояніи соперничать въ этомъ отношеніи какая-нибудь страна въ Европѣ. Тогда наши среднеазіатскія владѣнія будутъ снабжать русскія фабрики всѣмъ потребляемымъ ими шелкомъ-сырцомъ, который въ настоящее время доставляется отсюда въ незначительномъ лишь количествѣ и привозится въ Россію большею частью изъ-за границы. А потому на шелковое производство въ этой странѣ возлагается много надеждъ въ будущемъ.

Въ сосѣдствѣ съ садомъ раскинуты кибитки туркменъ. Персъ, приставленный сторожемъ при домѣ, разсказывалъ мнѣ ломанымъ русскимъ языкомъ, что они по ночамъ перелѣзаютъ черезъ ограду въ садъ и воровскимъ образомъ обдираютъ листья съ тутовыхъ деревьевъ. Нашъ персъ, должно быть, боится этихъ сосѣдей и потому не рѣшается ночью помѣшать имъ въ воровствѣ. А туркмены, занимаясь разведеніемъ шелка, съ выгодой сбываютъ его торговцамъ въ городѣ.

Асхабадъ до прихода сюда русскихъ отрядовъ состоялъ лишь изъ нѣсколькихъ глинобитныхъ построекъ, между которыми ютились кибитки туземцевъ. Настоящій же городъ всецѣло созданъ русскими піонерами. Онъ возникъ всего года четыре тому назадъ, а теперь по постройкамъ своимъ можетъ уже считаться весьма приличнымъ губернскимъ городомъ. Своимъ быстрымъ развитіемъ онъ одолженъ, конечно, тому, что здѣсь сосредоточено административное управленіе Закаспійскою областью. Впрочемъ, и помимо того, Асхабадъ, подобно Кизиль-Арвату, всегда служилъ проходнымъ мѣстомъ для каравановъ, и городъ сохранилъ за собою важное значеніе также въ коммерческомъ отношеніи.

Отъ вокзала къ нему проложено хорошее шоссе. Пройдя по немъ, я по дорогѣ завернулъ въ городской садъ. Онъ хорошо разведенъ и разукрашенъ даже разнаго рода павильонами, но, повидимому, мало посѣщается гуляющими. Положеніе его въ сторонѣ отъ лучшихъ кварталовъ, какъ мнѣ показалось, не способно привлечь туда досужую публику. Выйдя изъ другаго конца сада, я вскорѣ очутился на обширной площади. Одна сторона ея занята крѣпостнымъ валомъ, за которымъ находятся мѣстныя казармы, дома главнокомандующаго войсками и прочихъ властей. На другомъ концѣ площади стоитъ каменная церковь, а по сторонамъ размѣстились каменные дома съ разными магазинами и торговыми лавками. Посреди помѣщенъ небольшой памятникъ, воздвигнутый въ честь воиновъ, павшихъ въ бояхъ съ туркменами. Этою площадью городъ раздѣляется какъ бы на двѣ части, а именно на торговую и неторговую, которую для отличія назовемъ аристократическою. Въ послѣдней улицы обсажены по обѣ стороны деревьями, и, несмотря на короткій срокъ существованія города, они успѣли уже разрости настолько, что даютъ отъ себя довольно густую тѣнь. За высокими тополями тянутся уютные одноэтажные домики съ небольшими при нихъ садами. Къ сожалѣнію, жители аристократической части, какъ кажется, не удовольствовались своими скромными жилищами и принялись за стройку иного рода двухъэтажныхъ, болѣе роскошныхъ зданій, съ претензіей на изящную архитектуру, но менѣе уютныхъ, нежели простые домики съ плоскими крышами, осѣненные тѣнистыми тополями. Оттого въ настоящее время въ этой части города всюду идутъ постройки, такъ что мѣстами улицы загромождены мусоромъ, лѣсами и перерытою землей.

Торговая половина, напротивъ того, представляется болѣе законченною частью города. Тутъ менѣе деревьевъ и зелени; за то магазины, овощныя, мясныя и мелочныя лавки сплошными рядами тянутся по обѣ стороны улицы. Этотъ кварталъ называютъ здѣсь обыкновенно базаромъ, что соотвѣтствуетъ нашему рынку. Хозяйка, отправляясь за покупкой провизіи, у насъ говоритъ, что идетъ на рынокъ, а здѣсь — на базаръ.

Однако, если Асхабадъ, подобно другимъ городамъ въ Средней Азіи, своимъ быстрымъ ростомъ напомнилъ намъ такіе же возникающіе города въ Сѣверной Америкѣ, то, въ отношеніи печати вообще, первые являютъ рѣзкую противуположность къ послѣднимъ. Въ здѣшнемъ городѣ, правда,

существуетъ типографія и въ ней печатается даже газетный листокъ, единственный во всемъ Закаспійскомъ краѣ; но и тотъ ограничивается лишь телеграммами и объявленіями. Книжной же торговли, безъ которой въ Америкѣ не обходится такой городъ, здѣсь вовсе не оказалось. У жителей какъ будто нѣтъ никакой потребности къ чтенію въ часы досуга. Впрочемъ, отсутствіе книжной торговли объясняется отчасти тѣмъ, что большая часть горожанъ, состоящая изъ восточнаго люда, вовсе не умѣетъ читать по-русски. Что же касается интеллигентнаго класса, инженеровъ, военныхъ и чиновниковъ, то они пользуются газетами и журналами, какіе получаются общественными учрежденіями, между прочимъ, также въ офицерскомъ клубѣ. Книги же, въ случаѣ надобности, выписываются обыкновенно изъ Москвы, причемъ приходится цѣлый мѣсяцъ ждать ихъ присылки.

Верстахъ въ двѣнадцати къ востоку отъ Асхабада находятся развалины древняго города Аннау. Желая осмотрѣть ихъ, я направился туда вдоль по полотну желѣзной дороги. Миновавъ песчаные бугры, перерѣзанные рельсовымъ путемъ, я увидѣлъ вдали, по правую его сторону, раскинутыя по равнинѣ сѣрыя стѣны развалившихся построекъ, между которыми высились остатки круглыхъ и четырехъугольныхъ башенъ. Миновавъ стоящую у полотна дороги казарму рабочихъ, я вскорѣ подошелъ къ кургану, какъ по всему видно, насыпному. Почти эллиптической формы, курганъ былъ недавно раскопанъ поперечною галлереей; но въ этой раскопкѣ, сколько намъ извѣстно, не найдено ничего замѣчательнаго. Обогнувъ его, я по тропкѣ подошелъ къ холму, на вершинѣ котораго высились развалины большой мечети. Пробравшись кое-какъ между полуразрушенными стѣнами, окружающими холмъ, я поднялся вверхъ и увидѣлъ передъ собою буроватыя стѣны мечети, обвалившіеся кирпичи съ которой грудой лежали у ея основанія. Вверху, въ щеляхъ едва сохранившагося купола, поселились голуби, стаями летавшіе вокругъ зданія. Лицевой фронтонъ оказался выше купола. Обращенный къ полотну желѣзной дороги, этотъ фронтонъ сохранился лучше всѣхъ другихъ частей и представляетъ самую интересную часть громадной развалины. Середину занимаетъ открытый порталъ, а по бокамъ его вся стѣна, снизу до верху, покрыта многоцвѣтною глазурью въ видѣ чудныхъ арабесковъ. Между ними, справа и слѣва надъ порталомъ, извиваются на встрѣчу другъ другу двѣ змѣи, прелестно составленныя изъ той же глазури. Выше, надъ змѣями, широкою, прямолинейною полосой, вдоль надъ порталомъ, съ арабесками переплетается крупная надпись, какъ надо полагать, на персидскомъ языкѣ. Цвѣта красный, синій, зеленый и желтый такъ еще свѣжи, ярки и сливаются между собою такими причудливыми узорами, съ такимъ гармоничнымъ сочетаніемъ колеровъ, что все вмѣстѣ представляется взору въ видѣ изящнаго, составленнаго изъ изразцовъ, блестящаго ковра, шитаго по канвѣ.

Вотъ все, что сохранилось отъ этой, какъ видно, когда-то величественной мечети. Но и этого достаточно для того, чтобы судить объ искусствѣ персидскихъ художниковъ, объ ихъ умѣньи распредѣлять цвѣта въ такое со-

гласное сочетаніе, что, несмотря на яркость ихъ, глазамъ пріятно смотрѣть на эти неуловимые извивы арабесковъ.

Передъ мечетью на холмѣ же разсыпано много остатковъ бывшихъ глинобитныхъ, частью также и кирпичныхъ строеній; а внизу, у подножія его, по равнинѣ въ направленіи къ хребтамъ Копетъ-Дага раскинулись другія развалины. Тамъ между полуразрушенными башнями и куполообразными верхушками гробницъ пріютились кибитки туземнаго аула. Вдали, за чертою древняго города паслись овцы и верблюды. Жители, какъ видно, до сихъ поръ и не думали возстановить старыя постройки и обратить ихъ въ постоянныя для себя жилища, предпочитая имъ свои легко перетаскиваемыя кибитки.

Къ сожалѣнію, мы не могли узнать, когда и кѣмъ былъ разрушенъ городъ. Говорятъ, будто его разгромилъ Тимуръ, но въ этомъ краѣ всякую подобную катастрофу связываютъ съ именемъ страшнаго завоевателя, такъ что подобной молвѣ нельзя давать никакой вѣры. Извѣстно только, что это былъ старый персидскій городъ. Когда въ январѣ 1881 году русскій отрядъ занялъ Асхабадъ, то къ генералу Скобелеву изъ Аннау явилась депутація отъ персовъ. Въ прошеніи, поданномъ ими главнокомандующему, заявлено, между прочимъ: «Мы, домовъ въ пятьсотъ, съ древнихъ временъ жили въ Аннау. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ разбойничьи племена текинцевъ осадили насъ въ крѣпости и держали въ блокадѣ въ теченіе полутора лѣтъ. Мы же, несчастные, потерпѣвъ много трудностей отъ холода, голода и жажды, не въ состояніи были упорствовать противъ непріятеля; почему, очистивъ крѣпость, удалились изъ Аннау». Потомъ эти персы заключаютъ свое заявленіе такими словами: «Просьба наша заключается въ томъ, чтобы *аулъ* Аннау вы предоставили намъ и мы, несчастные, возвратившись на *родину*, продолжали бы тамъ жить мирно и спокойно».

Несмотря на эти заявленія персовъ, мы, все-таки, остаемся въ недоумѣніи, о какой крѣпости упоминаютъ здѣсь эти якобы коренные уроженцы Аннау. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что при разгромѣ Геокъ-Тепе этотъ древній городъ состоялъ уже изъ однѣхъ развалинъ. Притомъ же, сами просители называютъ вслѣдъ затѣмъ Аннау не городомъ, а ауломъ. Въ отвѣтъ на подобнаго рода прошенія, поступавшія тогда съ разныхъ сторонъ, главнокомандующій разослалъ по селеніямъ Ахалъ-Текинскаго оазиса прокламацію, въ которой приглашалъ жителей покориться русскому царю, обѣщая охранять жизнь, семейства и имущество всѣхъ, изъявившихъ полную покорность. Съ этой поры туземцы, какъ видно, и разселились въ своихъ кибиткахъ среди груды развалинъ города Аннау. Вотъ все, что намъ извѣстно о немъ.

Возвращаясь назадъ въ Асхабадъ, я прошелъ по дорогѣ, проторенной колесами арбъ. Мѣстами по сторонамъ показывались пашни, засѣянныя пшеницей или люцерной, а въ недальнемъ разстояніи, у подошвы Копетъ-Дага, виднѣлись подъ сѣнью тутовыхъ деревьевъ жилища туземцевъ. Потомъ мнѣ пришлось перебираться черезъ тѣ песчаныя гряды, которыми съ сѣ-

вера, съ пустыни Кара-Кумъ заносятся иногда большія площади оазиса. Такіе песчаные заносы происходятъ большею частью въ мѣстахъ, гдѣ поля почему-либо покидаются поселянами и предоставляются на произволъ наступающему на нихъ движенію сыпучихъ песковъ. Происходящая въ такомъ случаѣ борьба между пустыней и оазисомъ совершается, конечно, въ явный ущербъ послѣднему: пески засыпаютъ грядами обширныя площади плодородной почвы. Предупредить подобные гибельные для хлѣбопашества захваты земель могутъ только осѣдлые поселяне, поставляя заблаговременно въ опасныхъ мѣстахъ преграды дальнѣйшему передвиженію песковъ. Но для этого, прежде всего, необходимо, чтобы жители вполнѣ увѣрились въ безопасности отъ набѣговъ хищныхъ аламановъ.

Переваливъ на другой скатъ песчаной гряды, я увидѣлъ вдали раскинутый близъ вокзала городъ, а влѣвѣ отъ него, ближе къ горамъ, расположился лагерь находящагося здѣсь военнаго отряда.

Выѣхавъ на другой день изъ Асхабада, я изъ окна вагона опять увидѣлъ городъ Аннау съ возвышающеюся на холмѣ мечетью; но арабесковъ на фронтонѣ нельзя было разобрать, такъ какъ развалины отстоятъ болѣе версты отъ полотна. Послѣ четырехчасовой ѣзды поѣздъ остановился у станціи Артыкъ. Здѣсь рельсы подошли такъ близко къ персидской границѣ, что чуть не коснулись ея. Персидское мѣстечко Лютфабадъ находится всего верстахъ въ пяти или менѣе отъ желѣзной дороги. Отсюда осталось около трехъ часовъ ѣзды до самой южной оконечности рельсоваго пути, именно до станціи Душакъ. До этого мѣста рельсы на протяженіи шестисотъ верстъ отъ береговъ Каспія пролегаютъ все время въ юго-восточномъ направленіи. Образуя колѣно у Душака, они отсюда, направляясь къ Мерву, сворачиваютъ влѣво, т.-е. на сѣверо-востокъ. Удалившись, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ горъ, желѣзная дорога врѣзалась на время въ песчаную степь Кара-Кума. Однако, плодородный оазисъ у подножія хребта Копетъ-Дага, попрежнему, тянется слишкомъ на сто верстъ далѣе до рѣки Герирудъ, на правомъ берегу которой расположено русское пограничное укрѣпленіе Серахсъ. Вытекая изъ горъ въ предѣлахъ Афганистана, Герирудъ въ верхнемъ теченіи орошаетъ ту плодоносную долину, въ которой лежитъ такъ ревниво охраняемый англичанами отъ русскаго оружія Гератъ. Находясь верстахъ во ста отъ нашей границы, этотъ городъ считается ключомъ къ дорогѣ, которая изъ Персіи и Средней Азіи черезъ Афганистанъ ведетъ въ англійскія владѣнія. А потому Гератъ не только въ коммерческомъ, но еще болѣе въ стратегическомъ отношеніи искони пользовался весьма важнымъ значеніемъ, какъ необходимый опорный постъ для завоевателей, проникавшихъ съ сѣвера въ Индію. Оттого-то этотъ городъ всегда былъ какъ бѣльмо на глазу у англичанъ, опасающихся за свои индійскія владѣнія.

Мы, однако, не станемъ поднимать здѣсь вопроса съ военной точки зрѣнія, а обратимъ вниманіе на болѣе плодотворное вліяніе, какое могло бы оказаться вслѣдствіе миролюбиваго сближенія Англіи съ Россіей. Такое сбли-

женіе принесло бы несомнѣнныя выгоды не только этимъ обѣимъ державамъ, но также и другимъ европейскимъ государствамъ. И въ самомъ дѣлѣ, еслибъ англичане довели свою желѣзную дорогу въ Индіи до Герата, а Россія продолжила до него же рельсовый путь отъ станціи Душака, на которой мы остановились, тогда открылось бы прямое, самое выгодное и наиболѣе скорое сообщеніе всѣхъ пунктовъ Европы съ Индіей,—съ страною, которая въ эпоху великихъ географическихъ открытій служила вожделѣнною цѣлью знаменитыхъ путешественниковъ, стремясь къ которой Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ, ошибочно принявъ его за часть Индіи. Въ настоящее время пароходъ, покинувъ Соутемптонъ въ Англіи, пройдя затѣмъ Средиземнымъ моремъ и Суэзскимъ каналомъ, можетъ прибыть въ Калькутту не прежде, какъ черезъ мѣсяцъ. Когда же рельсы съ той и другой стороны сомкнуться, какъ мы говорили, въ Гератѣ, то тѣ же англійскіе пассажиры, направившись черезъ Москву на Баку, оттуда въ Узунъ-Ада и черезъ Душакъ на Гератъ, совершатъ свой переѣздъ по желѣзной дорогѣ до Калькутты всего въ двѣнадцать дней, что и обойдется имъ, конечно, много дешевле. Сами же англичане, особенно офицеры, возвращающіеся ежегодно въ большомъ числѣ въ отпускъ на родину, воспользуются тогда этимъ кратчайшимъ и наиболѣе выгоднымъ рельсовымъ путемъ.

Что же касается перевозки товаровъ, то громадное количество хлопка, шелка и пряностей, добываемыхъ въ Индіи, особенно въ сѣверныхъ областяхъ ея, будетъ тогда доставляться не только въ Россію, но даже въ западно-европейскіе города съ бо́льшею выгодой и гораздо скорѣе, чѣмъ моремъ. А къ проложенію сказаннаго пути до Герата представляется на дѣлѣ менѣе трудностей, чѣмъ тѣ, какія удалось уже преодолѣть отъ береговъ Каспія до Душака. И дѣствительно, изслѣдованіями нашихъ инженеровъ обнаружилось, что горы, которыя, какъ предполагали прежде, представляютъ будто бы непреодолимыя препятствія къ проложенію путей въ Афганистанъ, вовсе не такъ высоки: онѣ составляютъ рядъ песчаныхъ холмовъ вышиною всего около тысячи футовъ, такъ что для проложенія по нимъ рельсоваго пути не предвидится большихъ затрудненій. Тогда наша желѣзная дорога, скромный починъ которой до Кизиль-Арвата былъ открытъ единственно съ стратегическою цѣлью, пріобрѣтетъ обширное коммерческое, мировое значеніе.

Въ настоящее время, однако, рельсы, какъ мы видѣли, уклонились отъ принятаго ими сначала направленія на Гератъ и поворотили нѣсколько на сѣверъ. Покинувъ Душакъ, поѣздъ пересѣкъ неширокую песчаную степь, и мы въѣхали въ долину Теджена, какъ называется въ нижнемъ его теченіи упомянутый выше Герирудъ, что орошаетъ долину Герата. Тедженъ только весною, во время половодья, заслуживаетъ названіе рѣки, а въ сухое время года, начиная съ мая, онъ высыхаетъ, такъ что въ глинистомъ руслѣ его остается рядъ лужъ и бочаговъ. Далѣе, развѣтвляясь на нѣсколько рукавовъ, Тедженъ совсѣмъ изсякаетъ, пропадая въ пескахъ Кара-Кума.

Переѣхавъ по мосту, перекинутому черезъ маловодную рѣку, поѣздъ оста-

навливается не надолго у самой станціи Тедженъ. Миновавъ затѣмъ селенія съ садами и полями, раскинутыя по нешироκому оазису, мы опять очутились въ безлюдныхъ пескахъ, среди которыхъ стоитъ одинокая станціонная хижина. Покинувъ ее, мы потомъ вскорѣ въѣхали въ прославляемый издревле Мервскій оазисъ, раскинутый по долинѣ рѣки Мургаба. Самый городъ Мервъ, въ которомъ я остановился, отстоитъ на 773 версты отъ Узунъ-Ада, такъ что до сихъ поръ мы совершили болѣе половины всего пути отъ Каспія до Самарканда.

III.

Мервъ.

Мервскій оазисъ.—Походъ Александра Македонскаго.—Парѳяне.—Аравитяне.—Монголы.—Новый Мервъ.—Байрамъ-Али и развалины древняго Мерва.—Государево имѣніе.—Англійская печать о подчиненіи Мерва.—Вамбери и отношенія Россіи къ среднеазіатскимъ областямъ.

До подчиненія русской власти Ахалъ-Текинскаго оазиса въ нашемъ обществѣ едва ли когда-нибудь упоминалось имя этого древняго города. А, между тѣмъ, онъ представляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ въ Средней Азіи: въ тѣ глубокодревнія времена, когда вся Европа была еще погружена въ полный мракъ невѣжества, Мервъ или Муру, какъ онъ назывался встарь, достигъ уже высокой степени культуры и гордо величалъ себя царемъ всего міра. Онъ приписывалъ себѣ даже славу быть мѣстомъ рожденія перваго земледѣльца. Въ древнѣйшихъ книгахъ Зендъ-Авесты значится, между прочимъ: «Муру, твердая и чистая, было третье мѣсто благодати, созданное мною, Ормуздомъ». Двумя первыми такими мѣстами были Балхъ и Гератъ. Черезъ Мервъ искони пролегали торговые пути какъ въ Индію, такъ и въ Китай. Въ цвѣтущій періодъ персидскаго царства область Мургаба, въ которой находится Мервъ, считалась одною изъ богатѣйшихъ сатрапій. Однако, болѣе достовѣрныя свѣдѣнія какъ о Мервѣ, такъ и объ азіатскихъ странахъ вообще проникли въ Европу, благодаря походамъ Александра Великаго.

Прослѣдивъ за движеніемъ македонскаго царя въ глубь среднеазіатскихъ областей, мы встрѣчаемъ его въ предѣлахъ нынѣшняго Афганистана, именно въ долинѣ верхняго Геріруда, гдѣ онъ основываетъ городъ подъ названіемъ Александрія Аріевъ, извѣстный въ настоящее время подъ именемъ Гератъ. Преслѣдуя убійцу Дарія III, сатрапа Бесса, Александръ взялъ, въ 339 году до Р. Х., Бактру (нынѣшній Балхъ), служившую средоточіемъ славнаго Бактрійскаго царства. Продолжая идти къ сѣверу, онъ переправился черезъ древній Оксъ (Аму-Дарью) и проникъ въ Согдіану, въ ту область, что орошается рѣкою Зерафшанъ, въ долинѣ которой находится Самаркандъ или Мараканда, какъ назывался городъ въ древности. Отправивъ плѣненнаго Бесса въ Бактру, Александръ занялъ Мараканду и двинулся оттуда далѣе къ сѣверу, къ берегамъ Яксарта (Сыръ-Дарьи), къ

тому самому мѣсту, гдѣ находилась основанная Киромъ крѣпость въ окрестностяхъ нынѣшняго Ходжента. Овладѣвъ этимъ краемъ, македонскій завоеватель заложилъ здѣсь новый городъ, назвавъ его Александрія Эсхата, т.-е. крайняя, такъ какъ это мѣсто пришлось на краю культурнаго царства, за предѣлами котораго, далѣе къ сѣверу, рыскали вольнолюбивые скиѳы. Смиривъ ихъ и подавивъ возникшее возстаніе въ Согдіанѣ, царь черезъ Мараканду вернулся въ Бактру, гдѣ и расположился на зимнія квартиры.

Раннею весной слѣдующаго затѣмъ года Александръ направился внизъ по лѣвому берегу Окса, вдоль котораго широкою полосой тянутся цвѣтущіе оазисы. Около того мѣста, гдѣ находится нынѣшній Чарджуй, завоеватель своротилъ влѣво, на югъ отъ берега, и, пересѣкши извѣстную намъ пустыню Кара-Кума, проникъ въ Маргіану, какъ назывался тогда нынѣшній Мервскій оазисъ. Сохранилось преданіе, будто одинъ изъ полководцевъ царя отпраздновалъ въ Мервѣ свою свадьбу. Подчинивъ эту область своей власти, Александръ, вернувшись къ Оксу, перешелъ черезъ рѣку и опять направился въ Согдіану, гдѣ вспыхнуло новое возстаніе. Усмиривъ его въ одно лѣто, македонскій царь, имѣя постоянно въ виду распространить западную цивилизацію въ странахъ дальняго Востока, основалъ въ этихъ краяхъ нѣсколько колоній, водворивъ въ нихъ грековъ и македонянъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ походѣ въ горной мѣстности на востокъ отъ Мараканды Александръ взялъ смѣлымъ приступомъ такъ называемый Согдіанскій замокъ, считавшійся недосягаемымъ. Здѣсь онъ плѣнился красотою Роксаны, дочери мѣстнаго князя. Довершивъ завоеваніе страны, онъ въ Бактрѣ отпраздновалъ свою свадьбу съ княжною и тамъ же сталъ готовиться къ походу въ Индію.

Тутъ мы покидаемъ великаго полководца и прибавимъ еще только, что Александръ прошелъ по среднеазіатскимъ областямъ не только какъ славный завоеватель, но также какъ доблестный сѣятель просвѣщенія. Достойный ученикъ Аристотеля, онъ всюду старался смягчить звѣрскіе нравы туземцевъ, водворяя въ ихъ средѣ цивилизованныхъ грековъ, залагая колоніи и создавая новые города. Ранняя смерть помѣшала ему привести въ исполненіе задуманныя имъ высокогуманныя идеи. Несмотря на то, посѣянныя имъ начала принесли благіе плоды при его преемникахъ. Недаромъ у туземнаго населенія до сихъ поръ сохранилась добрая память о великомъ Искандерѣ.

Впослѣдствіи въ среднеазіатскихъ областяхъ образовалось сильное Парѳянское царство, которое римляне тщетно покушались подчинить своей власти. Сохранилось извѣстіе, что парѳянскій царь, разбивъ римскіе легіоны подъ предводительствомъ Красса, въ 53 году до Р. Х., разселилъ 10,000 плѣненныхъ при этомъ римлянъ по Мервскому оазису.

Въ началѣ третьяго вѣка по Р. Х. весь этотъ край перешелъ во владѣніе новоперсовъ. Господствовавшая при нихъ религія Зороастра была впослѣдствіи замѣнена отчасти ученіемъ Будды. А въ пятомъ столѣтіи въ Мервѣ появились даже христіане: преслѣдуемая въ Европѣ секта Несторія

нашла себѣ пріютъ въ Персіи, и несторіане основали въ Мервѣ архіепископство, просуществовавшее въ краѣ около трехъ столѣтій. Эти христіане перевели на сирійскій языкъ Платона, Аристотеля, Гиппократа и другихъ греческихъ авторовъ. Благодаря ихъ переводамъ, арабы и познакомились съ греческою наукой, а при ихъ посредствѣ, какъ извѣстно, она впослѣдствіи перешла отчасти и въ европейскія государства.

Овладѣвъ всею страной, арабы въ седьмомъ столѣтіи ввели въ ней исламъ и сдѣлали Мервъ однимъ изъ главныхъ административныхъ пунктовъ обширной области. Съ этихъ поръ онъ сталъ знаменитымъ средоточіемъ наукъ и искусствъ. Въ немъ находились славныя школы, обширная библіотека, астрономическая обсерваторія. Посѣщавшіе его путешественники разносили по свѣту вѣсть о пышныхъ дворцахъ, великолѣпныхъ мечетяхъ и чудныхъ садахъ, украшавшихъ прекрасный городъ, служившій до тринадцатаго вѣка главнымъ убѣжищемъ азіатскаго просвѣщенія.

Въ такомъ состояніи находилась страна до нашествія монголовъ, подобно все сокрушающему урагану нагрянувшихъ на край. Въ противность гуманной и созидающей системѣ, проводимой Александромъ Великимъ и поддерживаемой аравитянами, монголы, слѣдуя законамъ Чингисъ-хана, главнымъ правиломъ поставляли себѣ опустошеніе страны, избіеніе ея жителей. Для того, чтобы легче управлять отдаленными областями, чтобы предупредить въ нихъ возстанія, ханы считали необходимымъ сократить по возможности туземное населеніе, навести на него ужасъ, ослабить, истощить весь край до изнеможенія, такъ что административныя правила ихъ, въ отношеніи завоеванныхъ странъ, въ самомъ зародышѣ заключали въ себѣ роковыя начала неумолимаго разрушенія. Одинъ изъ арабскихъ лѣтописцевъ, Ибнъ-эль-Атира, современникъ погрома 1220 года, имѣя въ виду изобразить вторженіе язычниковъ - татаръ въ область ислама, пишетъ: «Это предпріятіе мое содержитъ въ себѣ описаніе ужаснѣйшей катастрофы и величайшихъ бѣдствій, какія только могли совершиться и какія разразились вообще надъ всѣми народами, но въ особенности надъ мусульманами; и если кто-либо станетъ утверждать, что человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ Господь создалъ Адама, и до нашихъ дней не подвергалось подобному бѣдствію, то онъ скажетъ истинную правду. И дѣйствительно, въ лѣтописяхъ не содержится ничего, что могло бы сравниться съ этимъ погромомъ. Къ самой ужасной катастрофѣ, въ нихъ изображаемой, относится та, какую Навуходоносоръ нанесъ израильтянамъ, разбивъ ихъ и разрушивъ святой Іерусалимъ. Но что значитъ Іерусалимъ въ сравненіи съ областями, опустошенными этими варварами! Вѣдь, главный городъ каждой изъ нихъ стоитъ двойнаго, тройнаго Іерусалима. И что значатъ израильтяне въ сравненіи съ тѣми, что убиты татарами! Вѣдь, въ каждомъ изъ разрушенныхъ ими городовъ было болѣе жителей, чѣмъ всѣхъ израильтянъ. Я думаю, народы никогда болѣе не увидятъ подобной катастрофы, пока человѣчество не предстанетъ предъ престоломъ Господа, пока міръ не распадется въ ничто; ибо даже самъ антихристъ пощадитъ тѣхъ, которые пристанутъ къ

нему, и погубитъ только тѣхъ, которые сопротивятся ему; тогда какъ эти варвары не щадили никого: они убивали женъ и дѣтей, они вскрывали чрева и умерщвляли неродившихся... Монголы—самый жестокій народъ, и ихъ величайшіе властители были самыми ужасными исчадіями человѣчества: они съ чрезвычайнымъ политическимъ искусствомъ, съ безпощадною энергіей обрекли полміра на спокойствіе кладбища».

Нечего прибавлять къ этому изображенію очевидца катастрофы, скажемъ только еще, что одинъ изъ отрядовъ Чингизъ-хана осаждалъ, между прочимъ, также Мервъ. Когда, наконецъ, крѣпость сдалась, то начальникъ монголовъ велѣлъ выйти ея жителямъ, и солдаты умертвили всѣхъ до единаго, а зданія города и укрѣпленія были сравнены съ землей. Время не успѣло еще смыть кровавый слѣдъ, оставленный по себѣ Чингисъ-ханомъ, населеніе еще не оправилось отъ страшнаго погрома, какъ на страну нагрянулъ новый бичъ народовъ—Тамерланъ. Разставивъ по пути своемъ въ видѣ памятниковъ огромныя пирамиды изъ человѣчьихъ череповъ, этотъ герой-истребитель въ свою очередь усѣялъ всю страну грудами развалинъ. Такъ окончательно были истреблены сѣмена просвѣщенія, посѣянныя Александромъ Македонскимъ и давшія богатый ростъ при господствѣ образованныхъ аравитянъ. Послѣ нашествія монголовъ среднеазіатскія области въ теченіе шести съ половиной вѣковъ служили поприщемъ грабежей и разбоевъ. Для мирной дѣятельности тутъ уже не было безопаснаго мѣста.

Возстановляя въ памяти эти совершившіяся въ краѣ событія, мы еще болѣе убѣждаемся въ томъ, что не природа обрекла его на безжизненное состояніе: ни песчаные заносы, ни разливы рѣкъ, ни землетрясенія и никакія стихійныя силы не могли бы учинить такого сокрушительнаго дѣйствія, какое произвело нашествіе монголовъ. А то, что сокрушено людьми, они же въ состояніи и возстановить. Выполнить эту задачу предстоитъ въ настоящее время какъ туземному, такъ и пришлому населенію подъ эгидою русскаго владычества. Тогда въ будущемъ на тѣхъ же развалинахъ разцвѣтетъ новая жизнь, возникнетъ новый культурный міръ. Благодаря силѣ пара въ связи съ цивилизующимъ вліяніемъ Запада, этотъ вновь возникшій міръ будетъ прочнѣе, долговѣчнѣе того царства, что оставилъ по себѣ македонскій завоеватель: снабженному современными техническими средствами среднеазіатскому міру теперь нечего опасаться катастрофы, подобной монгольскому нашествію, и Мервъ, этотъ древній царь всего міра, опять займетъ подобающее ему мѣсто въ средѣ азіатскихъ городовъ.

Во время экспедиціи на Геокъ-Тепе Мервъ служилъ гнѣздомъ хищниковъ, вродѣ теке-туркменъ. Населеніе проживало большею частью въ переносныхъ кибиткахъ, такъ что настоящаго города, собственно говоря, тутъ не было. Энергичный вождь мервскихъ туркменъ, Коушутъ-ханъ, имѣлъ въ виду достроить затѣянныя въ огромныхъ размѣрахъ на правомъ берегу Мургаба укрѣпленія. Но, узнавъ объ окончательномъ покореніи Ахалъ-Текинскаго оазиса, большая часть населенія въ Мервѣ, несмотря на происки англійскаго агента, рѣшилась добровольно подчиниться русской вла-

сти. Постройка укрѣпленія была пріостановлена; русскій отрядъ, вступивъ въ 1884 году въ городъ, утвердился въ немъ, и спокойствіе во всемъ краѣ было окончательно возстановлено. Но для того, чтобы оно было еще устойчивѣе, строители въ наступившемъ затѣмъ году приступили къ укладкѣ рельсъ отъ Душака до Мерва, а въ іюлѣ 1886 года заложили здѣшнюю станцію и открыли до этого мѣста движеніе по желѣзной дорогѣ. При станціи, въ то же время, стали быстро возникать дома русскихъ торговцевъ и другихъ жителей, такъ что года черезъ два на берегахъ Мургаба развился статный городокъ—русскій Мервъ.

Онъ напомнилъ намъ такіе же возникающіе американскіе города не только быстротою своего роста, но также правильностью распланировки. И въ самомъ дѣлѣ: на ровной площади по сю сторону Мургаба, какъ по шнуру, вытянулись ряды домовъ, пересѣкаемые подъ прямымъ угломъ такими же правильными улицами. Вдоль тротуаровъ прорыты водопроводныя канавки. Тамъ, гдѣ онѣ пересѣкаютъ мостовую, черезъ нихъ перекинуты каменные мостики съ высокими парапетами по бокамъ. Дома, большею частью одноэтажные, съ плоскими крышами, скромно и уютно смотрятъ за рядами молодыхъ еще деревьевъ, разсаженныхъ по краямъ тротуаровъ. По нѣкоторымъ улицамъ размѣстились магазины, мелочныя лавки и товарные склады. И здѣсь, также какъ въ Асхабадѣ, извощики щеголяютъ удобными колясками парой. Словомъ, на всемъ лежитъ отпечатокъ благоустроеннаго цивилизованнаго города, какого и не ожидаешь видѣть въ азіатскихъ пустыняхъ. Но это еще только одна часть его, въ которой поселился по преимуществу торговый людъ. Другая половина города расположилась на правомъ берегу Мургаба, какъ разъ на томъ мѣстѣ, которое было обведено высокимъ глинобитнымъ валомъ недостроенной крѣпости Коушутъ-хана. Черезъ рѣку перекинутъ желѣзно-дорожный мостъ. Пройдя по немъ и миновавъ высокій крѣпостной валъ, вы выходите на новыя улицы, гдѣ тянутся ряды болѣе роскошныхъ строеній, отчасти напоминающихъ собою итальянскія виллы съ прекрасными при нихъ садами. Тутъ находятся жилища военныхъ и административныхъ властей, также казначейство, почтамтъ, телеграфъ, аптека. А далѣе, на томъ же правомъ берегу, за городскимъ садомъ расположены казармы и церковь среди нихъ.

Таковъ недавно возникшій русскій Мервъ, раскинутый по обѣ стороны мутноводнаго Мургаба. Вытекая изъ горъ въ сѣверномъ Афганистанѣ, этотъ творецъ Мервскаго оазиса, направившись къ сѣверу, какъ будто стремится по пути къ Аму-Дарьѣ. Но, не доходя до нея, рѣка развѣтвляется на многіе рукава и изсякаетъ въ пескахъ. Мы видѣли уже, что точно также пропадаетъ въ пескахъ Тедженъ, никуда не впадая; а рѣчки въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ тоже исчезаютъ въ пустыняхъ Кара-Кума. Вообще здѣшніе потоки отличаются своеобразнымъ свойствомъ: обыкновенно предполагается, что рѣки вливаются въ другіе, болѣе обширные водоемы; а здѣсь мы то и дѣло наблюдаемъ иной, рѣдко повторяющійся въ другихъ мѣстахъ исходъ потоковъ. Дѣло въ томъ, что отъ нихъ проводятся здѣсь обыкновенно ары-

ки для орошенія садовъ и полей. Вода вслѣдствіе этого истощается по пути и потокъ, наконецъ, совершенно изсякаетъ, не вливаясь ни въ какой иной водоемъ.

Оазисъ, созданный Мургабомъ, искони славился своимъ плодородіемъ. Однако, въ настоящее время въ немъ обрабатывается всего около одной трети всей годной площади; остальная часть покрыта большими зарослями очерета, бурьяна или колючки, въ которой стаями водятся выводки фазановъ.

Гдѣ же, однако, древній Мервъ, славившійся своими чертогами и мечетями? Здѣсь, въ ближайшихъ окрестностяхъ, не видать никакихъ слѣдовъ стараго города. Оказывается, что развалины его находятся въ 26 верстахъ отъ нынѣшняго Мерва, у слѣдующей за нимъ станціи Байрамъ-Али. Отправившись туда съ утреннимъ поѣздомъ, я издали уже изъ окна вагона увидѣлъ впереди разсыпанныя по площади развалины, надъ которыми влѣвѣ высился большой буроватый куполъ мечети, стоящей на холмѣ. Невольно подумалъ я, что въ свое стародавнее время этотъ куполъ, покрытый тогда блестящею глазурью, производилъ на подъѣзжавшаго къ Мерву путника такое же впечатлѣніе, какое производитъ нынѣ также видимый издалека позлащенный куполъ храма Спасителя на возвращающагося во-свояси москвича.

Когда поѣздъ подходилъ къ станціи, то по обѣ стороны полотна показались разрушенные остатки высокихъ стѣнъ, башенъ и другихъ глинобитныхъ построекъ, во множествѣ разсѣянныхъ по обширной равнинѣ. Рельсы пролегаютъ какъ разъ между развалинами, а въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи, влѣвѣ, высятся сѣрыя, полуразвалившіяся стѣны бывшей крѣпости Байрамъ-Али, по имени которой прозвана сама станція.

Покинувъ вагонъ, я обратился къ здѣшнему начальнику, къ которому у меня была рекомендательная записка. Благодаря его распоряженію, мнѣ вскорѣ подвели осѣдланную лошадь и дали въ проводники хорошо знакомаго съ мѣстностью джигита изъ туземцевъ. Возсѣвъ на коней, мы направились, прежде всего, къ стѣнѣ старой крѣпости. Мой проводникъ съ трудомъ изъяснялся по-русски, но мы, все-таки, хорошо понимали другъ друга. Онъ предупредительно называлъ мѣста, по которымъ мы проѣзжали, но его свѣдѣнія въ этомъ отношеніи оказались крайне ограниченными. Врядъ ли кто изъ туземцевъ можетъ сообщить достовѣрныя историческія извѣстія касательно давно покинутыхъ развалинъ. За такими свѣдѣніями слѣдовало бы обратиться къ аравійскимъ и персидскимъ писателямъ. Вообще, въ этомъ, до сихъ поръ мало доступномъ для ученыхъ изслѣдованій, краѣ открывается теперь обширное, едва лишь початое поле для изысканій археологовъ и оріенталистовъ.

Крѣпость Байрамъ-Али, какъ извѣстно, принадлежала не такъ еще давно персамъ, владѣвшимъ до 1784 года Мервскимъ оазисомъ. Въ этомъ году бухарскій эмиръ овладѣлъ всѣмъ краемъ, разрушилъ крѣпость, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и большую плотину на Мургабѣ, благодаря которой оазисъ орошался съ давнихъ временъ. Судя по довольно хорошо сохранившимся стѣ-

намъ, растянутымъ на протяженіи почти трехъ верстъ правильнымъ четырехъугольникомъ, эта крѣпость новѣйшаго происхожденія и не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ Мервомъ. Въѣхавъ въ большія ворота, мы стали пробираться по наваленнымъ въ безпорядкѣ грудамъ камней и кирпича. По сторонамъ находились остатки дворца, мечетей, общественныхъ бань и многихъ зданій довольно значительныхъ размѣровъ, все большею частью изъ жженаго кирпича. Выѣхавъ изъ крѣпости на другомъ концѣ ея подъ сводомъ такихъ же большихъ воротъ, мы свернули влѣво и стали пробираться по поросшей рѣдкимъ кустарникомъ ровной площади, прерываемой мѣстами высохшими арыками, служившими въ прежнія времена для орошенія всей мѣстности. Мой проводникъ указалъ вдали на груды мусора и камней, заявивъ, что на томъ мѣстѣ находилась Гяуръ-кала, или городъ невѣрныхъ, и что это самая древняя часть развалинъ. Версты за двѣ оттуда показались такіе же слѣды разрушеній, которые джигитъ назвалъ Искандеръ-кала, т.-е. городъ Александра. Проѣхавъ затѣмъ еще версты три и перебравшись черезъ стѣны, осыпавшіяся до того, что отъ времени онѣ превратились въ высокіе валы, мы увидѣли передъ собою лучше другихъ сохранившуюся мечеть Ходжа-Юсупъ-Хамеданъ. Она окружена оградою. Войдя во внутрь двора, мы замѣтили даже, что эта мечеть обитаема, хотя не застали тамъ ни души. На дворѣ, однако, оказался котелъ и нѣсколько посудинъ, а передъ дверью одной изъ находившихся тутъ келій лежало нѣсколько арбузовъ. Тутъ же, подъ навѣсомъ, находилась каменная гробница. Мой проводникъ, обходя вокругъ нея, благоговѣйно прикасался руками къ плитѣ. Онъ увѣрялъ, что такимъ прикосновеніемъ къ гробницѣ похороненнаго здѣсь святаго люди предохраняются отъ болѣзней. Съ этою цѣлью сюда пріѣзжаютъ изъ дальнихъ мѣстъ больные для излеченія, причемъ, конечно, не обходится безъ пожертвованій и даровъ въ пользу сторожа при мечети.

Я выразилъ было желаніе овладѣть однимъ изъ лежавшихъ тутъ арбузовъ и готовъ былъ заплатить за него, но джигитъ заявилъ, что ихъ отнюдь нельзя трогать. Не утоливъ поэтому томившей меня жажды, я сѣлъ опять на коня, и мы поѣхали далѣе. Вскорѣ, однако, мой заботливый проводникъ остановился у зеленѣвшей среди пустынной площади бахчи, возлѣ которой стояла кибитка туркмена. Хозяинъ по нашей просьбѣ выбралъ тутъ же одинъ изъ зрѣлыхъ арбузовъ и, разрѣзавъ его пополамъ, мы вдосталь насладились свѣжимъ, сочнымъ мясомъ плода.

Послѣ этого я осмотрѣлъ гробницу, находившуюся какъ бы въ склепѣ. При свѣтѣ зажженной спички едва можно было разобрать большой камень, рядомъ съ которымъ стоялъ другой съ мраморною плитой. Проводникъ объяснилъ, что здѣсь похоронены мать и сынъ. Потомъ мы подъѣхали къ холму, на которомъ за толстою стѣной стояла гробница тоже съ мраморною плитой. Здѣсь, какъ заявилъ джигитъ, похоронена сестра. Но кто были эта мать и ея дѣти, и почему они пользуются такою почетною памятью туземнаго потомства, это такъ и осталось для насъ загадкой.

Самую интересную часть развалинъ составляетъ, конечно, та мечеть, куполъ которой я видѣлъ уже издали. Это—мечеть султана Санджара. По происхожденію сельджукъ, этотъ владѣтель обширнаго края жилъ въ XI столѣтіи въ Мервѣ, гдѣ и былъ похороненъ. Стоящее на холмѣ четырехъугольное зданіе увѣнчано на высотѣ пятнадцати саженей большимъ куполомъ. Съ него, какъ и со стѣнъ мечети, сошла вся глазурь, и видны одни только обнаженные бурые кирпичи. Я вошелъ во внутрь мечети. Тамъ на самой вершинѣ посреди свода ясно видно отверстіе, въ которомъ торчитъ съ виду металлическій четырехъ угольный ящикъ желтаго цвѣта. Молва гласитъ, будто ящикъ золотой и будто въ немъ хранятся сокровища. Добраться до него по ветхимъ кирпичамъ нѣтъ никакой возможности. Для этого необходимо было бы соорудить подмостки саженей въ пятнадцать вышиною. Но за такую постройку до сихъ поръ никто не брался, и таинственному ящику предстоитъ, вѣроятно, еще долго торчать въ отверстіи, возбуждая любопытство и алчность въ посѣтителяхъ мечети.

Вернувшись съ продолжительной прогулки на станцію, я послѣ обѣда пошелъ одинъ разсматривать развалины по другую сторону желѣзной дороги. Тамъ, тоже на огромномъ пространствѣ, разсыпаны обвалившіяся стѣны, башни и остатки глинобитныхъ жилищъ, а между ними тянутся высохшіе арыки, свидѣтельствуя о широкой, существовавшей когда-то въ этомъ краѣ, системѣ орошенія. На каждомъ шагу видны явные слѣды господствовавшей здѣсь прежде цвѣтущей культуры и обитавшаго въ краѣ многолюднаго дѣятельнаго населенія. Мнѣ говорили, что вверхъ по Мургабу, верстахъ въ полутораста отсюда, существуютъ еще развалины древняго Мерва. По лѣтописямъ извѣстно только, что городъ нѣсколько разъ подвергался разрушеніямъ, и послѣ каждаго изъ нихъ возникалъ опять, перейдя на новое мѣсто, смотря по тому, гдѣ рѣка представляла наиболѣе выгодныя условія для орошенія.

Въ настоящее время эти, процвѣтавшія когда-то, но покинутыя за недостаткомъ воды, земли входятъ въ составъ такъ называемаго государева имѣнія и состоятъ въ вѣдѣніи министерства удѣловъ. Инженерамъ поручено возобновить разоренную бухарскимъ эмиромъ, какъ мы уже упоминали, лѣтъ за сто тому назадъ, древнюю плотину на Мургабѣ, благодаря которой орошались здѣшнія земли и которая находилась верстахъ въ шестидесяти къ югу отъ Байрамъ-Али. Мнѣ сообщили, что скоро приступятъ къ сооруженію новой плотины и что матеріалъ для этого уже подвозится. А въ недальнемъ разстояніи отъ станціи предположено соорудить царскій дворецъ съ надлежащими при немъ службами. На назначенномъ для этого мѣстѣ я видѣлъ довольно обширную плантацію деревьевъ разныхъ туземныхъ породъ. Они назначены для разведенія парка вокругъ дворца. Когда плотина будетъ готова, то, подъ вліяніемъ обильнаго орошенія, въ этомъ краѣ вновь разцвѣтетъ прежняя многоплодная культура, и цѣль эта будетъ достигнута въ скоромъ времени, если только со стороны мѣстныхъ властей не будутъ представляться препятствія туземцамъ къ заселенію участковъ.

Предоставивъ осуществленіе этихъ надеждъ будущему, обратимъ теперь вниманіе на то значеніе, какое въ настоящее время уже возымѣло покореніе Мервскаго оазиса. Присоединеніемъ его завершилось, можно сказать, окончательное подчиненіе русской власти среднеазіатскихъ областей. Вмѣстѣ съ Мервомъ, Россія овладѣла землями, ограниченными на югѣ Персіей и Афганистаномъ, а на сѣверѣ и востокѣ Хивой и Бухарой. Вся эта такъ называемая Закаспійская область занимаетъ пространство по величинѣ почти равное Франціи. Но туземное населеніе, разсѣянное по оазисамъ, едва ли простирается до одного милліона. Замѣтимъ еще, что Хива и Бухара находятся не только въ вассальномъ отношеніи къ Россіи, но почти со всѣхъ сторонъ окружены русскими владѣніями, такъ какъ на сѣверѣ отъ нихъ раскинулся Туркестанскій край съ городами Ташкентомъ и Самаркандомъ. Впрочемъ, не въ обширности земель съ ихъ скуднымъ населеніемъ заключается важное значеніе этихъ новыхъ пріобрѣтеній Россіи, а въ томъ политическомъ вліяніи, какое оно оказало теперь уже на государства въ самой Европѣ. Никогда еще англійская печать не проявляла такой тревоги, какъ по поводу подчиненія Мерва. Что же было собственно причиною столь сильнаго возбужденія политическаго міра въ Англіи? Предоставимъ отвѣтить на это Марвину, автору вышедшей въ Лондонѣ брошюры по этому поводу. «Покореніе Мерва,—заявляетъ онъ,—это не простой захватъ пустыннаго края, а нѣчто гораздо важнѣе. Это—окончательное возсоединеніе боевыхъ силъ Кавказа съ туркестанскимъ отрядомъ, что само по себѣ составляетъ фактъ, чреватый важными послѣдствіями. Это значитъ, что, съ овладѣніемъ Ахала, принимается сто тысячъ лучшей въ мірѣ иррегулярной конницы при возможности въ одну недѣлю достичь Герата. Тутъ имѣетъ совершиться первое столкновеніе козаковъ съ афганами. Словомъ, это—завершеніе завоеваній среднеазіатскихъ пустынь и начало овладѣнія великою плодоносною горною областью Персіи и Афганистана. Это—предусмотрѣнное, обдуманное овладѣніе стратегическимъ пунктомъ, такъ что Россія волей - неволей будетъ направлена на Меджедъ, Гератъ, Балхъ и Кабулъ, если Англія не предупредитъ ее. Россія не остановится тамъ. Она станетъ продолжать быстрое поступательное движеніе, пока не доведетъ свою границу до англійскихъ владѣній въ Индіи. Мервъ составляетъ передовой постъ къ Герату съ тѣмъ преимуществомъ, что вся дорога туда снабжена водою. Такъ что пушки, кавалерія и пѣхота легко могутъ быть доставляемы изъ Мерва въ Гератъ».

И такъ, Англія пуще всего опасается за Гератъ, за этотъ ключъ къ Индіи, почему и старается поставить между своими и русскими владѣніями промежуточную область, которою долженъ служить Афганистанъ. Однако, самъ Марвинъ заявляетъ: «Дикія племена (населяющія долину Герата), неохотно признающія надъ собою власть афганскаго эмира, не дадутъ покоя русскимъ». А въ такомъ случаѣ русскія войска, для охраны своихъ же владѣній, опять вынуждены будутъ наступать впередъ; и такое наступленіе, вопреки даже недавно установленной границы Афганистана, неминуемо

продолжится до тѣхъ поръ, пока русскія области не подойдутъ къ рубежу цивилизованной націи, правительство которой обладаетъ достаточными средствами для обузданія хищныхъ наклонностей своихъ туземныхъ подданныхъ, съ тѣмъ, чтобы сдерживать ихъ отъ набѣговъ на сосѣднія страны. Россія, съ своей стороны, не избѣгаетъ такого сближенія съ англійскими владѣніями. Но другое дѣло Англія. «Угрожая Индіи, — заявляетъ Марвинъ,— Россія обезсиливаетъ вліяніе Англіи на востокѣ и *сдерживаетъ ее отъ вмѣшательства въ дѣла Балканскаго полуострова*. Въ этомъ-то и заключается для всей Европы опасность поступательнаго движенія русскихъ войскъ въ Средней Азіи... Если мы не предупредимъ ихъ, то при ближайшемъ столкновеніи по поводу восточнаго вопроса мы окажемся связанными по рукамъ и ногамъ въ Индіи и не въ состояніи будемъ шевельнуть пальцемъ для того, чтобъ оградить наши интересы въ Европѣ».

И такъ, благодаря завоеваніямъ въ Средней Азіи и въ особенности проложенію закаспійской желѣзной дороги, восточный вопросъ въ настоящее время вступилъ, такъ сказать, въ новый, болѣе выгодный для Россіи, фазисъ. Центръ тяжести этого нескончаемаго вопроса, видимо, перенесся съ береговъ Чернаго моря къ границамъ Афганистана. Послѣдній составляетъ теперь одно изъ самыхъ важныхъ звеньевъ въ длинной цѣпи сталкивающихся интересовъ, ради которыхъ можетъ возникнуть борьба въ азіатскихъ пустыняхъ, а въ такомъ случаѣ всѣ выгоды въ стратегическомъ отношеніи оказываются на сторонѣ Россіи, тѣмъ болѣе, что отъ Кветты, до которой доведена англійская желѣзная дорога въ Индіи, до Герата почти 800 верстъ, тогда какъ отъ Мерва туда же около 350, а отъ русской границы всего сто верстъ.

Въ такомъ-то угрожающемъ видѣ представляется дѣло самимъ англичанамъ. Замѣтимъ, однако, что по этому поводу ни одинъ изъ англійскихъ публицистовъ не ратовалъ съ такимъ ожесточеніемъ противъ Россіи, какъ извѣстный оріенталистъ Вамбери. Венгерецъ родомъ, онъ лѣтъ дцадцать пять тому назадъ задался цѣлью изслѣдовать степень родства между венгерскимъ языкомъ и турецко-татарскими нарѣчіями. Но двадцать пять лѣтъ тому назадъ среднеазіатскія области были еще недоступны для иноземцевъ, а потому Вамбери облекся въ отрепья простаго дервиша: такая личность пользуется не только безопасностью среди туркменъ, но даже нѣкоторымъ суевѣрнымъ уваженіемъ, вродѣ того, какъ странствующіе богомолы среди нашего простонародья. Подъ такою личиной самоотверженный ученый присоединился къ возвращавшимся изъ Мекки паломникамъ. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ онъ прошелъ съ караваномъ черезъ Хиву, Бухару, Самаркандъ и Гератъ, подвергаясь не только многимъ лишеніямъ среди безводныхъ пустынь, но даже опасности быть уличеннымъ и, въ такомъ случаѣ, неминуемо преданнымъ смерти, какъ вредный шпіонъ. Вамбери удалось благополучно вернуться въ Европу и обогатить науку интересными свѣдѣніями. Однако, питая глубокую ненависть къ Россіи, ученый филологъ не ограничился своими изслѣдованіями и написалъ еще, между прочимъ, доступную для

большинства читателей книгу подъ заглавіемъ: *Будущая борьба изъ-за Индіи*. Въ ней ярый руссофобъ сталъ упрекать даже англичанъ за ихъ недостаточно, по его мнѣнію, энергичное противодѣйствіе русскому поступательному движенію въ Среднюю Азію.

Искажая факты, Вамбери выставляетъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ вліяніе русскихъ на среднеазіатскія области и прославляетъ, напротивъ того, цивилизаторскіе и гуманитарные подвиги англичанъ въ Индіи. Такое явное искаженіе всѣмъ извѣстныхъ событій даже самимъ англичанамъ показалось крайне недобросовѣстнымъ, такъ что одинъ изъ публицистовъ обратился по этому поводу къ Вамбери съ такими словами: «Въ какомъ бы черномъ свѣтѣ вы ни выставляли Россію, но на самомъ дѣлѣ она оказывается невинно-бѣлою въ сравненіи съ англійскими нашествіями и захватами въ Индіи. Прочтите исторію завоеванія Индіи и вы сами убѣдитесь въ этомъ».

Въ справедливости откровенно высказаннаго здѣсь мнѣнія можно убѣдиться, не прибѣгая даже къ исторіи завоеванія Индіи. Стоитъ только, отрѣшившись отъ узкихъ національныхъ пристрастій, отъ односторонняго патріотизма и ставъ на нейтральную почву общечеловѣческихъ интересовъ, вникнуть въ самую суть дѣла. И дѣйствительно, государства Западной Европы съ давнихъ поръ уже заботятся о завладѣніи рынками для сбыта возростающихъ изъ года въ годъ произведеній своихъ фабрикъ и заводовъ. Съ этою цѣлью не только Англія, но также другія державы стремятся къ пріобрѣтенію отдаленныхъ колоній въ разныхъ частяхъ свѣта, имѣя, притомъ, въ виду, что туземное населеніе тѣхъ колоній послужитъ тароватымъ потребителемъ произведенныхъ въ метрополіи товаровъ. Та же цѣль со временъ Петра I преслѣдуется и нашимъ правительствомъ по отношенію къ Средней Азіи. Но когда дѣло доходитъ до приведенія въ исполненіе этой вообще благотворной цѣли, то между европейскими державами и Россіей обнаруживается громадная разница въ отношеніяхъ метрополіи къ колоніямъ.

Дѣло въ томъ, что колоніи западныхъ европейскихъ государствъ, находясь въ отдаленныхъ отъ Европы частяхъ свѣта, поневолѣ составляютъ какъ бы отрѣзанный ломоть отъ метрополіи. А потому не только туземцы, но даже европейскіе переселенцы интересуютъ послѣднюю лишь постольку, поскольку они представляютъ выгодный рынокъ для сбыта отечественныхъ издѣлій. При такой погонѣ за рыночною наживой, мало обращается вниманія на внутренніе интересы дальней колоніи и ея населенія, лишь бы удалось съ выгодой сбыть туда свой товаръ. Изъ всѣхъ государствъ Европы Англія проводитъ такую колоніальную систему въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и наиболѣе безпощаднымъ образомъ,—стоитъ только вспомнить, что именно эта великобританская система послужила главною причиной отпаденія сѣвероамерикинскихъ колоній отъ англійскаго владычества.

Слѣдствіемъ такой неумолимой политики является, сверхъ того, окончательное искорененіе туземныхъ расъ въ поселеніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ бы на земномъ шарѣ ни водворилось англо-саксонское племя, тамъ неминуемо вымираетъ туземное. Такимъ образомъ исчезали и продолжа-

ютъ исчезать съ лица земли богато-одаренныя отъ природы расы. Что же касается собственно самой Индіи, то она въ настоящемъ смыслѣ слова не можетъ даже считаться колоніей Великобританіи, такъ какъ среди свыше двухсотъ-милліоннаго туземнаго населенія едва ли наберется четверть милліона англичанъ, прибывшихъ въ край бо̀льшею частью не съ цѣлью поселиться въ немъ, а съ тѣмъ, чтобы нажиться тамъ, эксплуатируя туземцевъ. Тотъ же авторъ приведеннаго выше письма къ Вамбери прямо заявляетъ по этому поводу: «Индія не приноситъ никакой пользы ни промышленнымъ, ни рабочимъ классамъ Англіи; она составляетъ нѣчто вродѣ убѣжища для десятка тысячъ людей высшаго класса, получающихъ въ ней доходныя мѣста. Та публика, для которой вы проповѣдуете, представляетъ собою одно только сословіе въ Англіи, а отнюдь не націю въ цѣломъ составѣ». Ради этого сословія высасываются соки изъ подданныхъ индійской императрицы, въ санъ которой облечена королева Великобританіи.

Сверхъ того, въ отдаленной морями отъ метрополіи Индіи про̀пасть между наѣхавшими туда англичанами и туземнымъ населеніемъ такъ велика, что не только сліяніе между ними, но даже полное взаимное примиреніе до сихъ поръ оказывалось несбыточнымъ. А сорока-милліонное населеніе магометанъ, разсѣянныхъ въ разныхъ областяхъ, еще болѣе разжигаетъ ненависть туземцевъ къ невѣрнымъ пришельцамъ. Самъ Вамбери, этотъ ревнитель англійскихъ интересовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и знатокъ туземныхъ отношеній, своими доводами приводитъ къ тому заключенію, что англійская власть въ Индіи подлежитъ постояннымъ опаснымъ колебаніямъ.

Вспомнимъ также, что Индія искони славилась своею промышленностью, своею туземною культурой, особенно шелковыми, бумажными и шерстяными издѣліями. Со временъ же водворенія въ краѣ англичанъ эта мануфактурная промышленность пришла въ сильный упадокъ,—притомъ, не столько вслѣдствіе свободной конкурренціи съ произведеніями англійскихъ фабрикъ, а скорѣе вслѣдствіе той же своекорыстной колоніальной системы великобританскаго правительства, примѣнявшаго въ этомъ случаѣ всякаго рода репрессивныя мѣры въ угоду своимъ фабрикамъ. Съ этою цѣлью всякія туземныя машины и орудія производства облагались непомѣрными налогами, такъ что туземные промышленники вынуждены были, наконецъ, прекратить свои производства: пользуясь широкими льготами, ихъ замѣнили издѣлія англійскихъ фабрикантовъ.

Въ иномъ видѣ представляются отношенія Россіи къ ея среднеазіатскимъ владѣніямъ. Она тоже преслѣдуетъ тамъ, какъ мы упомянули, коммерческія цѣли и имѣетъ дѣло почти исключительно съ племенами, исповѣдующими исламъ. Но для нея сложились совсѣмъ иныя, болѣе благопріятныя условія. Прежде всего, важно уже то, что новыя колоніальныя области Россіи не отдѣляются отъ нея огромными, какъ бы черезполосными пространствами, а, напротивъ, сплавляются съ нею въ одно громадное неразрывное царство. Хотя нашъ народъ не лишенъ колонизаторскихъ способностей, но онъ всегда проявлялъ и проявляетъ ихъ лишь въ собствен-

ныхъ, прилегающихъ къ его родинѣ областяхъ. За моремъ, внѣ предѣловъ своей отчизны, онъ какъ будто неспособенъ основать самостоятельную колонію. Переселяясь въ новоприобрѣтенные края, русскіе колонисты не покидаютъ своего отечества, какъ выселенцы изъ Англіи, а остаются въ предѣлахъ своего царства, такъ что, можно сказать, русскіе поселенцы всегда остаются у себя дома.

Какъ новоприобрѣтенныя области примыкаютъ къ коренному государственному тѣлу, такъ точно и туземное населеніе ихъ пріобщается къ кореннымъ подданнымъ Россіи и съ теченіемъ времени постепенно сливается съ ними. Между русскими поселенцами и туземными племенами не существуетъ того неодолимаго антагонизма, какъ между англичанами и индусами. Вообще, русскіе никогда не относятся съ такимъ оскорбляющимъ высокомѣріемъ къ туземцамъ, какъ то дѣлаютъ англичане. Въ покоренныхъ странахъ Россіи разноплеменныя расы не вымираютъ, но продолжаютъ существовать бо́льшею частью въ средѣ славянскаго населенія, какъ, между прочимъ, татары, киргизы, калмыки. Если нѣкоторыя изъ племенъ исчезаютъ съ ихъ расовыми особенностями, то не столько вслѣдствіе вымиранія, а скорѣе оттого, что, вступивъ въ близкія, родственныя связи съ русскими, они съ теченіемъ времени преобразуются, и потомки ихъ входятъ, такимъ образомъ, въ составъ кореннаго славянскаго населенія, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ племенъ, населяющихъ поволжскія области, вродѣ корелъ, мордвы и чувашей.

Необходимо также замѣтить: хотя татары, киргизы и другія народности исповѣдуютъ магометанскую вѣру, но это не побуждаетъ ихъ возставать противъ русскаго владычества. Вообще эти племена, точно также какъ и туркмены, вовсе не такіе рьяные мусульмане, не такіе опасные фанатики, какъ ихъ единовѣрцы въ Индіи. Мечети русскихъ магометанъ мирно стоятъ рядомъ съ православными церквами, и нашему правительству нечего опасаться вулканическаго взрыва вслѣдствіе религіознаго фанатизма. Самъ Вамбери, предостерегая англичанъ, подтверждаетъ, что туземное населеніе всюду проявляетъ свое сочувствіе къ сѣвернымъ завоевателямъ. Вездѣ, куда проникаютъ русскіе, туземцы стараются изучить нашъ языкъ и перенимаютъ мало-по-малу наши обычаи.

При такихъ-то болѣе благопріятныхъ условіяхъ цивилизаторская миссія русскихъ въ Средней Азіи совершается безъ всякой слишкомъ тяжкой для туземцевъ ломки и съ гораздо бо́льшими задатками на успѣхъ, чѣмъ въ Индіи. Одинъ изъ знатоковъ среднеазіатскихъ странъ, сэръ Роулинсонъ, заявилъ по этому поводу: «Никто не станетъ отрицать, что успѣхи русскаго оружія на востокъ отъ Каспія въ послѣднее двадцатилѣтіе принесли громадную пользу краю: отвратительный торгъ невольниками со всѣми сопутствующими его ужасами уничтоженъ, разбои прекращены, магометанскій фанатизмъ и жестокость его ослаблены и сдержаны. Торговля стала болѣе безопасною; мѣстное искусство и промышленность поощря-

ются, и на нужды населенія обращается болѣе вниманія, нежели это дѣлалось при азіатскихъ правителяхъ».

Въ настоящемъ случаѣ мы отдаемъ преимущество заявленіямъ англійскихъ авторовъ передъ русскими, въ виду того, что мнѣнія послѣднихъ могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи. Самъ Вамбери, впрочемъ, въ виду слишкомъ очевидной пользы, какую принесло краю проложеніе желѣзной дороги, въ послѣднее время сталъ отдавать полную справедливость плодотворному русскому вліянію на всѣ условія туземной жизни. «Арійскія народности,—заявляетъ онъ пророчески по этому поводу,—снова вступятъ здѣсь въ свои права, отнятыя у нихъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ турскими племенами. Мервъ, Нисса и многія другія извѣстныя мѣста возникнутъ опять подъ новыми названіями... Такъ какъ естественныя условія будущей культуры,—прибавляетъ Вамбери,—не измѣнились, такъ какъ рѣка Мургабъ, попрежнему, несетъ къ оазису свою оплодотворяющую влагу, то Мервъ, навѣрное, станетъ опять тѣмъ же, чѣмъ былъ древле, а именно—алмазомъ въ песчаной оправѣ, отъ котораго современемъ станутъ разливаться лучи новаго міровоззрѣнія».

Къ этимъ вѣщимъ словамъ такого знатока среднеазіатскихъ условій намъ прибавлять нечего.

Эд. Циммерманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

АПРѢЛЬ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1889.

По закаспійской желѣзной дорогѣ *).

IV.

Чарджуй.

Колодцы Репетекъ и песчаные заносы.—Русскій и туземный Чарджуй.—Общее кладбище.—Окрестные кишлаки.—Система орошенія. — Затворничество женщинъ и батчи.—Мельница и плантація русскаго піонера.—Мусульманская система землевладѣнія и поземельное устройство въ Туркестанскомъ краѣ. — Пески Сандукли. — Утро на берегу Аму-Дарьи.—Глинистая вода въ рѣкѣ.—Лѣсъ и его образованіе.—Кирпичный заводъ.—Вверхъ по рѣкѣ.—Стрѣльба въ цѣль и экзерциціи солдатъ. — Отрядъ возвращающихся на родину.—Лекція въ саду.—Пасха.

Проѣхавъ по оазису около тридцати верстъ отъ только что покинутыхъ нами развалинъ древняго Мерва, мы изъ области фруктовыхъ садовъ и хлѣбныхъ полей опять очутились въ царствѣ песковъ. Дорога изгибается здѣсь еще болѣе къ сѣверу. Сначала пустыня хоть сколько-нибудь оживлена корявымъ саксауломъ, разросшимся по песчанымъ буграмъ или барханамъ. Саксаулъ смѣняется иногда гребенщикомъ съ его мелкою, сѣровато-зеленою листвой, а не то по голой площади клочками ростетъ травка, пожелтѣвшая отъ зноя. Одинокія станціи среди этой безпріютной пустыни состоятъ изъ срубныхъ избъ. По пути между ними встрѣчаются по временамъ артели работающихъ на полотнѣ туркменъ съ ихъ бараньими папахами. Самыя названія станцій, какъ-то: Пески, Барханы—намекаютъ уже на безпріютный характеръ мѣстности.

Проѣхавъ слишкомъ сто верстъ, мы замѣчаемъ, что чѣмъ далѣе, тѣмъ безжизненнѣе становится степь. Безнадежною пустынностью поражаетъ особенно мѣстность, окружающая колодцы Репетекъ, по имени которыхъ прозвана самая станція. Здѣсь, по росписанію хода поѣздовъ, значится остановка на 10 минутъ и буфетъ. Выйдя изъ вагона, я сталъ искать кругомъ хоть какое-нибудь подобіе избы или барака. Однако, тутъ не было видно никакого жилья; лишь два вагона стояли на склонѣ бархана. Они-то, какъ оказалось, и замѣняли здѣсь собою вокзалъ съ буфетомъ. Взобравшись по простой лѣсенкѣ въ одинъ изъ вагоновъ, я выпилъ тамъ стаканъ чаю.

*) *Русская Мысль*, кн. III.

За колодцами Репетекъ саксаульныхъ кустовъ совсѣмъ не видать: ихъ давно вырубили на топливо. Не скрѣпляемые никакою растительностью, сыпучіе пески вполнѣ предоставлены на произволъ господствующихъ здѣсь вѣтровъ. Разсыпанные по всему пространству барханы, саженей до тридцати вышиною, поднимаются одинъ возлѣ другаго, словно морскія волны, застывшія въ самый разгаръ бури. При видѣ этого неогляднаго моря сыпучаго песку невольно опасаешься за прочность полотна дороги и ждешь, что оно, того и гляди, покроется заносами. Лица, хорошо знакомыя съ мѣстностью, считали немыслимымъ пролагать рельсы по этимъ барханамъ. Несмотря на то, строители дороги смѣло преодолѣли представившіяся препятствія, прибѣгая къ средствамъ, какія въ желѣзно-дорожной техникѣ едва ли до сихъ поръ примѣнялись. Въ иныхъ мѣстахъ подвозили издалека глину и поливали ее и песокъ водою. Для предохраненія полотна отъ заносовъ разставлены мѣстами щиты. Иногда по сторонамъ дороги виднѣются ряды торчащихъ по песчанымъ грядамъ сухихъ вѣтокъ. Сообразуясь съ преобладающимъ направленіемъ вѣтровъ, разносящихъ песокъ, строители удачно воспользовались вѣтками саксаула, воткнувъ ихъ въ песокъ, такъ, чтобы концы торчали надъ насыпью. Проѣзжая по дорогѣ, изъ окна вагона очень хорошо можно видѣть, какъ разгоняемый вѣтромъ песокъ стелется низомъ по поверхности холмовъ и, доносясь до ряда густо уставленныхъ вѣтокъ, задерживается этою преградой, не доходя до полотна. Такими простыми средствами преодолѣны всѣ препятствія, и опасность отъ подвижныхъ песковъ оказалась на дѣлѣ чуть ли не менѣе страшною, чѣмъ отъ снѣжныхъ заносовъ въ нашихъ сѣверныхъ краяхъ.

Напомнимъ здѣсь кстати, что до послѣдняго времени не представлялись почти никакія преграды для распространенія заносовъ, и главные враги оазиса и культуры—пески и туркмены—безпрепятственно господствовали надъ краемъ въ ущербъ, конечно, земледѣлію. Только въ послѣдніе годы началась правильная и успѣшная борьба съ пустыней и населявшими ее хищниками. Съ этою цѣлью, между прочимъ, во многихъ мѣстахъ разведены уже плантаціи деревьевъ, способныхъ рости въ пескахъ и предназначенныхъ служить современемъ живыми изгородями въ болѣе опасныхъ мѣстахъ.

Миновавъ станцію Барханы, мы въѣхали въ область садовъ и полей Чарджуйскаго оазиса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ предѣлы Бухарскаго ханства, такъ какъ, по послѣднему договору, вытянутыя широкою полосой плодоносныя земли вдоль по лѣвому берегу Аму-Дарьи остались во власти эмира. Съ согласія послѣдняго, желѣзная дорога, направляясь къ Самарканду, прорѣзаетъ отсюда его владѣнія до сѣверныхъ бухарскихъ границъ. Туземный городъ Чарджуй остался верстахъ въ пяти вправо отъ рельсовъ. Проѣхавъ по мостамъ, перекинутымъ черезъ то и дѣло встрѣчавшіеся тутъ арыки съ водою, мы, наконецъ, увидѣли передъ собою выбѣленные дома, частью разсыпанные въ безпорядкѣ, частью вытянутые въ рядъ по ровной площади. А тамъ, далѣе, показалось строеніе съ щеголеватымъ фасадомъ и съ вывѣской, на которой значилось: «Высочайше утвержденное средне-азіатское

товарищество торговли Кудрина и К°». Это уже возникающій русскій Чарджуй. Поѣздъ остановился у станціи, прозванной «Аму-Дарья». До берега самой рѣки осталось еще съ полверсты.

Здѣсь, на разстояніи 998 верстъ отъ Узунъ-Ада, я достигъ, наконецъ, крайней станціи, до которой въ апрѣлѣ 1888 г. совершалось движеніе поѣздовъ, и остановился тутъ на время, въ ожиданіи открытія желѣзной дороги до Самарканда. Годъ тому назадъ мѣстность, прилегающая къ здѣшней станціи, представляла обширную пустынную равнину. Недалеко отъ берега, вправо отъ полотна желѣзной дороги, находилась единственная туземная постройка, состоявшая изъ четырехъ глинобитныхъ стѣнъ, ограждавшихъ довольно большой дворъ съ жилыми покоями внутри. Возлѣ этой такъ называемой курганчи, подъ сѣнью старыхъ тутовыхъ деревьевъ, стояла небольшая глиняная сакля. Въ такомъ видѣ находился единственный пріютъ въ этихъ мѣстахъ въ то время, когда рѣшено было вести дорогу до Самарканда, для чего оказалось необходимымъ перевести сюда все управленіе. Въ началѣ 1887 г. стали подвозить рельсы, шпалы и всякій желѣзно-дорожный матеріалъ, который отчасти и складывался въ упомянутую выше курганчу, обращенную, такимъ образомъ, въ желѣзно-дорожный магазинъ. Контора правленія на время помѣщалась въ упомянутой саклѣ, а помощникъ завѣдующаго постройкой желѣзной дороги, князь Хилковъ, помѣстился въ разбитой возлѣ нея кибиткѣ. Лѣтомъ принялись за постройку необходимыхъ домовъ. Кирпичъ для этого поставлялъ подрядчикъ, открывъ по сосѣдству кирпичный заводъ. Пока производилась стройка и подвозился желѣзно-дорожный матеріалъ, близъ полотна появились наскоро сложенные бараки и палатки. Въ нихъ армяне, евреи открыли торгъ съѣстными припасами и всякими предметами, въ которыхъ нуждался нахлынувшій къ мѣсту рабочій людъ. Въ то же время строились казармы для переведеннаго сюда батальона пѣхоты и заложенъ былъ городъ, прозванный «Русскій Чарджуй». Въ пустынномъ краѣ закипѣла живая дѣятельность.

Предстояло перевезти шпалы и рельсы на другую сторону рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ разливается въ ширину почти на двѣ версты. Сначала предполагалось учинить переправу на судахъ, на что и было ассигновано 285 тыс. руб. Въ такомъ случаѣ, эта сумма вся израсходовалась бы на переправу желѣзно-дорожнаго матеріала. А потому строители сочли болѣе выгоднымъ навести черезъ рѣку деревянный мостъ, стоимость котораго, однако, не должна была превышать ассигнованной суммы. При этомъ имѣлось въ виду, что, переправивши желѣзно-дорожный матеріалъ хотя бы и по временному мосту, все-таки, можно будетъ воспользоваться имъ же съ тѣмъ, чтобы потомъ пускать по немъ товарные и пассажирскіе поѣзда. Прибавимъ тутъ же, что разсчетъ этотъ впослѣдствіи вполнѣ оправдался, несмотря на всѣ препятствія, какія представляла быстрая, измѣнчивая въ своемъ теченіи рѣка.

Постройка моста шла успѣшно, а, между тѣмъ, дома возникали одинъ за другимъ, и не прошло еще года, какъ, прибывъ на мѣсто въ апрѣлѣ

1888 г., я засталъ уже длинный мостъ совершенно готовымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, близъ обращенной въ складъ курганчи былъ выстроенъ домъ генерала Анненкова. Въ одинъ рядъ съ нимъ вытянулись строенія, въ которыхъ расположились управленіе съ канцеляріями и жилища для служащихъ, а по другую сторону склада стоялъ обращенный окнами къ рѣкѣ домъ князя Хилкова. Недалеко отсюда размѣстились въ рядъ казармы желѣзно-дорожнаго батальона. Противъ нихъ, на другой сторонѣ улицы, находились жилища для служащихъ при управленіи, школа для мальчиковъ и дѣвочекъ, а на самомъ углу—клубъ. По линіи, перпендикулярной къ этой улицѣ, протянулся рядъ торговыхъ лавокъ, а на самомъ концѣ ихъ помѣстился военный лазаретъ.

Но это еще только та часть Чарджуя, которая, какъ бы примкнувъ къ желѣзно-дорожной администраціи, расположилась вдоль берега рѣки въ близкомъ отъ него разстояніи. Далѣе, за стѣнами стоящей здѣсь лѣсной пристани, раскинулась обширная площадь, перерѣзанная водопроводными арыками. Поросшій кое-гдѣ колючкой и бурьяномъ, изрѣдка также тутовыми деревьями, этотъ пустырь напоминаетъ собою о томъ безпріютномъ видѣ, въ какомъ такъ еще недавно находилась вся здѣшняя мѣстность. Пройдя по накатанной колесами экипажей пыльной дорогѣ до другаго конца площади, мы увидимъ передъ собою рядъ домовъ, служащихъ казармами для батальона пѣхоты. А далѣе, правильными улицами, выстроился торговый городъ или, какъ здѣсь называютъ обыкновенно, базаръ. Въ его небольшихъ магазинахъ продаются не только съѣстные припасы, но также шелковыя, бумажныя матеріи, готовыя платья, обувь и разные галантерейные предметы. Задняя часть базара занята туземными торговцами, снабжающими рабочій людъ всякаго рода мѣстными произведеніями.

Вотъ въ какомъ видѣ засталъ я Русскій Чарджуй. Считаю, однако, необходимымъ предупредить тутъ же, что набросанный мною очеркъ города относится лишь къ первой половинѣ 1888 г. Съ той поры въ немъ многое успѣло уже измѣниться, и я увѣренъ, что при неуловимой быстротѣ, съ какою здѣсь воздвигаются новые и перестраиваются старые дома, мой очеркъ, по выходѣ его изъ печати, будетъ уже мало отвѣчать настоящему виду нашего молодаго города.

Иное дѣло старый туземный Чарджуй, который мнѣ удалось посѣщать нѣсколько разъ. Опасаясь, какъ надо полагать, разливовъ Аму-Дарьи, туземные жители построили свой городъ подальше, а именно верстахъ въ десяти отъ береговъ ея. Это былъ первый туземный городъ съ постоянными жилищами, а не съ переносными кибитками, какой мнѣ пришлось посѣтить въ странѣ, и, надо сказать, онъ показался мнѣ вовсе не привлекательнымъ. Здѣшнія постройки нельзя даже назвать домами. Пыльно-сѣрыя стѣны глинобитныхъ жилищъ, слѣпленныхъ изъ той же земли, что у насъ подъ ногами, по обѣ стороны такой же пыльной улицы способны навести тоску на непривычнаго посѣтителя: все смотритъ сѣро, угрюмо, даже при столь яркомъ сіяніи здѣшняго яснаго дня. Проходя по базару, я

могъ замѣтить, что сарты, какъ вообще называютъ здѣсь не только городскихъ, но также сельскихъ жителей, занимающихся какимъ-нибудь промысломъ, успѣли уже привыкнуть къ чуждымъ имъ пришельцамъ. И въ самомъ дѣлѣ, хотя русскіе не такъ еще давно появились здѣсь, однако, жители встрѣчали насъ привѣтливыми взглядами. По обѣ стороны неширокой улицы, защищаемой отъ солнечныхъ лучей раскинутыми надъ нею цыновками, безпрерывными рядами тянулись невысокія открытыя лавки. Въ нихъ пестрѣли всякаго рода и туземные, и привозные товары. Въ иныхъ мѣстахъ предлагались въ продажу снѣди вродѣ жареной баранины, пилава. Въ другихъ—бухарцы, сидя на кошмахъ, распивали чай. По тѣснымъ проходамъ проѣзжали всадники и толкалась толпа пѣшихъ. Между ними встрѣчались также женщины: закутавшись съ головы до ногъ въ блѣдно-синіе халаты и закрывъ лицо черными волосяными сѣтками, онѣ, словно живыя муміи, робко пробирались въ толкотнѣ. Своеобразное зрѣлище представляетъ эта суетливая базарная толпа. Дойдя до конца базара, я на подъемѣ холма увидѣлъ ворота Чарджуйской крѣпости, въ которой живетъ здѣшній бекъ, какъ называется начальникъ округа.

Въ верстѣ разстоянія отъ станціи внизъ по теченію рѣки у самаго берега находится рощица, состоящая изъ не густо разросшагося тутъ тала, какъ называютъ эту породу, относимую къ семейству ивовыхъ. Въ просторныхъ промежуткахъ между деревьями возвышаются надъ землей продолговатыя, почти призматической формы гробницы туземцевъ; а тутъ же рядомъ торчатъ кресты надъ могилами русскихъ покойниковъ, почившихъ вдали отъ родины о-бокъ съ мусульманами, какъ бы знаменуя тѣмъ, что какъ въ жизни, такъ и по смерти они могутъ мирно занимать мѣста другъ возлѣ друга. Желая ознакомиться съ окрестными селеніями или, по-туземному, съ кишлаками, я часто проходилъ черезъ эту рощу, направляясь далѣе по дорогѣ, проторенной колесами. При этомъ не разъ случалось переходить по мостамъ, перекинутымъ черезъ арыки. Эти мосты строятся очень просто: перекинувъ поверхъ воды съ одного берега канавы до другаго, на разстояніи около двухъ саженей, нѣсколько бревенъ, застилаютъ ихъ хворостинами и покрываютъ все это толстымъ слоемъ земли. По сторонамъ дороги показывались обычныя курганчи и прилегающія къ нимъ поля, засѣянныя пшеницей, кукурузой или люцерной, которая здѣшними русскими жителями неправильно называется клеверомъ. Послѣдняго я нигдѣ не встрѣчалъ во всемъ краѣ. Нѣкоторыя поля были залиты водою, проведенною туда изъ арыковъ. Въ случаѣ, если канава такъ глубока, что вода изъ нея не можетъ быть направлена непосредственно на поле, то поселяне употребляютъ въ дѣло водоподъемное колесо, приводимое въ движеніе простымъ коннымъ приводомъ. Глиняными кувшинами, придѣланными къ окружности колеса, вода черпается изъ арыка и при посредствѣ желобовъ разливается по полю. Это напомнило мнѣ точь-въ-точь такія же первобытнаго свойства водоподъемныя машины въ Египтѣ на берегахъ Нила. Да и самыя сакли здѣшнихъ жителей совершенно схожи съ такими же глинобитными жилищами фелаховъ

въ Египтѣ, развѣ съ тою разницей, что послѣдніе не обводятъ своихъ жилищъ высокими стѣнами, такъ какъ имъ нечего опасаться нападенія хищныхъ враговъ. Такое сходство въ постройкахъ въ отдаленныхъ другъ отъ друга странахъ обусловливается, конечно, однородными естественными свойствами въ нихъ. И дѣйствительно, это сходство простирается до того, что въ водѣ Аму-Дарьи по химическому изслѣдованію оказались, какъ увѣряютъ, тѣ же составныя части, какими надѣлены воды оплодотворяющаго Нила.

Надъ разлитою по пашнѣ водой съ крикомъ носились бѣлогрудыя чайки, а по окраинамъ разлива весело перебѣгали кулики. Когда пропитанная водою почва просыхаетъ немного, то ее подвергаютъ тщательной переработкѣ плугомъ, бороной и мотыкой. Несмотря на первобытныя орудія, воздѣлка здѣсь доводится до высшей степени совершенства, съ какой у насъ можетъ сравниться развѣ огородная разработка. По чрезмѣрному труду, прилагаемому здѣсь къ небольшимъ клочкамъ земли, здѣшнее земледѣліе несомнѣнно слѣдуетъ причислить къ самой интензивной системѣ сельскаго хозяйства. Подъему мѣстной культуры болѣе всего способствуетъ сознаніе земледѣльца въ томъ, что весь успѣхъ его хозяйства зависитъ отъ его личнаго труда. Посѣявъ хлѣбъ, онъ не предается, какъ наши крестьяне, беззаботной надеждѣ на благопріятную погоду, на ниспаденіе съ неба дождя, а, напротивъ, самъ распоряжается надлежащимъ орошеніемъ своихъ полей: онъ, можно сказать, самъ творецъ той жатвы, что сторицею вознаграждаетъ его труды. Ставъ въ независимость отъ измѣнчивости погоды, онъ не вѣдаетъ неурожаевъ. Такое твердое сознаніе своей власти надъ благодарною землей и подстрекало искони жителей къ тому громадному труду, съ какимъ они принимались за прорытіе водопроводныхъ каналовъ. При видѣ множества арыковъ, при посредствѣ которыхъ вода изъ рѣки проводится по всѣмъ полямъ въ надлежащее время, нельзя не изумляться, тѣмъ болѣе, что вся эта сложная система ирригаціи выполнена самыми первобытными средствами, безъ помощи какихъ-либо нивеллирныхъ или другихъ инструментовъ. Въ этомъ отношеніи въ самой почвѣ, можно сказать, скрывается та цивилизующая сила, которая въ глубокой древности уже довела населеніе до высокой степени культуры, такъ грубо сокрушенной все истреблявшимъ нашествіемъ татарскихъ ордъ. Но почвенная сила несокрушима, и въ будущемъ она несомнѣнно вновь проявитъ свое благотворное вліяніе на человѣка, вооруженнаго въ наше время могучими техническими средствами для болѣе успѣшной культуры. Земля здѣсь даетъ обильные урожаи, такъ что не вѣрится словамъ здѣшнихъ хлѣбопашцевъ, заявляющихъ, что сорго, или джугара, какъ они называютъ его, на ихъ поляхъ родится самъ-сто или даже самъ-полтораста. Мало того, съ одного и того же поля они снимаютъ въ годъ по двѣ обильныя жатвы. Понятно, что, въ виду такихъ урожаевъ, земледѣльцы издревле не щадили труда для проложенія арыковъ, тѣмъ еще болѣе, что безъ орошенія, подъ вліяніемъ тѣхъ же жгучихъ солнечныхъ лучей, растительность высыхаетъ, и поле обращается въ мертвую

пустыню, среди которой человѣку грозитъ голодная смерть. А потому поселенцы и заботятся такъ ревностно о проведеніи воды на свои поля.

Проходя по дорогѣ далѣе, я увидѣлъ въ сторонѣ на покрытомъ люцерной полѣ туземца, сидѣвшаго на корточкахъ и срѣзавшаго серпомъ густые пучки сочной травы. Такимъ-то копотнымъ образомъ убирается здѣсь люцерна, служащая главнымъ кормомъ для лошадей. Нашей косы въ здѣшнихъ мѣстахъ мнѣ не случалось видѣть, да и врядъ ли туземцы умѣютъ обращаться съ нею. А, между тѣмъ, они люцерну жнутъ по четыре и по пяти разъ въ годъ съ одного и того же поля.

По краямъ дороги стали чаще появляться тутовыя деревья, по которымъ суетливо перелетали длиннохвостыя сороки. Мѣстами показывалась дикая маслина съ ея тусклою, серебристою листвой. Вскорѣ меня нагнала арба, на которой подъ навѣсомъ сидѣло пять человѣкъ туземныхъ горожанъ. Арба служила для нихъ какъ бы омнибусомъ. Она остановилась у ограды, за которой показался прудъ, полный воды. Веселая компанія, празднуя какое-то торжество, размѣстилась на площадкѣ возлѣ пруда, поставила тутъ же самоваръ и въ ожиданіи кипятка занялась музыкой. Одинъ изъ туземцевъ игралъ на гармоникѣ, проникшей сюда, какъ надо полагать, изъ Москвы, а другой вторилъ ему на мѣстномъ тамбуринѣ. Когда я мимоходомъ заглянулъ къ нимъ за ограду, то они привѣтливымъ жестомъ приглашали меня къ чаю. Поблагодаривъ, я пошелъ далѣе.

Однако, на пятой верстѣ дорога перешла уже въ тропинку, проторенную между полями. Далѣе этого, повидимому, не ходятъ арбы, и незнакомому со всѣми переплетающимися по полямъ тропами трудно бываетъ пробираться по этимъ селеніямъ или кишлакамъ. Не желая возвращаться назадъ прежнимъ путемъ, я пустился на-удачу впередъ по извивавшейся то влѣво, то вправо тропѣ, и тутъ-то испыталъ на дѣлѣ, какъ легко въ этихъ мѣстахъ запутаться въ лабиринтѣ полей, тѣмъ еще болѣе, что путь то и дѣло пересѣкался наполненными водою арыками. Въ какую бы сторону я ни направился, вездѣ натыкался на широкую канаву. Подойдя, наконецъ, къ жилищу поселенца-сарта, я крикомъ вызвалъ хозяина. На вопросъ мой о Чарджуѣ онъ указалъ мнѣ на перекинутое черезъ арыкъ бревно, по которому я и перебрался на другую сторону. Потомъ сартъ услужливо вывелъ меня на тропу, по которой я и вышелъ, наконецъ, къ знакомой мнѣ рощѣ съ кладбищемъ.

Несмотря, однако, на услужливость благодушныхъ сартовъ, несмотря на то, что русскіе пришельцы теперь совершенно свободно вращаются въ средѣ туземнаго населенія, мнѣ, все-таки, не удавалось проникнуть въ жилые покои здѣшнихъ кишлаковъ. Ревниво охраняя своихъ женъ отъ мужскаго глаза, мусульмане никого не пускаютъ въ свои дома. Одинъ изъ русскихъ землемѣровъ, которому не разъ приходилось заниматься размежовкой въ мѣстахъ, гдѣ не было иныхъ жилищъ, кромѣ туземныхъ, разсказывалъ мнѣ, какъ ему всякій разъ приходилось силой, при помощи мѣстныхъ властей и въ сопровожденіи козаковъ, добиваться пріюта у сар-

товъ, причемъ хозяинъ всегда уводилъ женщинъ куда-нибудь подальше, въ недоступное для постороннихъ лицъ мѣсто.

Но предохраняетъ ли такое строгое затворничество женщинъ отъ разврата? Стоитъ только указать на здѣшнихъ плясуновъ, на бэтчи, чтобы усомниться въ этомъ. Здѣсь, въ Чарджуѣ, мнѣ пришлось быть очевидцемъ зрѣлища, какъ бы замѣняющаго собою нашъ балетъ для восточнаго люда. Оно было устроено въ угоду прибывшихъ сюда двухъ французскихъ путешественниковъ. На дворѣ разставили просторную бухарскую палатку, развернувъ ее такъ, что вся передняя часть ея была открыта саженей на пять въ длину. Землю устлали большимъ ковромъ. Это служило сценой для плясуновъ. Стѣна палатки, образуя задній фонъ сцены, представляла пестрое, но не безъ вкуса составленное смѣшеніе арабесковъ, вырѣзанныхъ изъ разноцвѣтныхъ яркихъ матерій и пришитыхъ къ зеленой парусинѣ. Въ глубинѣ сцены вдоль стѣны помѣстились на коврѣ шестеро музыкантовъ, въ цвѣтныхъ халатахъ и съ чалмами на головахъ. Они были вооружены большими тамбуринами, ихъ единственнымъ музыкальнымъ инструментомъ. Зрители размѣстились шагахъ въ трехъ отъ ковра на стульяхъ, занимавшихъ длинный рядъ подъ сѣнью тутовыхъ деревьевъ. На сцену выступили пятеро батчей. Это были юноши, отдѣтые въ цвѣтныя женскія платья, доходившія до щиколки. По плечамъ ихъ вились длинныя фальшивыя косички. Маленькія шапочки покрывали ихъ головы. Подъ громкіе звуки затянутой музыкантами пѣсни, сопровождаемой еще болѣе громкою трескотней тамбуриновъ, началась пляска. Сначала батчи медленными, плавными движеніями проходили по ковру, причемъ, поднявъ кверху руки, поводили плечами, какъ бы трепетно содрогая ими; потомъ движенія ихъ становились все быстрѣе и быстрѣе и, наконецъ, они помчались другъ за другомъ во всю прыть и—внезапно всѣ пятеро повергнись на колѣна; опрокинувъ назадъ головы и все также поднявъ кверху руки, они судорожно какъ будто млѣли всѣмъ тѣломъ. Въ такомъ родѣ пляска повторялась нѣсколько разъ кряду, чѣмъ и ограничивалось сценическое искусство батчей.

Эти плясуны показались намъ грубымъ искаженіемъ человѣческой натуры именно вслѣдствіе того ненормальнаго состоянія, въ которомъ находится отчужденная отъ общества женщина. Здѣшніе богачи берутъ къ себѣ на содержаніе такихъ батчи и люди пожилые ухаживаютъ за ними съ такимъ же сладострастіемъ, какъ за продажною кокоткой. Самая пляска съ вѣчно-повторяющимися довольно однообразными кадансами нравится туземцамъ, не видящимъ у себя ничего лучшаго вродѣ театра или, по крайней мѣрѣ, цирка. Однако, окончательное искорененіе батчибаства можно ожидать развѣ тогда, когда въ средѣ бухарскихъ туземцевъ отмѣнится поддерживаемое ревнивыми мужьями затворничество женщинъ. У кочевыхъ племенъ онѣ и теперь уже пользуются полною свободой и вездѣ ходятъ съ открытыми лицами, несмотря на то, что эти кочевники—такіе же магометане, какъ и бухарцы.

Мнѣ сообщили, что на противуположномъ берегу противъ Чарджуя одинъ

изъ нашихъ соотечественниковъ, г. М., устроилъ паровую мельницу. Желая посѣтить нашего піонера, я перешелъ по мосту на другую сторону. Для этого, однако, необходимо было запастись письменнымъ разрѣшеніемъ изъ конторы управленія, а иначе сторожа на мосту никого не пропускаютъ. До перваго острова на рѣкѣ онъ тянется на 852 сажени въ длину; потомъ слѣдуютъ еще три короткіе моста съ одного острова на другой и, наконецъ, на противуположный берегъ. На самомъ мосту стоитъ тысячная верста отъ береговъ Каспія, такъ что отсюда до Самарканда осталось еще по желѣзной дорогѣ 342 версты. Выбравшись, наконецъ, на материкъ, я своротилъ вправо вверхъ по рѣкѣ. Пройдя около двухъ верстъ опушкой лѣса, въ которомъ то и дѣло раздавалась соловьиная трель, я недалеко отъ берега увидѣлъ постройки, наскоро сооруженныя частью изъ дерева, частью изъ камыша, вымазаннаго глиной. Мельница состояла изъ трехъ поставовъ, приводимыхъ въ движеніе локомобилемъ. Хозяинъ имѣлъ въ виду скупать по сосѣдству пшеницу зерномъ и, перемоловъ ее, сбывать по окрестнымъ базарамъ мукою. Теперь пока еще ничего нельзя сказать о томъ, насколько выгодно такое предпріятіе.

Но меня болѣе интересовало предпринятое г. М. устройство обширной плантаціи. Съ этою цѣлью онъ при посредствѣ русскаго агентства получилъ отъ бухарскаго эмира около тысячи десятинъ никѣмъ еще не занятой или такъ называемой *мертвой* земли. Здѣсь считаю необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности касательно землевладѣнія въ Средней Азіи.

Замѣчу, прежде всего, что мертвою землей называется здѣсь та, которая по недостатку орошенія осталась невоздѣланною. Такія впустѣ лежащія земли въ Бухарскомъ ханствѣ считаются собственностью эмира, и онъ располагаетъ ими по своему произволу. Что же касается землевладѣнія въ русскихъ среднеазіатскихъ областяхъ, то въ нашихъ правительственныхъ сферахъ въ этомъ отношеніи съ самаго начала предлагались къ примѣненію двѣ системы: поборники за общинное землевладѣніе стремились ввести его также въ Средней Азіи, имѣя въ виду пріурочить туземныхъ поселянъ къ русскимъ порядкамъ. Но противники общинниковъ справедливо указывали на то, что при устройствѣ нашего управленія въ новомъ краѣ необходимо, прежде всего, сообразоваться съ обычнымъ строемъ жизни туземнаго населенія, а иначе не избѣжать страшной ломки, способной возстановить большинство населенія противъ властей. Общинное землевладѣніе въ среднеазіатскихъ областяхъ немыслимо потому уже, что здѣсь, въ противность нашему однообразному трехпольному хозяйству, практикуется вообще сложная плодо-перемѣнная система, при которой невозможны ни одновременность полевыхъ работъ, ни общинные передѣлы земель. Коренныя положенія мусульманскаго поземельнаго права основаны на ученіи, изложенномъ въ Шаріатѣ, какъ въ дополненіи къ Корану. По смыслу этого ученія земля составляетъ общее достояніе людей, верховное право господства надъ нею принадлежитъ державной власти. Но, на основаніи словъ пророка: «Кто оживитъ землю мертвую, то

земля та принадлежитъ ему»,—у мусульманъ образовалось частное землевладѣніе, обусловливаемое трудомъ, приложеннымъ къ извѣстному участку: кто первый воздѣлалъ его, тотъ и владѣетъ имъ, но лишь настолько и до тѣхъ поръ, насколько и пока онъ воздѣлываетъ этотъ участокъ. И такъ, въ строгомъ смыслѣ, это частное владѣніе основано на правѣ постояннаго пользованія.

На этомъ основаніи въ мусульманскихъ странахъ вообще признаются два вида землевладѣнія: 1) государственное и 2) частное, ограниченное условіемъ непрерывной обработки. Сверхъ того, существуютъ еще заповѣдныя земли, приписанныя въ пользу мечетей, школъ и другихъ общественныхъ учрежденій. Прибавимъ здѣсь еще, что мертвыя земли служатъ обыкновенно пастбищемъ для скота и предоставляются кочевникамъ, хозяйство которыхъ и начинается на такихъ общинныхъ выгонахъ. Но если поселенцы цѣлымъ обществомъ рѣшаются приступить къ устройству ирригаціи для оживленія земли, то сообща оживленная, орошаемая область распредѣляется на частные участки. Такимъ образомъ, орошеніе дѣйствительно соединяетъ земледѣльцевъ въ общинныя группы, но только въ отношеніи пользованія водою, а отнюдь не землею. Однако, земля, все-таки, составляетъ принадлежность государства, а потому, кто бы ни оживилъ ее,—общество поселянъ или частное лицо,—во всякомъ случаѣ, за пользованіе участками каждый изъ хозяевъ обязанъ вносить въ казну извѣстный налогъ.

Наблюдая за здѣшними хозяйствами въ кишлакахъ, можно убѣдиться на самомъ дѣлѣ, что орошаемыя земли при нихъ разбиты обыкновенно на мелкіе участки, принадлежащіе разнымъ хозяевамъ, какъ ихъ собственность, но подъ условіемъ непрерывной обработки. А, впрочемъ, каждый изъ хозяевъ съ полною свободой располагаетъ своимъ участкомъ: онъ воленъ воздѣлывать его по своему усмотрѣнію, можетъ передавать по своей волѣ наслѣдникамъ и даже продать постороннему лицу. Такое право собственности освящено въ краѣ обычаемъ и давностью. Хотя на владѣніе землею въ большей части случаевъ у жителей не имѣется никакихъ писанныхъ свидѣтельствъ, но въ глазахъ мѣстной власти сама воздѣланная и засѣянная хлѣбомъ или занятая разведенными на ней фруктовыми деревьями земля служитъ въ такомъ случаѣ достаточнымъ документомъ. Никакія грамоты, ни купчія на занимаемыя другими лицами земли не даютъ права прогонять съ нихъ населеніе, давно и прочно на нихъ осѣвшее.

Вводя положеніе объ управленіи среднеазіатскимъ краемъ, наше правительство стремилось сохранить по возможности освященный обычаемъ и давностью порядокъ землевладѣнія, согласуя свои постановленія съ вытекающимъ изъ Шаріата ученіемъ мусульманъ. Такимъ образомъ выработались, между прочимъ, слѣдующія статьи касательно поземельнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ: «За осѣдлымъ сельскимъ населеніемъ утверждаются земли, состоящія въ постоянномъ, потомственномъ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи на установленныхъ *мѣстнымъ обычаемъ* основаніяхъ. Воды въ главныхъ

арыкахъ, ручьяхъ, рѣкахъ и озерахъ предоставляются населенію въ пользованіе *по обычаю*. На земли, утвержденныя за туземнымъ населеніемъ, выдаются, по мѣрѣ снятія ихъ на планъ, особыя на право владѣнія свидѣтельства, заготовляемыя по распоряженію областнаго правленія». Прибавимъ еще статью касательно отчужденія земель: «Передача земельныхъ участковъ между туземцами, наслѣдованіе сихъ имуществъ и раздѣлы оныхъ совершаются по соблюдаемымъ въ каждомъ мѣстѣ между туземцами обычаямъ. Передача же упомянутыхъ участковъ лицамъ, не принадлежащимъ къ туземному населенію, но имѣющимъ право пріобрѣтать земли въ краѣ, совершается крѣпостнымъ порядкомъ. При этомъ покупатель пріобрѣтаетъ тѣ только права на купленную землю, которыми пользовался продавецъ во время продажи оной».

Теперь можемъ перейти къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ г. М. вступилъ во владѣніе землею. До послѣдняго времени она служила пастбищемъ для скота сосѣднихъ поселянъ. Эмиръ, какъ обладатель земли, снисходя на просьбу г. М., выдалъ ему актъ на право владѣнія и пользованія всѣмъ участкомъ безплатно въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы владѣлецъ подвергъ его обработкѣ, устроивъ на такой конецъ надлежащее орошеніе. По истеченіи льготнаго двѣнадцатилѣтняго срока г. М. вступаетъ въ полныя владѣльческія права и наравнѣ съ другими землевладѣльцами вноситъ налогъ, какимъ облагаются принадлежащія частнымъ лицамъ земли. Въ русскихъ туркестанскихъ владѣніяхъ «размѣръ государственнаго поземельнаго налога,—какъ значится по тексту изданнаго положенія,—установляется въ 10 процентовъ со средней валовой доходности подлежащихъ оному земель». Если же г. М. въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ не успѣетъ оросить и воздѣлать свой участокъ, то онъ лишается всѣхъ правъ на него, и земля опять поступаетъ во владѣніе эмира.

При такихъ-то условіяхъ нашъ соотечественникъ принялся за хозяйство на своей новооткрытой плантаціи, забравъ въ наемъ сорокъ человѣкъ бухарскихъ и тридцать русскихъ рабочихъ. Въ первый же годъ хозяинъ успѣлъ провести арыкъ на протяженіи трехъ верстъ. На орошаемыхъ водою изъ арыка десятинахъ г. М. показывалъ мнѣ всходы посѣяннаго имъ американскаго хлопка. Вдоль по канавѣ разсажены деревья разныхъ мѣстныхъ породъ. Предпріятіе, повидимому, обѣщало увѣнчаться полнымъ успѣхомъ и сулило въ будущемъ значительныя выгоды. Я недоумѣвалъ только, отчего при здѣшнихъ условіяхъ землевладѣнія до сихъ поръ туземное населеніе не воспользовалось этимъ участкомъ, ожививъ его. Г. М. объяснялъ это тѣмъ, что туземцы, вѣроятно, опасались набѣга туркменъ. Однако, тутъ же по сосѣдству съ его прибрежною землей, немного далѣе отъ рѣки, находятся кишлаки, въ которыхъ проведены арыки, разведены сады и воздѣлываются хлѣбныя поля. Такъ этотъ вопросъ и оставался для меня неразрѣшеннымъ.

Но вотъ во второй половинѣ мая, вслѣдствіе лѣтнихъ жаровъ, началъ сильно таять снѣгъ въ горахъ, изъ которыхъ вытекаетъ Аму-Дарья съ ея

притоками. Вода въ рѣкѣ стала быстро подниматься и, выступивъ изъ праваго берега, залила не только поля новой плантаціи, но даже весь лѣсъ до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ расположены туземные кишлаки съ прилегающими къ нимъ пашнями. Земля г. М. была залита водою въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, и всходы хлопка окончательно погибли. Туземцамъ, надо полагать, извѣстны были подобныя разрушительные разливы рѣки, и теперь само собою объяснилось, отчего никто изъ нихъ не покушался занимать мертвыя земли близъ береговъ. Оградить эту плодородную почву отъ подобныхъ разливовъ было имъ не по силамъ, и если предстоитъ возможность достигнуть этого, то такое предпріятіе, во всякомъ случаѣ, сопряжено съ громадными издержками. Хватитъ ли у нашего соотечественника капиталовъ на такіе расходы? Если нѣтъ, то ему, къ сожалѣнію, придется отказаться отъ плантаціи, несмотря даже на всѣ потраченные до сихъ поръ на обзаведеніе труды и расходы. Своимъ горькимъ опытомъ онъ можетъ послужить только благимъ предостереженіемъ для будущихъ подобныхъ предпринимателей, показавъ на самомъ дѣлѣ, съ какою осторожностью русскимъ піонерамъ слѣдуетъ приниматься за оживленіе никѣмъ изъ туземцевъ не занимаемыхъ земель.

Покинувъ мельницу, я довольно густымъ таловымъ лѣсомъ прошелъ до станціи Фарабъ. Она оказалась весьма оживленною, такъ какъ здѣсь находилась одна изъ главныхъ мастерскихъ. Направившись отсюда далѣе къ сѣверо-востоку по полотну желѣзной дороги, я на второй уже верстѣ отъ станціи очутился въ области сыпучихъ песковъ Сандукли. Съ возвышеннаго полотна мнѣ представился тутъ поразительный контрастъ между покрытою густою зеленью окраиной оазиса влѣвѣ и холмами желтоватыхъ песковъ, раскинувшихся по обѣ стороны рельсовъ. Спустившись съ полотна, я сталъ проникать въ эту песочную область. Проходя ложбиной между холмами, въ одномъ мѣстѣ замѣтилъ я внизу слѣды бывшихъ построекъ: надъ голою почвой торчали правильными четырехъугольниками основанія глинобитныхъ стѣнъ. Явно было, что здѣсь когда-то стояли жилища. Недалеко отсюда, на пригоркѣ, показалось старое кладбище. Какъ видно, и мѣсто бывшихъ тутъ построекъ, и кладбище давно покинуты жителями. Впослѣдствіи я узналъ отъ почтеннаго бухарца, что лѣтъ семьдесятъ тому назадъ тутъ дѣйствительно находилось селеніе съ полями и садами, орошаемыми водою, проведенною изъ Аму-Дарьи. Но сыпучіе пески, напирая на эти мѣста, понудили поселенцевъ покинуть свои жилища.

Съ этимъ бухарцемъ я познакомился, благодаря начальнику станціи, который однажды повелъ меня къ нему въ гости, захвативъ, притомъ, съ собою переводчика. Занимая въ округѣ должность старшины, бухарецъ принималъ у себя дома всѣхъ приходившихъ къ нему по дѣламъ. Его жена и дочери на всякій случай жили въ другомъ помѣщеніи. Хозяинъ радушно пригласилъ насъ въ свой покой. Въ немъ, кромѣ стоявшей у стѣны высокой кровати съ постелью, не оказалось никакой мебели, и намъ пришлось по-туземному разсѣсться на коврѣ, разостланномъ на земляномъ полу.

Гостепріимный хозяинъ, желая почтить своихъ гостей угощеніемъ или, по-здѣшнему, достарханомъ, разставилъ передъ нами на коврѣ тарелки съ орѣхами, фисташками, печеными яйцами и русскими конфектами; потомъ поднесъ каждому изъ насъ по большой чашкѣ чаю. Присѣвъ на коверъ, онъ радушно вступилъ съ нами въ бесѣду, сообщивъ, между прочимъ, что когда у нихъ пролагали желѣзную дорогу, то мѣстные жители просили начальство, чтобы рельсами не касались того кладбища среди песковъ, гдѣ похоронены ихъ предки и между ними одинъ святой мулла. А, впрочемъ, прибавилъ бухарецъ, теперь, съ тѣхъ поръ какъ проведена желѣзная дорога, жителямъ легче стало отстаивать свой оазисъ, такъ какъ, предохраняя полотно, желѣзно-дорожная команда ставитъ преграды заносамъ; сверхъ того, и самое населеніе въ краѣ сгущается, такъ что, въ случаѣ нужды, можно собрать къ угрожаемому мѣсту больше народу и общими силами предотвратить дальнѣйшій напоръ песковъ.

Вернувшись на другой день въ Чарджуй, я съ наступленіемъ жаркихъ дней, когда температура доходила до 35° въ тѣни, часто раннимъ утромъ пускался на прогулки по окрестностямъ. Вставъ на разсвѣтѣ, выхожу на берегъ рѣки. Все еще тихо кругомъ. Вотъ на горизонтѣ сверкнули первые лучи восходящаго солнца и, разлившись по равнинѣ, освѣтили все яркимъ блескомъ. Рабочій людъ сталъ пробуждаться. На плоскихъ крышахъ домовъ здѣсь и тамъ поднимаются съ ложа спавшіе наверху люди, расположившіеся на возвышеніи ради болѣе свѣжаго ночнаго воздуха. Обратившись лицомъ къ востоку, мусульмане творятъ свою обычную молитву. Раздался свистокъ локомотива на желѣзной дорогѣ, куда собрались уже толпы поденщиковъ. Сарты и персы принялись уже перетаскивать шпалы на платформы. Заработалъ коперъ и раздался громкій стукъ тяжеловѣсной бабы, вбивающей сваи близъ берега, для огражденія его отъ напора водъ въ быстрой рѣкѣ. Къ берегу стали приставать туземные каюки съ тюками хлопка изъ Бухары или съ грузомъ ячменя, замѣняющаго здѣсь нашъ овесъ для лошадей. Зерно тутъ же у берега ссыпается большими грудами. Вокругъ хлопковыхъ тюковъ прилегли на землю верблюды. Совершивъ нагрузку, вожаки отводятъ ихъ вереницей къ станціи для перегрузки хлопка на платформы. По мосту осторожно, медленнымъ ходомъ двинулся локомотивъ, влача за собою длинный рядъ платформъ, нагруженныхъ шпалами и рельсами для продолжающейся укладки по дорогѣ къ Самарканду. На одной изъ порожнихъ платформъ пестрѣютъ халаты бухарцевъ: хотя движеніе поѣздовъ еще не открыто для публики, но, пользуясь доброхотствомъ русскихъ начальниковъ, туземцы то и дѣло переѣзжаютъ по своимъ дѣламъ отсюда въ Бухару и обратно. По всему берегу поднялась шумная суетня и раздались гортанные звуки восточнаго люда.

А рѣка-неудержимо стремительнымъ потокомъ несетъ свои красновато-глинистыя воды. Въ этомъ отношеніи Аму-Дарья напомнила мнѣ другую такую же бурную рѣку въ Сѣверной Америкѣ, Миссури; но только въ немъ вода болѣе темнобураго цвѣта. Размывая берега, Аму густо пропитывается

глиной, такъ что зачерпнутая въ стаканъ вода въ скоромъ времени образуетъ на днѣ значительный желтоватый осадокъ. Жители для питья употребляютъ ее не иначе, какъ давъ ей отстояться въ посудинѣ. Окончательно вода очищается только при помощи фильтра. Съ перваго раза мнѣ казалось, что и купаться въ этой густой жижѣ нельзя безъ того, чтобы на тѣлѣ не осѣла глинистая муть, но на самомъ дѣлѣ оказалось, что въ этомъ отношеніи опасаться нечего: при такой быстротѣ теченія ничего не успѣваетъ осѣсть на тѣлѣ, и, купаясь въ рѣкѣ, я выходилъ изъ воды совершенно чистъ.

Благодаря этой глинистой мути, вода Аму-Дарьи, проводимая арыками на поля, не только орошаетъ ихъ, но служитъ также отличнымъ удобреніемъ: чѣмъ долѣе эта густая влага стоитъ на полѣ, тѣмъ свѣтлѣе становится она, по мѣрѣ того, какъ глинистая муть осѣдаетъ на почву, оставляя на ней тонкую слойку самаго плодоноснаго назёма. И дѣйствительно, этотъ суглинистый мергель, этотъ *желтоземъ* или такъ называемый *лёсъ*, по содержащимся въ немъ составнымъ частямъ и по порошкообразному состоянію смѣси, представляетъ какъ бы нарочно приготовленную для питанія растеній пудретту. Однако, желтоземъ распространяется не однимъ только путемъ орошенія, иначе нельзя бы объяснить себѣ, какъ образовался лёсъ въ мѣстахъ, куда искони не попадало ни капли рѣчной влаги.

По изслѣдованіямъ нашего геолога Миддендорфа, порошкообразный лёсъ одолженъ своимъ распространеніемъ вѣтру. И въ самомъ дѣлѣ, въ знойные лѣтніе дни бурные вихри поднимаютъ въ песчаныхъ пустыняхъ громадныя массы пыли. Намъ не разъ приходилось видѣть, какъ эта степная пыль, поднятая вѣтромъ въ извѣстныхъ уже намъ пескахъ Сандукли, по ту сторону рѣки, разносится по обширной равнинѣ громадными клубами. Самый песокъ, задерживаемый встрѣчными неровностями почвы, скопляется мѣстами въ большіе барханы. Но болѣе легкая пыль уносится высоко вверхъ восходящими потоками сильно нагрѣтаго полуденнымъ жаромъ воздуха. Тогда безоблачное съ утра небо застилается этою пылью словно мутною пеленой. На солнце можно смотрѣть невооруженными глазами; блѣдное, оно не даетъ своихъ лучей и походитъ на потускнѣвшій оловянный кружокъ. По охлажденіи атмосферы съ закатомъ солнца, восходящіе потоки воздуха прекращаются и вся масса поднятой имъ пыли, опустившись, покрываетъ собою необъятное пространство площадей. Небо вновь выясняется и наступаетъ чудная, прохладная ночь съ ярко сверкающими звѣздами въ вышинѣ. Изъ этой-то осѣвшей атмосферной пыли и образуются лёсовыя отложенія, составляющія плодородную желтоземную почву, богатый даръ природы, дорого цѣнимый туземнымъ населеніемъ.

И дѣйствительно, лёсъ дорогъ жителямъ не только своимъ плодородіемъ, но и тѣмъ еще, что входитъ, можно сказать, во всѣ отрасли житейскаго быта туземцевъ. Изъ него, какъ мы уже знаемъ, они строятъ свои жилища, возводятъ крѣпостныя стѣны и, пережигая въ кирпичъ, воздвигаютъ свои мечети; изъ того же лёса готовятъ узкогорлые кувшины, боль-

шіе и малые тазы, чаши, плошки, лампочки, подсвѣчники, даже своеобразнаго вида чернильницы. Не употребляя почти никакой мебели, они, однако, слагаютъ изъ глины нѣчто вродѣ кроватей, а по дворамъ стоятъ кормушки, замѣняющія ясли для лошадей, сдѣланныя также изъ лёсовой земли. Такъ широко пользуются они ею, благодаря тому, что она у нихъ всегда тутъ же подъ руками. Въ отношеніи плодородія слѣдуетъ замѣтить, что лёсовая почва превосходитъ даже черноземную, такъ какъ она оказывается неистощимою: она достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ футовъ толщины и на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ даетъ все тѣ же богатые урожаи, лишь бы человѣкъ орошалъ благодарную почву.

Проходя вверхъ по рѣкѣ, я часто заставалъ тамъ съ полдюжины приставшихъ къ берегу каюковъ, въ которыхъ туземцы подвозили произведенія своихъ полей, снабжая жителей и стоящія здѣсь войска провіантомъ. Сарты доставляютъ также топливо для стоящаго тутъ близъ берега кирпичнаго завода. Но такое топливо можетъ годиться развѣ только въ здѣшнемъ знойномъ климатѣ, благодаря которому для обжиганія кирпичей не требуется сильнаго жара. И въ самомъ дѣлѣ, обыкновенныя дрова здѣсь рѣдки за недостаткомъ лѣсовъ, саксаулъ также сильно истощенъ, а потому они замѣняются связками гребенщика, вообще всякаго бурьяна, въ большихъ грудахъ наваленными на берегу. Навѣсовъ для просушки сырого кирпича при заводѣ вовсе нѣтъ, такъ какъ при постоянно ясномъ лѣтнемъ небѣ кирпичъ гораздо лучше просыхаетъ на солнечномъ припекѣ. Его зачастую употребляютъ даже на постройку домовъ въ видѣ сырца. Обжиганію сырецъ подвергается только для болѣе прочныхъ построекъ.

Миновавъ кирпичный заводъ, я вышелъ на обширную равнину, гдѣ предо мною разстилается травяное поле. Его нельзя назвать лугомъ, съ понятіемъ о которомъ у насъ связана ласкающая взоры зелень нашего дерна; здѣсь мы напрасно стали бы искать знакомой намъ бархатистой муравы: подъ вліяніемъ жгучаго солнца трава либо выростаетъ въ видѣ высокой осоки, если въ почвѣ достаточно влаги, либо она высыхаетъ, не образуя дерна. Впереди по тропѣ весело перебѣгали подорожники съ хохолками, а надъ рѣкою носились чайки, по берегу посвистывали кулики. Издали на встрѣчу тянулся караванъ, состоявшій изъ дюжины верблюдовъ, съ кладью для желѣзной дороги. А тамъ проскакали два бухарца, сидя на одной лошади. Такой способъ ѣзды вдвоемъ на одномъ конѣ здѣсь въ большомъ ходу. Часто даже и на маленькомъ ишакѣ помѣщаются два сѣдока, и подъ этою тяжестью сносливое животное бодро семенитъ ногами. По полю разсыпалось большое стадо коровъ, овецъ и козъ. Такія мѣста вообще служатъ хорошимъ пастбищемъ. Вдали показались кишлаки, отступившіе здѣсь далеко отъ берега, оттого что рѣка въ половодье заливаетъ низменную мѣстность. Не заходя туда, я вернулся было по прежнему пути; но на полдорогѣ ко мнѣ подскакалъ на лошади солдатъ и предупредилъ, что теперь въ полѣ стрѣляютъ, а потому нельзя идти берегомъ. По его указанію я свернулъ влѣво и вскорѣ увидѣлъ роту солдатъ въ бѣлыхъ хол-

щевыхъ кителяхъ, съ такими же фуражками и въ красныхъ брюкахъ изъ козлиной кожи. Рота упражнялась стрѣльбою въ цѣль. На туземцевъ, надо полагать, внушительно вліяютъ эти почти ежедневныя упражненія солдатъ. Обойдя ихъ большою дугой по полю, я попалъ затѣмъ въ нашъ городъ за казармами. На площади посреди базара собралась толпа людей поглазѣть на искусство пріѣзжаго акробата. Одѣтый въ трико, онъ, вытянувъ на жердяхъ свой канатъ, ходилъ по немъ надъ головами зрителей и совершалъ обычныя въ такихъ случаяхъ эволюціи. Бухарцы, сидя у своихъ лавокъ и попивая чай, съ любопытствомъ слѣдили за представленіемъ, по окончаніи котораго акробатъ сталъ собирать доброхотную дань съ зрителей.

Возвращаясь оттуда домой, я увидѣлъ на обширной площади передъ казармами роту солдатъ, маршировавшихъ подъ звуки военной музыки. Для туземцевъ эти экзерциціи служатъ даровымъ, но, надо полагать, такъ же, какъ и стрѣльба, внушительнымъ зрѣлищемъ. А тамъ, въ сторонѣ отъ казармъ, на открытомъ полѣ размѣстилась бивакомъ большая партія солдатъ, которымъ вышелъ срокъ службы въ Туркестанскомъ краѣ. Они прибыли сюда въ каюкахъ внизъ по рѣкѣ изъ русскаго укрѣпленія Керки, расположеннаго въ верхнемъ теченіи Аму-Дарьи. На смѣну ихъ туда же отправлены уже другія роты, недавно прибывшія изъ Россіи, а партія отбывшихъ свой срокъ поѣдетъ надняхъ по желѣзной дорогѣ къ Каспійскому морю.

Здѣсь мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ подобной взаимной смѣны отрядовъ. Впослѣдствіи я засталъ на берегу Аму тоже расположенную бивакомъ сотню уральскихъ козаковъ съ ихъ конями. Поздно вечеромъ этотъ бивакъ съ разведенными по берегу кострами представлялъ чудную живую картину.

По набросанному здѣсь бѣглому очерку можно уже судить о томъ никогда непрерываемомъ оживленіи, какое господствовало вокругъ желѣзной дороги во время моего пребыванія въ Чарджуѣ. Прибавлю еще, что въ разныхъ мѣстахъ то и дѣло производились свѣжія постройки: то возникаетъ новый домишко, въ нѣсколько дней сооружаемый изъ жердей, переплетаемыхъ очеретомъ, который снаружи и снутри обмазывается глиной; то фирма Кудрина воздвигаетъ зданіе среди обширнаго огороженнаго двора для склада хлопка и для очистки его при посредствѣ американскаго джина. Словомъ, жизнь здѣсь изо дня въ день бьетъ живымъ ключомъ. Только на Страстной недѣлѣ угомонилась нѣсколько эта кипучая дѣятельность.

Генералъ Анненковъ пріѣхалъ съ укладки въ Чарджуй и пригласилъ небольшую компанію въ свой садъ, расположенный верстахъ въ четырехъ внизъ по рѣкѣ недалеко отъ берега. Мы отправились туда на паровомъ катерѣ. Замѣчу кстати, что рядомъ съ нимъ возлѣ моста стояли еще два новыхъ парохода, болѣе обширныхъ размѣровъ: «Царь» и «Царица». При нихъ находились также двѣ большія баржи, предназначенныя для перевозки войскъ по Аму-Дарьѣ. Нашъ катеръ понесся внизъ по рѣкѣ и скоро

присталъ къ берегу. Пройдя около сотни шаговъ по полю, мы вошли въ самый садъ, гдѣ среди тутовыхъ и фруктовыхъ деревьевъ разстилались виноградники и поля, засѣянныя хлопкомъ и разными овощами. Посреди сада стояло уютное выбѣленное жилище управляющаго. Вмѣстѣ съ нимъ нашу компанію встрѣтили ученики изъ школы въ Чарджуѣ съ ихъ молодымъ учителемъ во главѣ. Открывъ вродѣ русскихъ городскихъ училищъ школу для дѣтей служащихъ при желѣзной дорогѣ, генералъ Анненковъ имѣлъ также въ виду ознакомить учениковъ по мѣрѣ возможности съ пріемами мѣстнаго сельскаго хозяйства. Толпа мальчиковъ и дѣвочекъ отъ семи до двѣнадцатилѣтняго возраста, по приглашенію управляющаго, послѣдовала за нимъ, прежде всего, къ винограднику. Тутъ управляющій объяснялъ малолѣтнимъ слушателямъ, какъ разводится виноградъ и вообще какой уходъ требуется за нимъ. Замѣчу отъ себя, что въ здѣшнемъ краѣ этотъ уходъ не такъ обременителенъ, какъ въ европейскихъ странахъ, напримѣръ, въ Швейцаріи и на Рейнѣ. Тамъ лоза разводится обыкновенно по нагорнымъ скатамъ и потому для предохраненія ея отъ размытія стекающими съ горъ водами приходится обносить виноградникъ каменною оградой. Здѣсь же лоза сажается на ровномъ полѣ и не требуетъ такихъ защитъ отъ размытія. Сверхъ того, здѣшніе поселенцы не употребляютъ ни шпалеръ, ни тычекъ, стоющихъ не мало труда европейскимъ виноградарямъ: предоставленная самой себѣ, здѣшняя лоза почти стелется по землѣ. Несмотря на то, виноградъ зрѣетъ въ изобиліи, а чрезвычайное разнообразіе сортовъ отличается превосходными качествами и, притомъ, необыкновенною дешевизной. Туземцы, какъ мусульмане, не пьющіе вина, до сихъ поръ не занимались винодѣліемъ: они приготовляютъ изъ винограда изюмъ.

Въ послѣдніе годы появились здѣсь русскіе винодѣлы и во всемъ краѣ входитъ въ употребленіе вино, приготовляемое изъ мѣстнаго винограда. Когда современемъ винодѣліе разовьется еще болѣе, то здѣшнее вино будетъ вывозиться, конечно, внутрь Россіи и явится опаснымъ соперникомъ кавказскимъ и крымскимъ винамъ, такъ что этому производству предстоитъ здѣсь широкая будущность.

Отъ виноградника управляющій повелъ школу къ другому полю, которое распахивалось подъ хлопокъ, но не здѣшнею первобытнаго свойства косулей, а усовершенствованнымъ англійскимъ плугомъ, влекомымъ парою воловъ. Объяснивъ ученикамъ воздѣлку хлопка, управляющій обратилъ ихъ вниманіе на превосходство плуга передъ туземнымъ пахотнымъ орудіемъ. По приглашенію генерала, одинъ изъ старшихъ учениковъ взялся управлять плугомъ и ловко провелъ нѣсколько бороздъ. Его смѣнилъ затѣмъ другой товарищъ и, такимъ образомъ, юноши на дѣлѣ убѣдились, насколько легче и успѣшнѣе работается такимъ усовершенствованнымъ орудіемъ. Когда кончились объясненія управляющаго, то учитель собралъ своихъ питомцевъ вокругъ себя и, руководимые имъ, они стройнымъ хоромъ пропѣли нѣсколько веселыхъ дѣтскихъ пѣсенъ. Потомъ ученикамъ роздали ла-

комства, и толпа ихъ весело разбѣжалась въ разные концы сада. Посѣщеніе его вообще произвело на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Впослѣдствіи мнѣ еще не разъ приходилось встрѣчать въ саду толпы учениковъ, приходившихъ туда погулять и полакомиться тутовыми ягодами, зрѣвшими тамъ въ изобиліи.

Наступалъ праздникъ Христова Воскресенія. Въ субботу вечеромъ русскіе жители Чарджуя чуть ли не въ полномъ составѣ собрались въ здѣшней полковой церкви. Стоящее на площади противъ казармъ продолговатое, изъ камыша сложенное и глиной вымазанное, строеніе трудно было бы признать за церковь, если не замѣтить небольшаго креста на концѣ крыши. Въ настоящее время приступлено уже къ постройкѣ другаго, каменнаго, храма Божія. Но въ той убогой полковой церкви впервые въ этомъ краѣ совершилось богослуженіе въ Свѣтлый праздникъ. На этотъ разъ ее, впрочемъ, легко было признать еще издали, такъ какъ мѣсто вокругъ нея было иллюминовано, передъ нею горѣлъ шифръ съ вензелемъ Х. В. и сама церковь была ярко освѣщена. Въ ней не могла умѣститься вся публика и много народу стояло снаружи у открытыхъ дверей и оконъ. Пѣвцы на клиросѣ возгласили: «Христосъ воскресе!» и, въ то же время, въ ихъ пѣніе врывался свистокъ локомотива, какъ бы напоминая, что для края настало также воскресеніе восточнаго люда, проспавшаго столько вѣковъ сномъ духовнаго застоя.

Эд. Циммерманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

XX 205/1
Р-89

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

МАЙ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1889.

По закаспійской желѣзной дорогѣ *).

V.

Бухара.

Джутъ.— Могила святаго.— Каракуль.— Барханы.— Станція Бухара.— Жилище офицеровъ.— Озеро.— Разверстка Новой Бухары.— Въѣздъ въ столицу.—Посольскій домъ.— Ришта.—Мечети и медрессе.—Ригистамъ.—Туземный фанатизмъ и бухарская ученость.— Большой базаръ.—Аудіенція у эмира.—Прочное господство Россіи въ Средней Азіи.

Хотя правильное движеніе поѣздовъ совершалось пока только до Чарджуя, однако, я пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы проѣхаться далѣе, даже по неоткрытой еще для эксплуатаціи дорогѣ. Къ поѣздамъ, перевозившимъ желѣзно-дорожный матеріалъ къ мѣсту укладки рельсовъ, всегда прицѣплялись порожніе товарные вагоны или платформы, пользоваться которыми предоставлялось всѣмъ безплатно, но лишь съ тѣмъ, чтобы пассажиръ самъ заботился о болѣе удобномъ помѣщеніи въ отведенномъ ему пустомъ вагонѣ. Для ночнаго переѣзда въ такомъ случаѣ необходимо было запастись не только подушкой, но также постелью и даже кроватью, если не желаешь расположиться на полу. Меня на такой случай предупредительно снабдили вошедшею здѣсь въ употребленіе такъ называемою сартскою кроватью. Она состоитъ изъ деревянной рамки на четырехъ ножкахъ, переплетенной веревкою изъ кендыря, какъ называется у туземцевъ замѣняющее нашу коноплю мѣстное растеніе, извѣстное у насъ подъ именемъ джута, изъ котораго приготовляются дешевые джутовые мѣшки. Волокно этого дикорастущаго кендыря, желтоватаго цвѣта, отличается достаточною крѣпостью, такъ что если удастся съ выгодою разводить это растеніе въ поляхъ, то джутъ явится сильнымъ соперникомъ нашей пеньковой пряжи.

Поѣздъ, съ которымъ я отправился, осторожно двинулся по мосту. Перебравшись на правый берегъ рѣки, онъ полнымъ ходомъ пошелъ между разросшеюся по обѣ стороны полотна таловою рощей и вскорѣ затѣмъ остановился на знакомой уже намъ станціи Фарабъ. Забравъ и тутъ также не-

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

обходимый для укладки матеріалъ, поѣздъ двинулся далѣе, и вскорѣ по обѣ стороны рельсовъ потянулись извѣстные уже намъ пески Сандукли. Опять среди пустынной мѣстности стали появляться одинокія станціи съ наскоро сколоченными домишками и туземными кибитками для рабочихъ. Близъ первой такой станціи, Ходжа-Давлетъ, стоитъ гробница святаго, которую тотчасъ можно признать по торчащимъ надъ могилою жердямъ съ развѣвающимися тряпками на верхушкѣ. У этой гробницы случилось событіе, могущее служить предостереженіемъ для нарушителей туземныхъ святынь. Въ прошломъ году, когда въ этихъ мѣстахъ производились работы по укладкѣ дороги, одному изъ рабочихъ для чего-то понадобилось вырубить торчащія надъ могилою жерди. Кто-то изъ туземцевъ подкараулилъ святотатца и выстрѣлилъ въ него изъ-за ближайшаго бугра. Раненый работникъ едва доплелся до станціи, а стрѣлявшій въ него, конечно, успѣлъ тѣмъ временемъ скрыться въ пескахъ. Къ счастью, рана оказалась неопасною.

Слѣдующая затѣмъ станція, Каракуль, находится близъ небольшаго города того же имени. Онъ, какъ извѣстно, славится своими овчинами. Имѣя въ виду купить такую овчинку, я отъ мѣстныхъ жителей узналъ, однако, что здѣсь не найду хорошей каракули, такъ какъ, снявъ съ барашковъ шкурки, туземцы отвозятъ ихъ обыкновенно въ Бухару, а оттуда прямо на Нижегородскую ярмарку. Мнѣ вспомнилось при этомъ, что много лѣтъ тому назадъ, находясь въ Гаваннѣ, я точно также не могъ добыть тамъ хорошихъ гаванискихъ сигаръ, а въ Панамѣ—порядочной панамской шляпы.

Песчаные барханы тянутся высокими грядами по сторонамъ дороги. Здѣсь они обращаютъ на себя особенное вниманіе правильностью своего образованія. И въ самомъ дѣлѣ, подчиняясь направленію господствующихъ въ краѣ вѣтровъ, эти гряды съ навѣтренной стороны представляютъ отлогіе подъемы обыкновенныхъ холмовъ, тогда какъ на противуположной юго-западной сторонѣ ихъ обрисовывается вогнутымъ полукругомъ крутой скатъ бархана. По серединѣ этотъ скатъ достигаетъ футовъ тридцати и болѣе въ вышину, но къ бокамъ онъ спускается на нѣтъ, согласуясь съ покатостями холма. Своеобразный видъ представляютъ эти разсыпанные на неоглядномъ пространствѣ барханы съ ихъ правильными, всегда обращенными въ одну сторону крутизнами.

Пески, наконецъ, прекратились и по обѣ стороны рельсовъ потянулись сады и хлѣбныя поля разсыпанныхъ по ровной мѣстности кишлаковъ. Вотъ вдали, по лѣвую сторону, изъ-за купы деревьевъ виднѣется уже высокая башня большаго минарета въ городѣ Бухарѣ. Когда разступившіяся деревья открываютъ передъ глазами болѣе обширный кругозоръ, то можно усмотрѣть даже столпившіеся вокругъ минарета куполы мечетей. Мы приближаемся къ станціи Бухара, которая, однако, удалена на двѣнадцать верстъ отъ самой столицы ханства. Самъ эмиръ заявилъ желаніе, чтобы вокзалъ былъ помѣщенъ подалѣе отъ города. Онъ, повидимому, опасался тревожнаго возбужденія въ своихъ подданныхъ, взиравшихъ будто бы на огненнаго коня, какъ на шайтаново навожденіе. На дѣлѣ оказалось, однако, что опа-

сенія эмира были напрасны. Теперь горожане, особенно торговый людъ, горько сѣтуютъ о томъ, что станція такъ далеко отъ ихъ города, и имъ приходится съ значительными издержками перевозить какъ получаемый изъ Россіи, такъ и отправляемый туда товаръ.

На дебаркадерѣ, у котораго остановился поѣздъ, встрѣтила насъ густая толпа народа. Раздались возгласы бухарцевъ, встрѣчавшихъ своихъ знакомыхъ, крики носильщиковъ, тутъ же толкались продавцы туземныхъ лепешекъ, такъ называемыхъ чураковъ; шумъ и суетня были словно на базарѣ. Въ ожиданіи постройки настоящаго вокзала, здѣсь, въ довольно просторномъ одноэтажномъ домѣ, армянинъ открылъ порядочный буфетъ, гдѣ можно даже заказать по картѣ полный обѣдъ.

На этой станціи мнѣ пришлось остановиться дня на два, и я воспользовался радушнымъ гостепріимствомъ офицеровъ желѣзно-дорожной команды. Жилище ихъ, въ которомъ я нашелъ пріютъ, можетъ послужить типичнымъ образикомъ того, какъ въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ устроивались служащіе при желѣзной дорогѣ на время, пока воздвигались для нихъ надлежащія помѣщенія. Временное жилище моихъ гостепріимныхъ хозяевъ стояло особнякомъ поодаль отъ другихъ деревянныхъ домиковъ, раскинутыхъ вдоль полотна желѣзной дороги. За полуобрушенною оградой бывшихъ тамъ прежде глинобитныхъ построекъ находится на дворѣ прудокъ, по краямъ котораго возвышаются старыя тутовыя деревья. У этого прудика и расположено помѣщеніе, состоящее изъ двухъ, снятыхъ съ платформъ вагоновъ и поставленныхъ въ рядъ прямо на землю. Небольшой промежутокъ между ними убранъ коврами и покрытъ навѣсомъ. Тутъ, какъ бы въ маленькой гостиной, помѣщены мягкій диванчикъ, кресло и столъ. Къ этому уютному уголку снаружи примыкаетъ зеленая палатка. Просторная площадка впереди вагоновъ, передъ самымъ прудомъ, защищена отъ солнечныхъ лучей навѣсомъ изъ циновки, а середина ея занята длиннымъ столомъ, вокругъ котораго размѣщены стулья. Эта площадка служитъ общимъ заломъ для жильцовъ. Внутри вагоновъ, замѣняющихъ спальни, стоятъ кровати, сундуки и разная мебель. Жильцы спали, однако, большею частью наружи, подъ сѣнью тутовыхъ деревьевъ. Просторное помѣщеніе для прислуги, потомъ еще конюшни замыкаютъ дворъ съ остальныхъ сторонъ. Это жилище казалось мнѣ въ своемъ родѣ укромнымъ затишьемъ, въ которомъ хорошо отдохнуть отъ суетни желѣзно-дорожнаго быта.

Младшій изъ офицеровъ, страстный ружейный охотникъ, предложилъ мнѣ съѣздить къ озеру, верстахъ въ пяти на юго-западъ отъ станціи. Проѣхавъ въ открытомъ тарантасѣ между кишлаками по большой дорогѣ, пролегающей отъ Бухары въ городъ Карши, мы по пути миновали довольно большой курганъ, снизу до верху усѣянный могилами. Вслѣдъ затѣмъ показалось озеро, и, покинувъ экипажъ, мы подошли къ поросшему камышомъ берегу. За камышами въ обширной ложбинѣ раскинулась версты на четыре въ длину синеватая гладь воды, а тамъ, далѣе, поднималась песчаная пустыня. Чайки, мартыни и утки то и дѣло перелетали изъ конца

въ конецъ надъ поверхностью озера. Захвативъ съ собой ружье, мой спутникъ вызвалъ изъ ближайшаго кишлака двухъ сартовъ, съ тѣмъ, чтобы они прокатили насъ въ каюкѣ. Сарты пошли отыскивать его въ камышахъ, но послѣ долгихъ поисковъ воротились съ извѣстіемъ, что не могутъ найти его. Такъ намъ и не пришлось прокатиться по озеру и пострѣлять утокъ, большими стаями перелетавшихъ вдали. Вода въ озерѣ, какъ оказалось, на вкусъ соленая и отзывается нѣсколько сѣрнымъ запахомъ.

По возвращеніи домой я прошелъ по полотну желѣзной дороги и засталъ близъ нея землемѣра, занятаго разверсткою мѣстности. Здѣсь къ рельсамъ съ южной стороны примыкаетъ обширная ровная площадь. Землемѣръ разбивалъ ее на участки для предполагаемаго здѣсь русскаго города подъ именемъ Новая Бухара. За отдаленностью столицы этотъ новозакладываемый городъ предназначенъ служить складочнымъ мѣстомъ для приходящихъ и отходящихъ товаровъ. Кстати упомяну здѣсь же, что недѣль пять спустя, когда я опять посѣтилъ Бухару, тамъ при мнѣ совершалась раздача участковъ желающимъ водвориться въ будущемъ русскомъ городѣ. Этою операціей завѣдывалъ агентъ русскаго правительства, но продажа совершалась въ пользу эмира, какъ владѣльца мертвой земли. Каждый изъ участковъ занимаетъ 450 квадратныхъ саженъ и стоитъ 225 рублей. Раздача ихъ съ перваго же раза пошла довольно бойко; главными покупателями явились фирмы разныхъ торговыхъ домовъ, поддерживающихъ постоянныя сношенія съ городами Европейской Россіи.

Мои хозяева снарядили мнѣ экипажъ для поѣздки въ столицу. Въ началѣ дороги, пролегающей на сѣверъ отъ станціи, показалось открытое поле, среди котораго раскинуты были палатки цыганскаго табора. Пользуясь разрѣшеніемъ правительства кочевать по незанятымъ мѣстамъ, цыгане ведутъ здѣсь такую же бродячую жизнь, какъ и соплеменники ихъ въ Россіи, занимаясь барышничествомъ, ворожбою, а, вѣроятно, также и воровствомъ. Миновавъ затѣмъ сады, окружающіе разсѣянные по сторонамъ кишлаки, мы подъѣхали къ старому кладбищу, гдѣ продолговатой формы кирпичныя гробницы тѣсными сплошными рядами высились надъ землей. За кладбищемъ показались высокія ворота крѣпости, глинобитныя стѣны которой окружаютъ городъ на протяженіи почти двѣнадцати верстъ. Потомъ мы стали пробираться по кривымъ пыльнымъ улицамъ, между такими же пыльно-сѣрыми высокими стѣнами жилищъ. Мѣстами по сторонамъ показывались низкія торговыя лавки. Кое-гдѣ возвышались мечети и минареты, кирпичныя стѣны которыхъ прерывали на время томительное однообразіе глинобитныхъ построекъ. Иногда приходилось проѣзжать по мосту первобытнаго устройства, перекинутому черезъ широкій арыкъ, въ которомъ зловѣще зеленѣла стоячая жижа; а въ другомъ мѣстѣ экипажъ, наклонившись на бокъ по покатой мостовой, осторожно пробирался краемъ пруда, наполненнаго такою же стоячею и, какъ намъ казалось, вонючею водой. Тутъ изрѣдка появлялись старыя, скудныя листвою тутовыя деревья. Признаюсь, крайне неприглядною и вовсе непривлекательною показалась мнѣ съ

перваго раза эта столица, эта «Бухара-аль-шерифъ», т.-е. «благородная», какъ величаютъ ее туземцы. Наконецъ-то показалась выбѣленная стѣна посольскаго дома, и экипажъ, завернувъ за уголъ, въѣхалъ на дворъ, гдѣ съ одной стороны стояло нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, а съ другой — тянулся рядъ жилыхъ покоевъ, у дверей которыхъ сидѣли бухарцы. Покинувъ экипажъ у вторыхъ воротъ, я прошелъ на мощеный плитнякомъ дворъ, на заднемъ планѣ котораго возвышалось двухъэтажное зданіе, а по обѣ стороны его тянулись одноэтажныя постройки съ жилыми помѣщеніями. Для пріѣзжихъ гостей отводятся обыкновенно покои въ большомъ зданіи. Агентъ русскаго правительства помѣщается въ домѣ на третьемъ, примыкающемъ сюда дворѣ. Все это довольно обширное обиталище принадлежало прежде богатому сановнику при бухарскомъ эмирѣ, навлекшему на себя гнѣвъ его и умершему въ заключеніи. Можно судить по этому о томъ, какъ, бывало, устраивались разбогатѣвшія здѣсь правительственныя лица.

На посольскомъ дворѣ я познакомился съ докторомъ Гейфельдеромъ, занимавшимъ постъ военнаго врача еще при арміи Скобелева. Желая показать мнѣ въ натурѣ живую ришту, этого своеобразнаго мѣстнаго глиста, развивающагося въ человѣческомъ тѣлѣ, докторъ призвалъ къ себѣ туземнаго цирульника, который привелъ съ собою также сарта, одержимаго риштой. Посадивъ передъ собою на коврѣ паціента, цирульникъ ощупалъ на рукѣ близъ кисти едва замѣтную опухоль, вскрылъ ее ланцетомъ и маленькимъ крючкомъ вынулъ изъ ранки головку ришты. Захвативъ ее двумя пальцами правой руки, онъ лѣвою сталъ, въ то же время, нажимать повыше локтя больнаго и ловко и скоро, словно играя, вытягивать глистъ, похожій на тонкую бѣлую бичеву. Не болѣе какъ въ одну минуту ришта, длиною въ аршинъ слишкомъ, была вынута наружу, чѣмъ операція и кончилась, не причинивъ, повидимому, никакой боли паціенту. Но еслибъ глистъ оборвался, то больной на всю жизнь могъ бы остаться съ окалѣченною рукой, такъ какъ оставшаяся подъ кожей часть ришты, сгнивая тамъ, производитъ неизлечимую опухоль, отчего рука болѣзненно сводится.

Взявъ удачно вытянутый глистъ, докторъ тутъ же ланцетомъ сдѣлалъ надрѣзъ въ его тѣлѣ и выпустилъ изъ него на стеклышко каплю бѣловатой жижи. Разсматривая ее въ микроскопъ, мы ясно видѣли многое множество живо извивающихся бѣленькихъ зародышей ришты, по виду совершенно схожихъ съ маткой. Можно судить по этому, какое громадное количество этого паразита можетъ развиться отъ одного экземпляра. Ришта заводится также подъ кожей въ ногахъ и въ другихъ частяхъ тѣла, такъ что у одного человѣка можетъ появиться заразъ по нѣскольку такихъ паразитовъ. Встрѣчается онъ только въ мѣстностяхъ, гдѣ жители употребляютъ въ питье стоячую въ каналахъ и прудахъ воду, подобную той, что попадается въ арыкахъ Бухары. Для того, чтобы избѣгнуть этой заразы, необходимо хорошо прокипятить такую воду.

Къ большому дому, въ которомъ я остановился, примыкаетъ обширный садъ съ прудомъ и проведенными по всѣмъ направленіямъ арыками. Зад-

няя часть сада примыкаетъ къ высокой крѣпостной стѣнѣ. Гуляя по тѣнистымъ аллеямъ, подъ сводомъ вьющагося по шпалерамъ виноградника, между абрикосовыми, персиковыми и гранатными деревьями,—расхаживая на полной свободѣ куда и какъ мнѣ вздумается,—я невольно вспоминалъ о переворотахъ, какіе совершились здѣсь за послѣднія десятилѣтія въ отношеніи пріѣзжихъ сюда иноземцевъ, о томъ гнусномъ стѣсненіи, даже жестокомъ обращеніи, какое не такъ еще давно претерпѣвали они при дворѣ деспотическаго эмира. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ путешественникъ, подъѣхавъ къ крѣпостнымъ воротамъ, обязанъ былъ слѣзть съ коня и вступить въ городъ не иначе, какъ пѣшкомъ, тогда какъ конвоировавшіе его бухарцы въѣзжали верхомъ. Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія агенты англійскаго правительства, Стоддартъ и Конолли, раздразивъ эмира нарушеніемъ бухарскаго этикета подобнаго рода, подверглись строгому заключенію и, наконецъ, оба были казнены, какъ опасные шпіоны. А въ настоящее время мы не только верхомъ, но въ какомъ угодно экипажѣ свободно разъѣзжаемъ по всѣмъ улицамъ и даже по базарамъ. Прежде, бывало, даже почетные гости эмира находились подъ постояннымъ бдительнымъ надзоромъ, словно подъ арестомъ, какъ люди подозрительные, и имъ не позволялось ни на шагъ удаляться изъ дому безъ назначеннаго для нихъ конвоя. Теперь же всякъ воленъ и ѣздить, и ходить по городу, куда и когда вздумается, никого не спрашиваясь. Такимъ-то перемѣнамъ за послѣдніе годы принуждены были подчиниться бухарскія власти подъ давленіемъ русскаго господства надъ краемъ.

Улицы города, изъ которыхъ ни одна не можетъ быть названа прямою, извиваются и перепутываются такими неправильнымя переходами, а, сверхъ того, при однообразіи глинобитныхъ, ничѣмъ почти не отличающихся другъ отъ друга построекъ, до того походятъ одна на другую, что иногороднцу въ нихъ трудно оріентироваться; а потому, отправляясь смотрѣть достопримѣчательности города, я всякій разъ поневолѣ бралъ съ собой проводника. Эти достопримѣчательности, казалось мнѣ, поражаютъ иноземцевъ не столько красотою, сколько своеобразностью своего вида. Мечети съ обсыпавшеюся со стѣнъ глазурью и съ поврежденными куполами, высокіе при нихъ минареты, обширныя медрессе съ плохо сохранившимися орнаментами,—все это служитъ лишь свидѣтельствомъ того великолѣпія, какимъ славился городъ въ давнія времена, когда въ краѣ господствовали персы и аравитяне. Новѣйшіе властители страны, узбеки, эти монгольскіе выходцы изъ Золотой орды, не создали почти ничего новаго и даже мало заботились о поддержкѣ въ надлежащемъ видѣ тѣхъ громадныхъ сооруженій, какими украсили городъ ихъ болѣе образованные предшественники.

Такое впечатлѣніе сохранилось въ насъ, между прочимъ, отъ вида самой обширной мечети въ Бухарѣ, прозванной «Калянъ», т.-е. «великая». Мой проводникъ провелъ меня по лѣстницѣ на каменную площадку, что возвышается какъ разъ противъ фасада громаднаго зданія. Передъ нами высился широкій фронтонъ мечети съ открытымъ большимъ порталомъ по среди-

нѣ, съ четырехъугольными колоннами по бокамъ, весь покрытый разноцвѣтною глазурью и украшенный чудными арабесками; а надъ всѣмъ этимъ поднимался заостренный кверху куполъ яркоголубаго цвѣта. Но, увы, все это представляется въ полномъ своемъ блескѣ лишь тогда, когда въ воображеніи дополняешь утраченныя отъ времени поврежденныя части зданія. Въ дѣйствительности же разноцвѣтная облицовка фронтона большею частью обсыпалась, барельефныя украшенія во многихъ мѣстахъ надломлены, а на куполѣ виднѣются только остатки голубой глазури, такъ что въ вышинѣ торчитъ лишь бѣлая известковая верхушка его, на которой развели свое гнѣздо аисты. Одинъ изъ нихъ спокойно стоялъ на самомъ верху, поглядывая на птенцовъ своихъ, летавшихъ вокругъ мечети. Это зданіе, какъ полагаютъ, было воздвигнуто еще до нашествія монголовъ и послѣ нихъ осыпавшіяся украшенія почти не исправлялись. Въ ней, какъ говорилъ проводникъ, по пятницамъ отправляется богослуженіе, во время котораго внутри собирается около шести тысячъ человѣкъ. Высокая кирпичная ограда тянется позади фронтона длинною бурою стѣной, до того обветшалою, что кирпичъ мѣстами уже обсыпается, и при видѣ ея никакъ не подозрѣваешь, что находишься передъ самою великолѣпною мечетью въ городѣ.

Находясь все еще на возвышенной площадкѣ, я обратился лицомъ въ другую сторону и увидѣлъ передъ собою фасадъ стоящаго тутъ же, прямо противъ мечети, большаго зданія съ порталомъ. Это высшая школа или медрессе Миръ-Гарабъ. Спустившись съ лѣстницы, мы недалеко отсюда вышли на вымощенную каменными плитами площадку. Здѣсь поднимается саженъ на тридцать въ вышину та самая башня, которую, подъѣзжая къ станціи, мы видѣли изъ окна вагона. Это великій минаретъ или, поздѣшнему, Манари Калянъ. Занимая при основаніи около четырехъ саженъ въ діаметрѣ, совершенно круглая башня слегка лишь съуживается кверху, и только тамъ, на высотѣ около пятнадцати саженъ, расширяется нѣсколько, какъ бы въ видѣ колонной капители, образуя площадку, обведенную оградой съ четырьмя оконцами. По пятницамъ въ полдень муэдзины поднимаются по крутой внутренней лѣстницѣ на верхнюю площадку, чтобы громкимъ крикомъ въ окно,—замѣняя тѣмъ какъ бы трезвонъ съ нашихъ колоколенъ,—сзывать народъ къ торжественному намазу въ великой мечети. На это время,—говорилъ мой сартъ,—мужья въ городѣ сгоняютъ своихъ женъ въ крытые покои, дабы муэдзины сверху не могли подмѣтить на дворахъ хотя бы даже едва уловимое съ такой высоты подобіе женщины. Послѣднимъ здѣсь не подобаетъ даже слышать голоса, взывающаго къ Аллаху. Съ этой же башни изъ тѣхъ же оконъ сбрасываютъ внизъ на мостовую осужденныхъ на смерть преступниковъ. Такъ, изобрѣтая разныя замысловатыя казни, восточные властители портятъ всякое пріятное впечатлѣніе, производимое ихъ величественными зданіями. И дѣйствительно, смѣло возносящаяся вверхъ башня, изжелта-бураго цвѣта, простотою формы, узорами, образованными изъ подобранныхъ кирпичей разныхъ оттѣнковъ, производитъ впечатлѣніе не только своеобразной, но даже изящной постройки.

Отсюда проводникъ повелъ меня по кривымъ переулкамъ на ригистанъ, какъ называется главная площадь въ городѣ. Завернувъ за уголъ, онъ остановился и, какъ будто робѣя, указалъ направо, прошептавъ мнѣ на ухо: «это дворецъ эмира; онъ теперь здѣсь». На невысокомъ холмѣ съ отлогимъ подъемомъ показалось зданіе на подобіе крѣпости, довольно мрачнаго вида. Наверху надъ воротами бѣлѣлъ круглый циферблатъ обыкновенныхъ башенныхъ часовъ. Не знаю, чего робѣлъ мой сартъ? Боялся ли онъ, что его замѣтитъ одинъ изъ беговъ эмира? Меня удивила его робость тѣмъ болѣе, что тутъ же, у подножія холма, по обширной площади безцеремонно толпилась густая масса всякаго люда.

Противъ ханскаго дворца по окраинамъ площади размѣстились двѣ мечети и три медрессе, все зданія довольно значительныхъ размѣровъ. А по самой площади тѣсною гурьбой раскинулись палатки торговцевъ мелочными товарами, лотки съ фруктами и зеленью, столы съ разною жареною и вареною снѣдью, такъ что этотъ пресловутый ригистанъ, съ толпящимся на немъ народомъ, съ его несмолкаемымъ гомономъ и суетней, напомнилъ мнѣ не то наши подвижные базары, открываемые по праздничнымъ днямъ, не то толкучіе рынки и обжорные ряды.

Кромѣ названныхъ уже мечетей, здѣсь насчитывается ихъ еще нѣсколько сотенъ; недаромъ Бухара слыветъ Римомъ ислама. Однако, подобно тому, какъ въ католическомъ, точно такъ же и въ мусульманскомъ Римѣ такое обиліе Божьихъ храмовъ служитъ скорѣе для прикрытія того лицемѣрнаго ханжества, которымъ тамъ сильно заражены бухарцы, понуждаемые къ тому строгими административными мѣрами. Когда, благодаря русскому вліянію на правительственныя власти, стали менѣе прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, то на дѣлѣ оказалось, что народъ въ большинствѣ здѣсь вовсе не одержимъ ярымъ религіознымъ фанатизмомъ, къ которому муллы, дервиши и тому подобные бродячіе богомолы тщетно покушаются подвигнуть туземныя массы. Исполняя обычныя формальности, жители скорѣе индифферентно относятся къ самой сути своей религіи, тѣмъ болѣе, что они не разумѣютъ даже основъ ея, такъ какъ для большинства вовсе недоступенъ Коранъ, этотъ источникъ ислама.

Проходя по одному изъ базаровъ, мой проводникъ, остановившись въ проходѣ, указалъ между торговыми лавками на запертую дверь, къ которой велъ покатый спускъ. «Здѣсь мечеть Моганъ»,—сказалъ онъ. По обѣимъ стѣнамъ, ограничивающимъ спускъ съ боковъ, начертаны надписи на арабскомъ языкѣ. Самая дверь въ глубинѣ, повидимому, вела въ подземелье. И дѣйствительно, это подземное строеніе служило въ старые годы мечетью, въ которой собирались первые магометанскіе пришельцы въ городѣ.

По выходѣ съ базара, я попросилъ моего сарта показать мнѣ медрессе, построенное на деньги, пожертвованныя императрицею Екатериной II, извѣстное подъ именемъ Эрназаръ. Какъ вообще высшія школы, такъ и эта тоже расположена противъ мечети. Двухъэтажное, но не очень большое зданіе Эрназара, выстроенное изъ жженаго кирпича, отличается строгою

простотой архитектуры. Сводъ портала выведенъ рельефными узорами, напоминающими своимъ видомъ сталактиты, образуемые на сводахъ пещеръ. Четырехъугольною стѣной обведенъ просторный дворъ, гдѣ по тремъ сторонамъ помѣщаются кельи для студентовъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось посѣщать Бухару въ лѣтнее вакаціонное время, и ни въ медрессе, ни даже въ низшихъ народныхъ школахъ не происходило никакого ученія. Всѣхъ учебныхъ заведеній въ городѣ чрезвычайно много, такъ что если о просвѣщеніи страны судить по количеству школъ и медрессе, то Бухару слѣдовало бы причислить къ самымъ образованнымъ городамъ на свѣтѣ. Но стоитъ только ознакомиться нѣсколько съ программой преподаванія въ здѣшнихъ школахъ, и убѣдишься, что ученіе подобнаго рода скорѣе можетъ способствовать умственному отупленію, чѣмъ дѣйствительному развитію. Такъ, между прочимъ, въ начальныхъ школахъ безсознательно долбится Коранъ учениками, ничего въ немъ не понимающими, оттого уже, что онъ написанъ на чуждомъ для нихъ арабскомъ языкѣ. Вообще, ученіе ограничивается почти однѣми богословскими науками. За послѣдніе вѣка подъ владычествомъ деспотическихъ узбековъ наступилъ полный застой умственнаго развитія и совершенное отсутствіе просвѣщенной интеллегенціи въ той самой Бухарѣ, гдѣ при аравитянахъ господствовала высокая ученость, гдѣ процвѣтали науки какъ математическія, такъ и физическія.

Величественныя мечети съ ихъ минаретами и медрессе составляютъ, такъ сказать, казовую часть города. Но для того, чтобъ имѣть хоть какое-нибудь понятіе о томъ, какъ проживаютъ бухарцы день-деньской, необходимо побывать на ихъ базарахъ. Исключая женщинъ, дѣтей и людей, одержимыхъ недугомъ, почти никто не сидитъ днемъ дома; такъ что, толкаясь съ утра до вечера по дѣлу и, чаще всего, безъ всякаго дѣла по рынку и являясь домой только на ночь, бухарецъ рѣдко видитъ свою семью и почти не вѣдаетъ семейной жизни. Однако, по неторговымъ улицамъ встрѣчается вообще мало народу, и если случается увидать иногда сарта, ѣдущаго верхомъ на лошади или на ишакѣ, то смѣло можно идти за нимъ, съ тѣмъ, чтобы навѣрняка попасть на который-нибудь изъ базаровъ. Самый оживленный изъ нихъ, конечно, большой базаръ, куда я и направился однажды съ моимъ проводникомъ.

Мы прошли сначала по довольно пустымъ улицамъ, гдѣ у воротъ показывались только мальчики и дѣвочки. Одѣтыя въ пунцовыя рубашки, послѣднія, пользуясь до нѣкотораго возраста привилегіей не скрывать лица, щеголяютъ обыкновенно заплетенными назадъ черноволосыми косичками. Завидѣвъ насъ издали, болѣе смѣлыя изъ нихъ съ робкимъ любопытствомъ оглядывали мою личность, а другія проворно шмыгали въ ворота и пропадали изъ вида внутри двора. Вотъ мы вышли на улицу, по обѣ стороны которой тянулись лавки зеленщиковъ. Здѣсь начинается базаръ. Затѣмъ мы вступили въ проходъ, крытый сверху циновками и похожій скорѣе на галлерею, чѣмъ на улицу. При быстромъ переходѣ отъ

яркаго свѣта наружи къ господствовавшему полумраку намъ показалось здѣсь темно. Но глаза скоро присмотрѣлись и тогда стало очень пріятно въ тѣнистыхъ рядахъ, гдѣ справа и слѣва тянулись одна вплоть возлѣ другой лавки съ разными туземными и привозными товарами. Эти галлереи можно бы, пожалуй, сравнить съ старыми московскими рядами въ Китай-городѣ, съ тою разницей, однако, что у насъ торговцы обыкновенно выкладываютъ свои предметы на прилавки, тогда какъ здѣсь прилавки встрѣчаются очень рѣдко, а продавцы сидятъ, по-восточному, на коврѣ, поджавъ ноги, и покупателю тоже приходится наклоняться книзу. Какъ въ нашихъ рядахъ, такъ и здѣсь, въ каждомъ изъ нихъ торгуютъ обыкновенно товарами одного извѣстнаго рода. Но въ Бухарѣ галлереи извиваются такими изворотами и такъ переплетаются, что въ нихъ путаешься, какъ въ лабиринтѣ, и новичку, зашедшему въ глубь базара, не скоро удастся выйти на просторъ изъ этой неугомонной сутолоки, тѣмъ еще болѣе, что мѣстами надо протискиваться въ густой толпѣ халатовъ, безъ перерыва шныряющихъ на встрѣчу другъ другу. Мало того, по тѣмъ же, и безъ того уже тѣснымъ, проходамъ проѣзжаютъ верхами всадники или тянется цѣлая вереница верблюдовъ, навьюченныхъ товарами, какъ будто нѣтъ другихъ улицъ для ихъ проѣзда. На одномъ изъ встрѣчныхъ верблюдовъ я увидѣлъ по обѣ стороны его горба даже двѣ койки, вродѣ дѣтскихъ кроватей; въ одной изъ нихъ сидѣлъ мужчина, а въ другой женщина съ ребенкомъ. А тамъ подвигается арба съ громадными колесами, отъ которыхъ приходится спасаться въ ближайшую лавочку.

Извольте разобрать тутъ разные типы національностей, которыми кишма-кишитъ Бухара. Находясь на перепутьи разноплеменныхъ азіатскихъ народовъ, городъ искони служилъ какъ бы сборнымъ для нихъ мѣстомъ, и осѣдавшія тутъ въ разныя эпохи крутыхъ историческихъ переворотовъ расы оставляли по себѣ неизгладимые слѣды. Не беремся, однако, по физіономіямъ отличить потомковъ однихъ племенъ отъ другихъ, тѣмъ болѣе, что особи разныхъ расъ нерѣдко роднились другъ съ другомъ и потомство ихъ утрачивало, конечно, отличительныя черты чистой расы. Разобраться въ этой смѣси національностей можно развѣ еще по костюму, какой каждая изъ нихъ унаслѣдовала отъ предковъ.

Вотъ ѣдетъ, гордо бодбоченясь, на конѣ, въ халатѣ болѣе темнаго цвѣта, съ красною чалмой на головѣ, узбекъ. Суровое лицо съ темно-русою бородой монгольскаго типа изобличаетъ въ немъ потомка выходцевъ изъ Золотой орды, покорившихъ край за три столѣтія тому назадъ и составлявшихъ до послѣдняго времени господствующее здѣсь сословіе, такъ сказать, аристократію края, хотя въ ханствѣ собственно не существуетъ сословныхъ перегородокъ, подобныхъ нашимъ. Всадникъ съ высоты своей угрюмо оглядываетъ толпу, въ которой пробирается персіянинъ съ тюбетейкой на головѣ, въ довольно грязной одеждѣ, татаринъ въ кафтанѣ извѣстнаго покроя, степнякъ,—не то киргизъ, не то башкирецъ,—въ бѣлой войлочной, заостренной кверху, шляпѣ, вмѣстѣ съ женой, одѣтой въ платье

кирпичнаго цвѣта, обвѣшанной, для украшенія, монетами и смѣло выставляющей на-показъ всѣмъ свое скуластое лицо, тогда какъ жены бухарцевъ робко проходятъ между ними съ закрытыми лицами. Тутъ же изъ пустыни пріѣхалъ на верблюдѣ туркменъ въ своей обвисшей надъ лбомъ бараньей папахѣ. А коренные жители, составляющіе главное торговое населеніе города, такъ называемые таджики, сидятъ обыкновенно въ пестрыхъ халатахъ, съ бѣлоснѣжными чалмами на головахъ, въ своихъ лавкахъ, повидимому, безстрастно поглядывая умными, добродушными глазами на шныряющую мимо нихъ толпу. Иранскаго происхожденія, эти татжики—потомки тѣхъ миролюбивыхъ выходцевъ изъ Персіи, которые искони водворились въ краѣ, внося въ него культурную жизнь. Говорятъ они по-персидски. Надо, впрочемъ, замѣтить, что таджиковъ здѣсь сплошь да рядомъ смѣшиваютъ съ сартами. Отъ здѣшнихъ русскихъ жителей мнѣ не приходилось даже слышать слово: таджикъ. Они всѣхъ безъ различія называютъ или сартами, или бухарцами. Первое названіе, сколько я могъ замѣтить, придается обыкновенно простолюдинамъ, а послѣднее — остальнымъ уроженцамъ Бухары вообще. Но ни то, ни другое изъ этихъ именъ не относится къ какой-либо особой расѣ: оно не составляетъ этнографическаго термина. Прислуга въ русскихъ домахъ часто состоитъ изъ такъ называемыхъ сартовъ.

Чуждые воинственныхъ побужденій, робкіе таджики въ теченіе вѣковъ то и дѣло были порабощаемы проникавшими въ край завоевателями. Но, благодаря умственному превосходству и промышленнымъ способностямъ, таджики во всѣ времена являлись главными представителями здѣшняго осѣдлаго культурнаго населенія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по базару цѣлыми сплошными рядами тянутся лавки евреевъ, которыхъ всегда легко узнать не только по физіономіи, но также по обычнымъ пейсикамъ, выглядывающимъ изъ-подъ четырехъугольныхъ шапочекъ, а, сверхъ того, и по тому еще, что, по предписанію здѣшней администраціи, темнаго цвѣта халаты ихъ подпоясываются не иначе, какъ бичевкой. Евреи примиряются со всѣми подобными унизительными условіями ради успѣховъ торговли, въ которой они соперничаютъ съ таджиками. За то въ дѣлѣ ростовщичества они должны уступить пальму первенства индусамъ, которыхъ можно признать по красноватымъ трехъугольнымъ отмѣтинамъ на лбу. Поджавъ ноги, эти мѣняла смиренно сидятъ на болѣе возвышенной отъ земли площадкѣ, гдѣ передъ ними грудами разложена крупная и мелкая монета. Къ первой относится серебряная тянга, составляющая по курсу нашихъ 25 копѣекъ, а ко второй — такъ называемыя пуги, каковыхъ выдается мѣнялами 60 за одну тянгу. Сверхъ того, имѣется золотая монета: тилла=21 тянгѣ.

Переплетающимися въ разныхъ неуловимыхъ направленіяхъ ходами дошли мы, наконецъ, почти до середины базара и одною изъ четырехъ арокъ вступили въ обширную ротонду подъ сводообразною крышей. Тутъ торговля шелковыми, шерстяными и бумажными издѣліями, какъ туземными,

такъ и привозными, производится уже на прилавкахъ, устроенныхъ при шкапахъ съ полками. Я не могъ не обратить вниманія на то, что здѣшніе торговцы не зазываютъ, подобно нашимъ рядскимъ купчикамъ, публику въ свои лавки. Сверхъ того, покупая здѣсь нѣкоторыя вещи, я на дѣлѣ могъ убѣдиться, что таджики вообще не слишкомъ запрашиваютъ и мало уступаютъ съ заявленной ими сначала цѣны за товаръ. Когда же неподатливый покупатель отходитъ отъ ихъ лавки къ другой, то они и не покушаются отзывать его назадъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно наши бойкіе прикащики Ножевой линіи. Вообще здѣсь торгъ и переторжка производятся очень спокойно какъ со стороны продавца, такъ и покупателя.

Въ рядахъ, гдѣ торгуютъ мѣдными издѣліями, вродѣ узкогорлыхъ кувшиновъ, узорчатыхъ тазовъ и т. п., къ гулу толпы присоединяется еще стукъ молота по наковальнѣ и трескотня по отдѣлкѣ металлической посуды. Лавки здѣшнихъ ремесленниковъ служатъ для нихъ также мастерскими, гдѣ на виду у всѣхъ производятся всякаго рода издѣлія: въ сапожномъ ряду точаютъ сапоги, тамъ строгаютъ доски для сундуковъ или токари вытачиваютъ изъ дерева ножки для кроватей, а въ одномъ мѣстѣ я замѣтилъ сидѣвшаго на прилавкѣ сарта, занятаго сборомъ лежавшихъ передъ нимъ черепковъ фарфоровой посуды. Для того, чтобы получше видѣть его мастерство, я купилъ въ ряду фарфоровую чашку и, разбивъ ее тутъ же, передалъ черепки мастеру. Онъ тотчасъ же приставилъ ихъ, какъ слѣдуетъ, другъ къ другу, просверлилъ небольшимъ сверломъ по обѣ стороны трещины неглубокія впадины и, забивъ туда молоточкомъ мѣдные плоскіе штифтики, такъ искусно и плотно связалъ между собою осколки, что налитая въ чашку вода не просачивалась въ трещину.

Въ другомъ ряду по обѣ стороны расположились въ болѣе обширныхъ помѣщеніяхъ чайныя. Собравшіяся тутъ компаніи бухарцевъ, сидя на коврахъ, распивали любимый напитокъ, подливая кипятокъ изъ стоявшаго при нихъ большаго тульскаго самовара. Затѣмъ пошелъ рядъ хлѣбопековъ, приготовлявшихъ тутъ же свои обычные чураки и лепешки. Въ томъ же ряду мастера кулинарнаго искусства выставляли на прилавки горячія снѣди изъ баранины и риса. Тутъ мой проводникъ остановился передъ прилавкомъ, на которомъ стояли котлообразная посудина съ молокомъ и большія чашки съ яблоками и кусками льду. Хозяинъ большою ложкой зачерпнулъ молока и, наполнивъ имъ чашки, подалъ намъ. Напитокъ оказался не только прохладнымъ, но весьма пріятнаго, нѣсколько кисловатаго вкуса. Стоитъ такая чашка, вмѣщающая въ себѣ стакана два молока, всего одну пулю, что составляетъ около одной трети нашей копѣйки.

По дорогѣ мы заходили также въ здѣшніе каравансараи, служащіе складами для товаровъ. Довольно просторный дворъ такого обширнаго кирпичнаго двухъ-яруснаго зданія окруженъ на второмъ этажѣ со всѣхъ сторонъ галлереей, гдѣ находятся конторы торговыхъ фирмъ. Поднявшись туда по каменной лѣстницѣ, мы посѣтили, между прочимъ, контору Кудрина, гдѣ застали русскихъ прикащиковъ, занятыхъ приготовленіемъ накладныхъ для отправки хлопка въ Россію.

Возвращаясь съ этой продолжительной прогулки, мы по пути встрѣтили верхомъ на ишакѣ, одѣтаго въ суконный кафтанъ, всадника. «Кто это?»—спросилъ я съ удивленіемъ моего сарта.—«Это здѣшній солдатъ,—сказалъ проводникъ.—Онъ, какъ видно, ѣдетъ теперь къ крѣпостнымъ воротамъ, на смѣну караула». Здѣшніе пѣхотинцы, какъ оказывается, всячески избѣгаютъ ходить пѣшкомъ и предпочитаютъ ѣздить хоть на осликахъ къ мѣсту службы. Туземные жители вообще неохотники до пѣшаго хожденія, и у кого нѣтъ своего коня, тотъ пользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы примоститься на лошадь къ своему пріятелю.

Для того, чтобы не возвращаться опять къ Бухарѣ и избѣжать повтореній, разскажу здѣсь же о нашей аудіенціи у эмира, хотя она совершилась гораздо позже. Когда открылось движеніе по желѣзной дорогѣ до Самарканда, то помощникъ завѣдующаго постройкой ея, князь Хилковъ, счелъ долгомъ представиться бухарскому владѣтелю. Ѣхать для этого одному значило бы не соблюдать требованія восточнаго этикета; поэтому князя сопровождали двое изъ служащихъ при управленіи, къ которымъ присоединился и я въ качествѣ любознательнаго путешественника. Къ посольскому двору, гдѣ собрались мы, подали старомодную коляску, вывезенную, какъ надо полагать, очень давно изъ Россіи. Однако, на козлахъ экипажа никто не возсѣдалъ для управленія четверкой, запряженной цугомъ въ обыкновенную русскую сбрую. Взамѣнъ кучера на каждой изъ четырехъ лошадей сидѣло по чалмоносному бухарцу. Въ такомъ видѣ, въ сопровожденіи, сверхъ того, конвоя, состоявшаго изъ козаковъ и еще нѣсколькихъ бухарцевъ верхами, мы выѣхали изъ города по дорогѣ къ лѣтнему дворцу, гдѣ въ то время находился эмиръ. Не доѣзжая около версты до его резиденціи, мы, какъ бы въ знакъ уваженія къ особѣ державца, покинули экипажъ и пересѣли на стоявшихъ здѣсь осѣдланныхъ лошадей. У воротъ дворца насъ встрѣтили два церемоніймейстера въ парчевыхъ халатахъ, вооруженные каждый позолоченнымъ жезломъ. Мы слѣзли съ лошадей и послѣдовали за ними къ обширной террассѣ, гдѣ ожидалъ насъ эмиръ Саидъ-Ахадъ-ханъ. Смуглолицый, съ темно-русою бородой, онъ сидѣлъ въ атласномъ полосатомъ халатѣ на креслѣ, передъ которымъ для насъ были поставлены въ рядъ четыре стула. По приглашенію эмира, мы сѣли. У его кресла сталъ вошедшій съ нами переводчикъ. Князь сказалъ, что онъ счелъ долгомъ явиться, съ тѣмъ, чтобы предложить свои услуги, на случай эмиру угодно будетъ совершить поѣздку по ново-открытой дорогѣ. Потомъ онъ представилъ насъ поочередно державцу, и послѣ размѣна обычныхъ любезностей съ той и другой стороны, мы, откланявшись, вышли въ сопровожденіи переводчика въ другое отдѣленіе дворца. Тамъ приготовили для насъ достарханъ. Длинный столъ весь уставленъ былъ всякаго рода яствами и лакомствами, и даже возлѣ на полу грудой лежали ящики съ конфектами и нѣсколько головъ сахару. Закусывая и прихлебывая чай, мы бесѣдовали съ переводчикомъ. Удивляясь тому, что онъ въ такомъ совершенствѣ владѣетъ русскимъ языкомъ, я спросилъ, гдѣ онъ обучался. Въ

отвѣтъ я узналъ, что въ Ташкентѣ находится хорошая школа, подготовляющая переводчиковъ изъ туземцевъ. Затѣмъ, услышавъ, что я недавно совершилъ путешествіе вокругъ свѣта, онъ разсказалъ: «У насъ былъ мулла, который 30 лѣтъ обучался, 30 лѣтъ училъ другихъ и 30 лѣтъ путешествовалъ. Возвратившись на родину, мулла заявилъ: «Если бы я зналъ впередъ, какъ полезны и поучительны путешествія для человѣка, то я пропутешествовалъ бы весь свой вѣкъ». Послѣ этого лестнаго отзыва въ восточномъ вкусѣ по поводу путешествій, появились присланные отъ эмира съ подарками. Всѣмъ намъ поднесли по большому узлу, съ шестью халатами разныхъ видовъ и достоинствъ. Затѣмъ насъ пригласили на балконъ, и къ нему для каждаго изъ насъ подвели по лошади, покрытой узорчатымъ валтрапомъ и съ уздечкою, украшенною бирюзой. Отблагодаривъ за подарки, мы сѣли на коней и прежнимъ порядкомъ пустились въ обратный путь.

Какъ черезъ-чуръ обильный достарханъ, такъ и подарки служатъ знакомъ особеннаго благоволенія эмира къ русскимъ пришельцамъ вообще. Надо надѣяться, впрочемъ, что подобные остатки стародавняго обычая отмѣнятся современемъ такъ же, какъ, между прочимъ, отмѣнился существовавшій прежде обычай являться передъ эмиромъ не иначе, какъ накинувъ на плечи дарованный имъ халатъ, оттого что считалось непристойнымъ представляться бухарскому державцу въ иномъ костюмѣ. Подобную реформу въ придворномъ этикетѣ не трудно будетъ провести при томъ сильномъ вліяніи, какимъ пользуются представители русской власти при здѣшнемъ дворѣ.

Въ настоящее время Бухара состоитъ, какъ уже извѣстно, въ вассальномъ отношеніи къ Россіи. Притомъ, русскія владѣнія охватили это ханство со всѣхъ сторонъ такъ, что бухарцы навсегда лишены возможности безнаказанно возставать противъ русской власти. Мало того, всякое враждебное покушеніе со стороны эмира и его подданныхъ можетъ повести къ окончательной гибели его столицы. И дѣйствительно, бухарскій оазисъ одолженъ своимъ плодородіемъ главнѣйше водамъ того Зерафшана, верховья котораго находятся въ русскихъ владѣніяхъ, орошая тамъ, между прочимъ, долину подъ Самаркандомъ. Если Бухара покусится на враждебныя дѣйствія противъ Россіи, то наша мѣстная администрація, завѣдующая ирригаціей въ долинѣ Зерафшана, можетъ отвести воду въ каналахъ, такъ что оазисъ лишится надлежащаго орошенія и столица его предоставлена будетъ на произволъ напирающихъ на нее песковъ. Туземцы очень хорошо сознаютъ эту постоянную грозящую имъ опасность. Такимъ образомъ, Россія господствуетъ надъ ханствомъ, не только опираясь на договоръ и свое оружіе, но также вслѣдствіе болѣе могучихъ стихійныхъ силъ, которыми она распоряжается, обладая верхнимъ теченіемъ Зерафшана. Она, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ прочно закрѣпила за собою владѣнія въ областяхъ Средней Азіи, такъ часто подвергавшихся до послѣдняго времени крайне пагубнымъ для всей страны переворотамъ.

Эд. Циммерманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Т9
1

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1889.

По закаспійской желѣзной дорогѣ *).

VI.

Самаркандъ.

Подвижныя казармы желѣзно-дорожнаго батальона. — Фальшивая тревога. — Укладка. — Городъ Катта-курганъ. — Торжественный поѣздъ и открытіе желѣзной дороги. — Русскій Самаркандъ. — Иллюминація и представленія на ригистанѣ. — Празднества и скачки. — Гуръ Эмиръ и учитель Тимура. — Русская цитадель и кокташъ. — Базаръ. — Восхожденіе на минаретъ. — Биби-ханымъ и Шахи-Зинда. — Чапанъ-Ата. — Долина Зерафшана. — Плантація и Тамерлановъ мостъ. — Календарь-хане и дворецъ Ходжа-Абдула. — Арыкъ Даргамъ и система ирригаціи.

Начиная отъ станціи Бухара, рельсы, на протяженіи около ста тридцати верстъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, все еще пролегаютъ по бухарскимъ владѣніямъ; а тамъ, за ихъ рубежомъ, начинается русскій Туркестанскій край, и въ верстахъ тридцати отъ границы желѣзная дорога подходитъ уже къ русскому городу, къ Катта-кургану. Въ первый разъ мнѣ пришлось проѣхать туда съ поѣздомъ, съ которымъ генералъ Анненковъ возвращался изъ Чарджуя на работы по укладкѣ. Въ то время рельсы проложены были всего верстъ на пять далѣе Катта-кургана, такъ что до Самарканда оставалось еще верстъ около семидесяти. Благодаря этому обстоятельству, мнѣ тогда же удалось застать на станціи подвижныя казармы желѣзно-дорожнаго батальона со всею ихъ обычною обстановкой. Зрѣлище было въ высшей степени оживленное и своеобразное.

У самой станціи вытянулся длинный рядъ вагоновъ рабочаго поѣзда. Изъ нихъ тѣ, что были назначены для офицеровъ, солдатъ и наемныхъ персовъ, состояли изъ двухъ ярусовъ. Въ остальныхъ обыкновенныхъ товарныхъ вагонахъ помѣщались кухни, желѣзно-дорожный матеріалъ, вся провизія, лазаретъ съ аптекою, телеграфъ, слесарная, а въ одномъ вагонѣ маркитантъ открылъ цѣлый магазинъ, продавая сигары и папиросы, вино, пиво и сельтерскую воду, разнаго рода консервы, вообще всякіе предметы, въ которыхъ, находясь въ походѣ, нуждались и высшіе, и низшіе чины отряда.

*) *Русская Мысль*, кн. V.

Снарядившись такимъ порядкомъ, только и возможно было проникать въ эти пустынные края, гдѣ зачастую на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ кругомъ не встрѣтишь ни кола, ни двора. Постоянно присутствуя на работахъ, генералъ Анненковъ во все время, пока производилась укладка, также помѣщался въ своемъ двухъэтажномъ вагонѣ, гдѣ при немъ находились канцелярія и необходимая прислуга. Такъ, подаваясь все впередъ въ этихъ подвижныхъ квартирахъ, строители и соучастники ихъ вездѣ, куда бы ни проникали по мѣрѣ укладки рельсовъ, можно сказать, находились у себя дома, а если и были лишены нѣкотораго комфорта, за то имъ не приходилось отыскивать себѣ убѣжища вдали отъ мѣста производимыхъ работъ.

Прибавимъ еще, что тутъ же, у полотна желѣзной дороги, расположился цѣлый таборъ туземныхъ торговцевъ съѣстными припасами. На лугу возлѣ ихъ палатокъ кипѣли большіе самовары, около которыхъ собрался рабочій людъ, попивая чай на досугѣ. Можно судить по этому, какая живая картина представилась намъ, когда мы подъ вечеръ подъѣхали къ станціи Катта-курганъ.

Вдругъ поднялась тревога. Покинувъ вагонъ, генералъ Анненковъ сѣлъ на коня. Офицеры и джигиты понеслись за нимъ къ открытому впереди полю. Солдаты повыскакали съ ружьями изъ своихъ двухъярусныхъ жилищъ. Добѣжавъ до мѣста, рота мигомъ выстроилась, готовая по командѣ осыпать врага пулями изъ берданокъ. Что такое? Ужь не туркмены ли покусились напасть на поѣздъ? Ничего не бывало: тревога оказалась фальшивою, и, промаршировавъ по полю, солдаты спокойно воротились въ свои вагоны. Хотя до сихъ поръ туземцы ни разу еще не нападали на поѣзда, но на всякій случай подобная боевая предосторожность была здѣсь вполнѣ умѣстна.

Все, наконецъ, успокоилось. Наступила темная ночь. Вокругъ станціи здѣсь и тамъ запылали костры, а въ домахъ не очень далеко отстоящаго отсюда города кое-гдѣ засверкали дрожащіе огоньки. Расположившись въ пустомъ товарномъ вагонѣ, я, съ чувствомъ полной безопасности отъ всякихъ нечаянныхъ аламановъ, улегся на сартовской кровати.

На утро, съ восходомъ солнца, часть казарменнаго поѣзда съ надлежащимъ составомъ желѣзно-дорожной команды и рабочихъ двинулась по наканунѣ лишь устроенному пути впередъ. Подвигаемый сзади паровозомъ, поѣздъ, отъѣхавъ верстъ пять, остановился у того мѣста, гдѣ вчера уложена была крайняя пара рельсовъ. Солдаты и рабочіе по командѣ офицеровъ немедленно распредѣлились по извѣстнымъ имъ мѣстамъ. А, между тѣмъ, на телѣгахъ съ заднихъ платформъ стали подвозить шпалы къ готовому уже полотну, на которое онѣ тотчасъ же укладывались рабочими. Въ то же время рельсы перекатывались впередъ по каткамъ, вращавшимся на стержняхъ, придѣланныхъ сбоку къ переднимъ платформамъ. Тутъ они сгружались по особо устроеннымъ спускамъ на вагонетки и подавались на нѣсколько саженей впередъ. Затѣмъ одни солдаты клали ихъ на шпалы, дру-

тіе — тутъ же прикрѣпляли, такъ что въ нѣсколько минутъ передъ нами пролегалъ уже на значительное протяженіе вновь устроенный путь. Все пригоровлено такъ, чтобы нигдѣ не было застоя въ работѣ: каждый вовремя поспѣвалъ къ своему дѣлу; несмотря на большое число работавшихъ, никто никого не задерживалъ, никому не мѣшалъ; дѣло спорилось словно на хорошо организованномъ машинномъ заводѣ.

Такимъ порядкомъ, подвигаясь всѣмъ поѣздомъ по свѣже-проложеннымъ рельсамъ впередъ, къ двѣнадцатому часу успѣли пройти почти три версты. Каждый день укладывалось отъ четырехъ до пяти верстъ пути. Къ полудню работы пріостановились, и поѣздъ покатилъ назадъ къ станціи. Размѣстившись на одной изъ опорожненныхъ платформъ, солдаты затянули веселую пѣсню, а вслѣдъ за ними на другой платформѣ персы также огласили воздухъ громкимъ пѣніемъ.

Послѣ обѣда движется другая партія рабочихъ съ матеріаломъ для продолженія укладки. Когда путь пройдетъ еще далѣе впередъ, то весь казарменный поѣздъ перекочуетъ на новое мѣсто стоянки, пока, наконецъ, не дойдетъ до своей конечной цѣли, до Самарканда.

По возвращеніи къ станціи, я отправился въ городъ. Присоединенный къ русскимъ владѣніямъ въ одно время съ Самаркандомъ, въ 1868 году, Катта-курганъ важенъ какъ средоточіе весьма плодоносной области, орошаемой водами Зерафшана. Здѣсь, между прочимъ, воздѣлывается много табаку. Новый русскій городокъ снабженъ правильными улицами и прекрасными садами. Къ нему примыкаетъ старый туземный городъ съ обычнымъ базаромъ. На краю послѣдняго на холмѣ стоитъ крѣпость туземной постройки, занятая теперь русскимъ гарнизономъ.

Проѣхавъ, такимъ образомъ, до крайней станціи, докуда доходила тогда закаспійская дорога, я на этотъ разъ вернулся обратно въ Чарджуй, гдѣ и остался въ ожиданіи открытія движенія до самаго Самарканда. Это и совершилось 15 мая 1888 года.

Если о возможности міровыхъ событій судить по ихъ плодотворнымъ послѣдствіямъ, по той пользѣ, какую они приносятъ народамъ, то за послѣднее время едва ли можно указать на фактъ, заслуживающій бо̀льшаго вниманія, нежели проложеніе желѣзной дороги отъ береговъ Каспія въ глубь Средней Азіи. Недаромъ поэтому на торжество ея открытія наѣхало такъ много гостей не только изъ Москвы и Петербурга, а также изъ-за границы. Большая часть ихъ прибыла въ Чарджуй уже 13 мая, а 14 два поѣзда, одинъ вскорѣ послѣ другаго, двинулись по направленію къ древней столицѣ Тамерлана. Эти торжественные поѣзда представляли, однако, крайне оригинальный видъ, подобный которому едва ли гдѣ придется видѣть на другихъ желѣзныхъ дорогахъ. Дѣло въ томъ, что самый рельсовый путь былъ, правда, готовъ, но подвижной составъ его состоялъ пока изъ однѣхъ платформъ и нѣсколькихъ товарныхъ вагоновъ. А потому для наѣхавшихъ гостей были на̀скоро изготовлены легкіе досчатые домики, которые и помѣщались на платформы. Окрашенные въ голубенькій цвѣтъ, съ окнами, об-

рамленными бѣлыми узорами, съ балконами во всю длину платформы, эти домики съ виду нисколько не походили на вагоны, а скорѣе напоминали собою дачныя виллы. Каждый изъ нихъ, предназначаемый для одной семьи или для компаніи знакомыхъ между собою спутниковъ, былъ разгороженъ на двѣ половины; въ нихъ стояло по одному столу, а вдоль стѣнъ тянулись простыя скамьи. Этимъ временнымъ постройкамъ суждено даже при эксплуатаціи замѣнять собою вагоны; а когда послѣдніе будутъ изготовлены, то тѣ же домики предназначены служить жилищами для рабочихъ при желѣзной дорогѣ.

Расположившись по назначеннымъ для нихъ подвижнымъ квартирамъ совершенно по-домашнему, пассажиры запаслись въ дорогу не только провизіей, но даже самоварами. Встрѣтивъ на пути такой поѣздъ, состоящій изъ длиннаго ряда поставленныхъ на платформы дачныхъ построекъ, съ развѣвающимися надъ ними флагами, съ стоящими по балконамъ и весело бесѣдующими между собою пассажирами, иной, пожалуй, могъ бы подумать, что какіе-нибудь дачные жители, пользуясь рельсовымъ путемъ, затѣяли перекочевать съ своими виллами и со всѣмъ скарбомъ на новыя мѣста.

Поѣздъ не торопясь подвигался впередъ, подолгу останавливаясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ. На первой же станціи по другую сторону рѣки, въ Фарабѣ, насъ задержали бухарцы, пригласивъ гостей на достарханъ. Подъ раскинутымъ зеленаго цвѣта шатромъ длинный столъ покрытъ былъ всякаго рода яствами, а прислуга тутъ же разносила чай въ стаканахъ. Отказаться отъ угощенія—значило бы обидѣть бухарцевъ. Покинувъ Фарабъ и миновавъ Каракуль, мы прибыли затѣмъ на станцію Бухара, гдѣ опять провели много времени за обѣдомъ въ буфетѣ. Когда же по пути поѣзду случалось останавливаться, то пассажиры переходили изъ одного домика въ другой, отдавая визиты своимъ знакомымъ. У однихъ кипитъ самоваръ и распиваютъ чай, у другихъ угощаютъ закусками. Такъ, не стѣсняясь никакими строго предписанными сроками, поѣздъ шелъ понемногу впередъ и на закатѣ дня лишь подкатилъ къ Катта-кургану. На ночь пассажиры расположились кто какъ могъ на покой, а рано утромъ вдали показались горы, съ трехъ сторонъ подступающія къ Самарканду. И такъ, мы прибыли, наконецъ, къ цѣли нашей поѣздки по закаспійской желѣзной дорогѣ, проѣхавъ начиная отъ Узунъ-Ада слишкомъ тысячу триста верстъ.

На торжество изъ Ташкента прибылъ туркестанскій генералъ-губернаторъ Розенбахъ въ сопровожденіи своей свиты и другихъ особъ. Изъ Бухары пріѣхало посольство отъ эмира. Передъ станціей выстроились отряды желѣзно-дорожнаго батальона и мѣстной команды. Обширная площадь была занята не только прибывшими гостями—жителями города, но также наѣхавшими съ разныхъ концовъ бухарцами, щеголявшими на богато убранныхъ коняхъ своихъ пестрыми халатами и чалмами, такъ что они словно цвѣтнымъ бордюромъ окаймляли столпившуюся темную массу европейскаго люда.

Послѣ молебствія и обычныхъ церемоній вся масса народа хлынула въ городъ, до котораго отъ станціи считается около четырехъ верстъ. По про-

ложенному туда шоссе образовалось настоящее гульбище: посреди дороги, обгоняя другъ друга, неслись экипажи; по обѣимъ ихъ сторонамъ гарцовали чалмоносные всадники, оставляя для пѣшеходовъ аллеи въ тѣни возвышавшихся между канавами серебристыхъ тополей. По дорогѣ близъ станціи возникаютъ уже новые ряды лавокъ, созидаются складочные магазины и другія крупныя постройки. Миновавъ цѣлый рядъ казарменныхъ одноэтажныхъ домовъ и зданіе городской тюрьмы, оставивъ въ сторонѣ обширный садъ, живописно раскинутый по скату, спустившемуся къ разлившейся внизу въ видѣ озера широкой заводи, мы въѣзжаемъ, наконецъ, въ русскій городъ.

Продолжая ѣхать въ немъ все прямо по Катта-курганской улицѣ, мы очутились на обширной, такъ называемой Эспланадной площади. Вдоль нея вытянулась пограничная черта русскаго города: отъ этой черты къ противуположнымъ окраинамъ его улицы расходятся въ видѣ радіусовъ; ихъ пересѣкаютъ, слегка изгибаясь дугами, широкіе проспекты, такъ что планъ всего города представляетъ подобіе развернутаго громаднаго вѣера. Отличительное превосходство русскаго Самарканда заключается въ обиліи свѣжей воды, съ большимъ искусствомъ проведенной изъ Зерафшана по всѣмъ частямъ города. По обѣ стороны всѣхъ улицъ и проспектовъ протянуты по двѣ канавы съ каждой стороны. По этимъ арыкамъ студеная влага постоянно плещетъ шумнымъ потокомъ, образуя по скатамъ даже настоящіе каскады. Благодаря такому обильному орошенію, городъ подъ сѣнью пышной растительности наслаждается въ лѣтнюю пору чуть ли не тропическимъ, но пріятнымъ, благодатнымъ климатомъ. Между арыками разрослись высокіе серебристые тополи, такъ что, гуляя по улицамъ, вы во всякое время дня пользуетесь спасительною тѣнью и теплымъ воздухомъ, освѣжаемымъ быстро текущими по канавамъ прохладными струями. А обширные, прекрасно раскинутые среди города сады: городской, губернаторскій, ботаническій—въ свою очередь еще болѣе способствуютъ освѣженію воздуха, такъ что горожане живутъ здѣсь словно на роскошной дачѣ. Но главную, едва ли не единственную въ своемъ родѣ красу города составляетъ Абрамовскій бульваръ. На протяженіи болѣе одной версты по широкому бульвару тянутся восемь рядовъ деревьевъ различныхъ породъ. По средней аллеѣ съ обѣихъ сторонъ разсажены, чередуясь другъ съ другомъ, бѣлая акація и карагачъ, родъ вяза. Въ какое время вы ни проходили бы по этой аллеѣ, въ ней всегда застанете густую тѣнь: солнечные лучи даже въ полдень едва пробиваются сквозь густую листву, разсыпаясь кое-гдѣ по дорогѣ свѣтящимися точками.

Кто, впрочемъ, предпочитаетъ городскую жизнь среди громадныхъ каменныхъ зданій съ ея оживленною толпой на улицахъ, съ ея вѣчною трескотней и сумятицей, тотъ, конечно, какъ на дачѣ, точно также и въ Самаркандѣ будетъ скучать при видѣ этихъ просторныхъ, но малолюдныхъ проспектовъ, на которыхъ большею частью одноэтажные скромной архитектуры дома, утопая въ зелени, пропадаютъ почти изъ вида.

Вечеромъ въ день открытія желѣзной дороги собравшееся въ городъ общество устремилось на здѣшній регистанъ. Пройдя до конца по Абрамовскому бульвару и оставивъ влѣвѣ упомянутую выше обширную эспланаду, мы спустились по слегка покатой широкой улицѣ къ мосту, перекинутому черезъ рѣчку, которая и служитъ собственно живымъ урочищемъ, отдѣляющимъ русскій городъ отъ туземнаго. Поднявшись за мостомъ на другой берегъ, мы прошли между расположенными по обѣ стороны улицы торговыми лавками туземцевъ, а немного далѣе затѣмъ вступили на вымощенную плитнякомъ площадь, окруженную съ трехъ сторонъ величественными зданіями медрессе съ ихъ полуосыпавшеюся разноцвѣтною глазурью на фронтонахъ, съ высокими, частью обвалившимися минаретами по сторонамъ. Вотъ на этомъ регистанѣ въ тотъ вечеръ и собралась масса народа со всѣхъ концовъ какъ русскаго, такъ и туземнаго города. Площадь была иллюминована плошками и шкаликами, размѣщенными по большимъ, окружающимъ ее зданіямъ. При этомъ мерцающемъ свѣтѣ, къ которому присоединялись еще бенгальскіе огни, освѣщавшіе изъ глубины дворовъ огромные порталы медрессе, скрадывались облупившіяся части ихъ орнаментовъ, и регистанъ съ толпившеюся по немъ разноплеменною публикой невольно напомнилъ мнѣ площадь св. Марка въ Венеціи, когда при мѣсячномъ сіяніи собирается тамъ населеніе города, съ тѣмъ, чтобы насладиться музыкой и прохладою ночи.

Посреди регистана отведено было мѣсто, назначенное служить сценою для разныхъ представленій въ туземномъ вкусѣ. Впереди всѣхъ на сценѣ фокусникъ вертѣлъ на концѣ желѣзнаго прута оловяную тарелку, подкидывая ее высоко вверхъ и искусно подхватывая опять на остріе своего прута. Тутъ же съ полдюжины батчей совершали свою однообразную пляску подъ звуки тамбуриновъ. А, между тѣмъ, по сценѣ прыгали съ дюжину мальчиковъ въ сѣрыхъ мѣшкахъ, накинутыхъ на тѣло такъ, что однѣ только ноги оставались свободными; судя по большимъ бѣлымъ стоячимъ наушникамъ, они, надо полагать, изображали собою дикихъ ишаковъ. Въ то же время, съ другаго конца сцены появился старый охотникъ и началъ палить по ишакамъ изъ большаго самопала. При каждомъ глухо раздававшемся холостомъ выстрѣлѣ одинъ изъ мальчиковъ падалъ навзничь, а охотникъ тотчасъ же подхватывалъ его на плечо и уносилъ свою добычу. Эти импровизированныя представленія, повторяясь въ теченіе вечера все въ томъ же родѣ, повидимому, очень забавляли туземцевъ, толпившихся не только на площади, но забравшихся даже на верхнія площадки окружающихъ зданій.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни празднества совершались болѣе въ европейскомъ вкусѣ, вродѣ большаго обѣда у губернатора, бала на станціи желѣзной дороги, за то скачки, назначенныя на обширномъ гладкомъ полѣ за городомъ, гдѣ были раскинуты палатки для судей и гостей, представляли знатокамъ коневодства удобный случай ознакомиться съ достоинствами туземныхъ лошадей. Онѣ, точно также какъ извѣстные у насъ кровные скакуны, происходятъ, какъ увѣряютъ, отъ арабской породы. Статные кони

съ тонкими ногами, съ красивою головкой и лоснящеюся шерстью составляютъ предметъ любви и славы туркмена, на который онъ расточаетъ всѣ свои заботы въ ущербъ даже своей родной семьѣ. Недаромъ англичане считаютъ туземную конницу лучшею иррегулярною кавалеріей на свѣтѣ. На назначенный отъ управленія желѣзной дороги призъ въ 300 рублей для туземной скачки явилось 30 жеребцовъ разныхъ возрастовъ, начиная съ пятилѣтняго. Кони проскакали предписанную имъ дистанцію 12 верстъ въ 20 минутъ съ небольшимъ. Прибывшій первый къ цѣли шагомъ отъѣхалъ отъ палатки судей къ другому концу круга. Когда же его позвали для полученія приза, то, повернувъ лошадь, онъ въ карьеръ подскакалъ къ палаткѣ,— словно эти кони не знаютъ ни устали, ни иного аллюра, какъ либо ходкимъ шагомъ, либо полнымъ галопомъ. Эта скачка интересовала насъ тѣмъ болѣе, что она состоялась безъ всякихъ искусственныхъ подготовокъ, какими подолгу томятъ и себя, и лошадей своихъ англійскіе жокеи. Здѣсь, напротивъ, туземцы явились, такъ сказать, на обиходныхъ своихъ коняхъ, на которыхъ тѣ же всадники отмахиваютъ не кормя стоверстные переѣзды по песчанымъ пустынямъ. За туземною скачкой послѣдовали еще двѣ: офицерская и простая козацкая.

Празднества кончились; послѣ трехдневнаго пребыванія въ Самаркандѣ гости разъѣхались, и въ городѣ настали покой и тишина, господствующіе въ немъ въ обыкновенное время: улицы обезлюдѣли, и горожане стали жаловаться на томящую ихъ скуку среди наступившаго застоя городской жизни. Однако, кто, покинувъ развлекающія удовольствія цивилизованныхъ городовъ, пріѣхалъ сюда съ цѣлью ознакомиться съ туземною жизнью, тотъ можетъ воочію убѣдиться, что она здѣсь бьетъ такимъ же живымъ ключомъ, какъ и въ любой европейской столицѣ, но только не въ русскомъ, а именно въ самомъ туземномъ городѣ. Стоитъ только утромъ по Абрамовскому бульвару выйти на ту улицу, что, какъ мы уже видѣли, ведетъ къ ригистану. Извощичьи экипажи, которыми пользуются не только русскіе обыватели, но также туземцы, высоколесныя арбы съ кладью, всадники какъ на лошадяхъ, такъ и на лошакахъ, и, — что болѣе всего удивило насъ,—между ними даже евреи на коняхъ, подпоясанные уже не веревочкой, а щегольскимъ кушакомъ, тогда какъ въ Бухарѣ имъ до сихъ поръ настрого заказано ѣздить верхомъ,—а по сторонамъ всадниковъ смѣсь разноплеменныхъ пѣшеходовъ,—все это являетъ весьма оживленную картину здѣшняго изо дня въ день возобновляющагося жизне-быта.

Тотчасъ по выходѣ изъ бульвара ваше вниманіе привлекаетъ къ себѣ стоящая вправѣ мечеть, увѣнчанная облупившимся куполомъ. Это Гуръ-Эмиръ, гдѣ похороненъ Тамерланъ. Направившись туда по прямой улицѣ и вступивъ съ южной стороны подъ большимъ порталомъ на вымощенный плитнякомъ дворъ, мы увидѣли передъ собою разукрашенный глазурью фронтонъ мечети. Главный, всегда открытый проходъ ведетъ прямо къ высокому помѣщенію, находящемуся подъ сводомъ купола. Тутъ посреди невысокой четырехсторонней рѣшетчатой ограды стоятъ семь каменныхъ гроб-

ницъ. Во главѣ ихъ близъ пьедестала, на которомъ помѣщена миніатюрная модель мечети, находится гробница учителя, какъ гласитъ преданіе, а вслѣдъ за нею, по серединѣ, расположенъ темнозеленый нефритъ съ замѣтною поперечною трещиной. Это — памятникъ самого Тимура. Остальные камни, поставленные надъ могилами его родственниковъ, всѣ изъ бѣлаго мрамора. Кругомъ, по стѣнамъ этого помѣщенія замѣтны еще остатки панели изъ яшмы, а также барельефные узоры, а на сводахъ—сталактитоподобныя украшенія, — вездѣ слѣды чрезвычайнаго искусства персидскихъ строителей. Въ настоящее время, однако, все вмѣстѣ представляетъ лишь жалкіе остатки бывшаго великолѣпія. Влѣво отъ входныхъ дверей въ углу видна четырехъугольная выемка въ полу. Спустившись въ нее по каменной лѣстницѣ, мы очутились въ темномъ склепѣ подъ сводами; сопровождавшій насъ сторожъ зажегъ стоящія тутъ свѣчи. Находясь какъ разъ подъ верхнимъ мавзолеемъ, мы увидѣли тутъ тоже семь камней, расположенныхъ въ томъ же порядкѣ, какъ и гробницы наверху.

Гуръ-Эмиръ произвелъ на насъ впечатлѣніе, какое въ свое время мы испытали, посѣтивъ другой величественный мавзолей на берегахъ Сены, воздвигнутый въ честь такого же побѣдоноснаго героя, какъ и Тимуръ. Въ судьбѣ этихъ двухъ боевыхъ геніевъ встрѣчаемъ много сходнаго. Начать хоть съ того, что какъ Наполеонъ, такъ и Тамерланъ не были царскаго происхожденія, и какъ тотъ, такъ и другой захватили престолъ насиліемъ. Говорятъ, будто Наполеонъ въ тактикѣ подражалъ Тимуру. Предоставляемъ знатокамъ военнаго искусства судить объ этомъ; для насъ же несомнѣнно только то, что оба завоевателя безпощадно относились къ благу и жизни людей, принося ихъ въ жертву своей неутолимой страсти къ войнѣ. Недаромъ эти геніи-истребители считаются бичами народовъ. Отецъ Тимура владѣлъ участкомъ земли близъ города Кеша къ югу отъ Самарканда. Сынъ, по увѣренію его современниковъ, съ раннихъ лѣтъ уже занимался грабежомъ: набравъ товарищей, Тимуръ, обладавшій чрезвычайною силой, пускался съ ними по сосѣднимъ кишлакамъ, уводилъ то барана, то корову, а потомъ, изжаривъ добычу, пировалъ съ своими товарищами. Съ годами хищные набѣги принимали болѣе широкіе размѣры. По словамъ лѣтописца, Тимуръ двѣнадцати лѣтъ уже ходилъ съ отцомъ на войну. Послѣ многихъ неудачъ этотъ искатель приключеній, пользуясь смутами въ областяхъ Средней Азіи, успѣлъ, наконецъ, съ своею шайкой головорѣзовъ захватить власть въ Самаркандѣ, откуда прежде еще бѣжалъ тамошній правитель. Однако, не будучи прямымъ потомкомъ Чингисъ-хана, Тимуръ не сразу принялъ титулъ хана, напоминая и въ этомъ отношеніи Наполеона, исподволь присвоившаго себѣ императорскій вѣнецъ. По происканъ Тимура, народъ въ Самаркандѣ выбралъ въ ханы одного изъ настоящихъ потомковъ Чингиса, личность, впрочемъ, ничтожную, не имѣвшую никакого значенія въ дѣлахъ правленія. Прикрываясь именемъ этого назначеннаго имъ хана, Тимуръ самовластно управлялъ страною, предавшись всецѣло своей страсти къ войнѣ. Хищные набѣги, практикуемые имъ съ малолѣтства, развились

теперь въ стройную систему пагубнаго милитаризма. Готовясь къ нашествію, Тимуръ говорилъ: «Я повѣю на враговъ вѣтромъ разрушенія!» И дѣйствительно, проносясь подобно урагану по краю, онъ, обезлюдѣвъ его, усыпалъ грудами развалинъ. Изъ жителей разрушенныхъ имъ городовъ онъ щадилъ только художниковъ и искусныхъ ремесленниковъ, уводя ихъ въ Самаркандъ, съ тѣмъ, чтобы украсить городъ лучшими произведеніями зодчества. Но, обративъ весь край въ громадное кладбище, Тимуръ также и излюбленную столицу свою наполнилъ мавзолеями съ великолѣпными гробницами, какъ будто въ головѣ его не было мѣста для иныхъ помысловъ помимо разрушенія и смерти. Задолго до своей кончины онъ воздвигъ Гуръ-Эмиръ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, для избраннаго имъ подставнаго хана и для себя. Другіе же утверждаютъ, напротивъ, что онъ выстроилъ этотъ мавзолей для своего учителя. И вотъ, указывая на гробницу, помѣщенную во главѣ темнозеленаго камня, здѣшній мулла увѣряетъ посѣтителей, что Тимуръ высоко чтилъ ученыхъ мужей и, благодаря своему учителю, самъ обладалъ широкимъ научнымъ образованіемъ. Однако, болѣе достовѣрные лѣтописцы прямо говорятъ, что въ теченіе своей исполненной боевыхъ тревогъ жизни онъ едва успѣлъ научиться чтенію и письму; что же касается Корана, составляющаго главный предметъ мусульманской учености, то Тимуръ не могъ даже читать его въ подлинникѣ, такъ какъ вовсе не зналъ арабскаго языка. Въ виду такихъ свидѣтельствъ, загадочный учитель составляетъ для насъ въ нѣкоторомъ родѣ предметъ недоумѣнія, такъ что невольно приходишь къ заключенію, что съ этимъ названіемъ не всегда связано понятіе объ учености и наукѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратиться къ такъ называемому завѣщанію, извѣстному подъ названіемъ «Политическія и военныя постановленія Тамерлана», писанныя секретарями его. Изъ этого документа, между прочимъ, узнаемъ, что Тимуръ назначилъ 313 человѣкъ изъ высшихъ сословій *учителями* для устройства его арміи, а самымъ опытнымъ изъ нихъ поручались значительные отряды. Понятно, что завоеватель, поставивъ главною цѣлью своей жизни войну, высоко чтилъ подобныхъ наставниковъ войска, и наше недоумѣніе разрѣшится само собою, если предположить, что именно такого рода учитель боеваго ремесла покоится рядомъ съ Тимуромъ. Предоставимъ, впрочемъ, болѣе компетентнымъ спеціалистамъ выяснить этотъ вопросъ и прибавимъ только еще, что Тамерланъ скончался во время предпринятаго имъ похода на Китай, въ Отрарѣ, недалеко отъ г. Туркестана, на семидесятомъ году его жизни. По сказаніямъ лѣтописей, тѣло усопшаго на другой день обернули бѣлымъ полотномъ, зашили въ кожу и, навьючивъ на лошадь, повезли въ Самаркандъ, гдѣ оно и было погребено въ заранѣе выстроенномъ Гуръ-Эмирѣ.

Близъ этого зданія находится еще нѣсколько значительныхъ куполообразныхъ построекъ, служащихъ мавзолеями для разныхъ важныхъ особъ. Минуя ихъ, вернемся опять къ аллеѣ, что ведетъ къ ригистану, и, пересѣкши ее, пройдемъ по обширной эспланадѣ къ воротамъ русской цитадели,

постройка которой была окончена лѣтъ шесть тому назадъ. Между одноэтажными казармами, разсыпанными по обширной площади внутри крѣпости, обращаетъ на себя вниманіе бѣлая высокая постройка съ желѣзными воротами. Это помѣщеніе, служившее прежде пріемною палатой Тимура, обращено теперь въ складъ военныхъ снарядовъ. Въ задней части галлереи до сихъ поръ стоитъ сѣроватый мраморный камень, такъ называемый кокташъ. Вступая на престолъ, бухарскіе эмиры обязаны возсѣдать на этомъ камнѣ, иначе они не признаются настоящими державцами. Такъ какъ нынѣ царствующій эмиръ короновался въ то время, когда Самаркандъ находился уже во власти русскихъ, то для соблюденія искони предписанной церемоніи сюда, какъ разсказываютъ, былъ присланъ коверъ, который и разостлали на кокташѣ, а потомъ опять отвезли въ Бухару, гдѣ эмиръ и короновался, возсѣвъ на освященный такимъ порядкомъ коверъ.

Пройдя по площади цитадели къ противуположной сторонѣ, мы очутимся на вершинѣ ската, господствующаго надъ туземнымъ городомъ. Онъ тутъ весь на виду. Но что за унылый видъ! За исключеніемъ зданій, окружающихъ ригистанъ, и еще дальней развалившейся мечети, взору представляются пепельно-сѣрыя плоскія крыши глинобитныхъ жилищъ, между которыми изрѣдка выглядываетъ зеленая верхушка тутоваго дерева. А туземцы, гордясь, называютъ свой Самаркандъ «сіяющею точкой земнаго шара», тогда какъ сверху онъ показался намъ скорѣе тусклымъ пятномъ.

По тому же крутому скату отъ крѣпости можно спуститься къ рѣчкѣ и, перейдя ее по мосту, попасть на базаръ, окружающій ригистанъ со всѣхъ сторонъ. Здѣшній базаръ менѣе бухарскаго и отличается отъ него, во-первыхъ, тѣмъ, что болѣе просторныя улицы его вовсе не покрываются навѣсами изъ циновокъ, а, во-вторыхъ, еще тѣмъ, что здѣсь, какъ надо полагать, подъ русскимъ вліяніемъ, у торговцевъ завелось уже много возвышенныхъ прилавковъ, такъ какъ продавцамъ не приходится уже, какъ въ Бухарѣ, сидѣть на землѣ. Къ особенностямъ Самарканда можно причислить, сверхъ того, сартовскихъ мальчишекъ, шныряющихъ около ригистана и высматривающихъ любопытныхъ иноземцевъ, съ тѣмъ, чтобы предложить имъ свои услуги въ качествѣ вожаковъ. Я, впрочемъ, не нуждался здѣсь въ провожатомъ, такъ какъ, благодаря бо́льшему простору, въ Самаркандѣ было легче оріентироваться, чѣмъ въ Бухарѣ. Когда же одинъ изъ мальчугановъ неотступно сталъ приставать ко мнѣ, то я потребовалъ, чтобъ онъ повелъ меня на одинъ изъ уцѣлѣвшихъ высокихъ минаретовъ при ригистанѣ. Нисколько не затрудняясь, шустрый мальчикъ тотчасъ же повелъ меня на дворъ одного изъ здѣшнихъ медрессе. Тутъ мы стали подниматься по довольно крутой лѣстницѣ и скоро вышли на плоскую крышу зданія. Осмотрѣвшись кругомъ, я не видалъ никакой возможности подняться выше. Однако, мой юный вожакъ словно кошка вскарабкался по выступамъ обвалившихся въ стѣнѣ кирпичей, потомъ протянулъ мнѣ сверху руку и помогъ также взобраться къ нему на другую площадку. Къ ней, какъ оказалось, примыкалъ самый минаретъ. Мы стали осторожно всходить по полураз-

валившейся лѣстницѣ, извивающейся внутри башни, и выбрались, наконецъ, на самый верхъ. Передъ нами открылся видъ на утопающій въ зелени русскій городъ, на окрестности, покрытыя фруктовыми садами и хлѣбными полями, на дальнія гряды горъ, растянутыя съ сѣверной стороны. Какъ ни увлекателенъ былъ видъ сверху, но, признаюсь, я закаялся въ другой разъ взлѣзать туда по этимъ обрушившимся стѣнамъ и ветхимъ лѣстницамъ.

Среди базара стоитъ восьмиугольное зданіе на подобіе ротонды, увѣнчанное куполомъ и съ открытыми порталами въ четыре стороны. Внутри по стѣнамъ развѣшаны пестрыя тюбетейки или ермолки самаркандскаго издѣлія. Отсюда пролегаютъ главныя торговыя улицы, изъ которыхъ въ базарные дни болѣе всего оживлена та, что направляется къ сѣверо-востоку по большой дорогѣ въ Ташкентъ. Проходя по ней, мы минуемъ развалины громадныхъ построекъ. Это—мечети Биби-ханымъ, названная такъ по имени одной изъ женъ Тимура, гробница которой помѣщена на холмѣ по другую сторону дороги. Эти когда-то величественныя зданія до того уже обрушились, что теперь даже въ воображеніи трудно себѣ представить, каковы они были въ первобытномъ ихъ видѣ. Посреди нихъ на открытой площади стоитъ большой мраморный двойной пюпитръ, на которомъ встарь раскладывался Коранъ чуть ли не въ квадратную сажень величиною.

Близъ развалинъ по той же Ташкентской дорогѣ расположены хлѣбные склады, какъ по всему видно, новѣйшей постройки. Оставивъ влѣвѣ большую дорогу, спустимся внизъ по слегка покатому пути, пролегающему между небольшими возвышенностями съ обѣихъ сторонъ. Вскорѣ мы увидимъ передъ собою нѣсколько куполовъ, вѣнчающихъ зданіе Шахи-Зинда, сооруженное по лѣвому крутому скату горы. Главный корпусъ мечети стоитъ на возвышеніи. Къ нему ведетъ высоко уходящая вверхъ лѣстница изъ жженаго кирпича. Поднявшись по ступенямъ, мы то и дѣло останавливаемся, поражаемые изяществомъ хотя и не вполнѣ сохранившихся орнаментовъ, какими украшены мавзолеи то по одну, то по другую сторону. Въ одной изъ этихъ боковыхъ часовень похоронена кормилица Тимура, въ другихъ мавзолеяхъ покоятся братья, а тамъ, далѣе, сестры его. Вступивъ, наконецъ, на верхнюю площадку, входимъ въ самую мечеть. Въ одномъ отдѣленіи ея въ полумракѣ едва можно разобрать большую рѣшетчатую дверь отличной отдѣлки. За этою всегда замкнутою дверью стоитъ гробница святаго, въ память котораго сооружено зданіе Шахи-Зинда. Въ слѣдующемъ затѣмъ помѣщеніи видѣнъ разложенный на двойномъ пюпитрѣ большой Коранъ футовъ шести въ длину и четырехъ въ ширину. Рядомъ съ нимъ на крошечномъ пюпитрѣ, какъ бы для контраста, лежитъ другой Коранъ, чуть ли не въ два вершка величиною.

Спустившись по лѣстницѣ внизъ, мы по другой сторонѣ улицы, прямо противъ великолѣпнаго фронтона Шахи-Зинда, поднялись по каменнымъ ступенямъ на площадку, гдѣ вокругъ обширнаго водоема разрослись темнолиственные карагачи, въ тѣни которыхъ прохлаждалось нѣсколько человѣкъ сартовъ. Здѣсь, подъ яснымъ небомъ, среди свѣжей зелени, хорошо

было отдохнуть послѣ обзора этихъ пышныхъ, но сильно уже обветшавшихъ усыпальницъ Тимуридовъ.

Если отъ развалинъ Биби-ханымъ подняться по большой ташкентской дорогѣ, то на возвышенной площади представятся намъ небольшіе, но лучше другихъ сохранившіеся мавзолеи, а за ними по всей обширной холмистой мѣстности справа и слѣва разсыпаны гробницы разныхъ видовъ и величинъ. Это, однако, не простое кладбище: тутъ стоялъ древній городъ, построенный легендарнымъ царемъ Афросіабомъ, какъ увѣряютъ, современникомъ Моисея. Тамъ, далѣе, до сихъ поръ еще высятся остатки стѣнъ и крѣпостныхъ валовъ. Въ разныхъ мѣстахъ видны слѣды недавно производившихся тутъ раскопокъ. Около ямъ валяются черепки съ глазурью, остатки древнихъ утварей. Однако, изслѣдованія этой мѣстности еще далеко не закончены, и для археологовъ предстоитъ здѣсь обширное, мало початое поле. Пролегая мимо этого пустыннаго городища, дорога спускается къ хорошо устроенному мосту, перекинутому черезъ широкій арыкъ. Поднявшись на другую сторону его и миновавъ затѣмъ небольшое селеніе, мы вскорѣ увидимъ на вершинѣ горы мечеть Чапанъ-Ата, верстахъ въ десяти отъ города. Вправо отъ большой дороги по полю пролегаетъ едва замѣтная тропка, по которой легко взобраться до самаго верха. Не очень большая мечеть, судя по свѣже-выложенной кирпичной стѣнѣ, поддерживается въ настоящемъ, хотя сильно уже облупившемся ея видѣ. Внутри зданія стоитъ простой саркофагъ самого Чапанъ-Ата, т.-е. охранителя чабановъ, какъ называются у насъ въ Новороссіи пастухи овечьихъ атаръ. На каменной гробницѣ лежатъ бараньи рога, а кругомъ мечети на выступахъ цоколя валяется множество камешковъ, перевязанныхъ разноцвѣтными ленточками,—какъ видно, приношенія благочестивыхъ чабановъ, приходившихъ на поклоненіе своему покровителю.

Съ этого наивысшаго мѣста въ окрестностяхъ Самарканда открывается чудный видъ на далеко раскинувшуюся долину Зерафшана, протекающаго какъ разъ у подножія Чапанъ-Ата. Рѣка быстрымъ потокомъ стремится къ западу, раздѣлившись тутъ на два рукава. Между ихъ синими водами выступаетъ островъ Міанкаль съ его густою темною зеленью богатыхъ садовъ и виноградниковъ, а за лѣсами и кишлаками, разсыпанными по противуположному берегу, поднимаются отроги Туркестанскихъ горъ. Надъ этою неоглядною картиной, освѣщенною яркими лучами дня, при мнѣ пронесся въ вышинѣ бѣлогрудый аистъ: служа вѣрнымъ залогомъ полнаго умиротворенія цвѣтущаго края, онъ какъ бы приглашалъ людей селиться въ немъ для мирныхъ культурныхъ занятій.

Зерафшанъ, что въ переводѣ значитъ «золотоносная», хотя и содержитъ въ себѣ весьма мало золота, за то создалъ своими водами одну изъ самыхъ плодоносныхъ областей. Вступивъ въ предѣлы Бухарскаго ханства на западѣ, рѣка образуетъ тамъ колѣно и, своротивъ къ югу, стремится мимо столицы по направленію къ Аму-Дарьѣ. Но, подобно тому, какъ знакомые уже намъ Теджень, Мургабъ и другія рѣки, такъ точно и Зераф-

шанъ, потративши свои воды по арыкамъ, не достигаетъ большой рѣки и вскорѣ послѣ города Каракуля изсякаетъ, пропадая въ пескахъ.

Спустившись съ вершины Чапанъ-Ата по противуположному сѣверному склону горы, я въ недальнемъ разстояніи отъ мечети увидѣлъ обширную плантацію, раскинутую по скатамъ надъ рѣкою. Этотъ разсадникъ, разведенный директоромъ батаническаго сада въ Самаркандѣ, состоитъ изъ породъ, способныхъ расти въ мѣстахъ, лишенныхъ искусственнаго орошенія, преимущественно изъ бѣлой акаціи и айланта, дерева вродѣ китайской ясени. Разсадникъ существуетъ третій годъ, и деревца принялись такъ хорошо, что обѣщаютъ разрости здѣсь густымъ лѣсомъ. Директоръ насадилъ еще въ другихъ мѣстахъ подобныя плантаціи въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, доказавъ, такимъ образомъ, возможность разводить лѣса даже въ мѣстахъ, не орошаемыхъ водою изъ арыковъ.

Немного далѣе отсюда вверхъ по рѣкѣ у самаго берега высятся надъ водою двѣ страннаго вида темнобурыя кирпичныя арки. У мѣстныхъ жителей эти остатки древняго сооруженія слывутъ подъ именемъ Тамерланова моста. Оказывается, однако, что какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ Тамерланъ здѣсь не причемъ. И дѣйствительно, настоящее названіе этой постройки—Шадманъ-Маликъ. Многіе полагаютъ, будто эти подъ угломъ другъ къ другу поставленныя арки служили въ старыя времена для ирригаціонныхъ цѣлей, съ тѣмъ, чтобы распредѣлить воды рѣки на два теченія. Но трудно, безъ натяжки, объяснить себѣ, какимъ образомъ такія арки могли способствовать развѣтвленію рѣки. Болѣе достовѣрными оказываются свѣдѣнія, сообщаемыя, между прочимъ, Вс. Крестовскимъ, авторомъ интересной книги: *Въ гостяхъ у эмира бухарскаго*. Эти двѣ арки—остатки древняго моста, который былъ перекинутъ черезъ всю рѣку. Онѣ были расположены подъ прямыми углами другъ къ другу, какъ надо полагать, съ тою цѣлью, чтобы могли лучше противустоять напору быстрыхъ водъ. Несмотря на то, изъ шестнадцати существовавшихъ прежде арокъ устояли только двѣ ближайшія къ берегу, благодаря, какъ кажется, тому, что одна изъ нихъ утверждена на каменной глыбѣ, торчащей со дна рѣки.

Возвращаясь съ этого похода въ городъ, я, по дорогѣ, въ селеніи заслышалъ звуки тамбурина. Въ обширной чайной сидѣла компанія сартовъ, распивая чай, а на площадкѣ передъ ними плясалъ одѣтый въ краснаго цвѣта женское платье молоденькій батча. Какъ видно, не только городскіе жители, но и сельчане также забавляются этимъ балетнымъ зрѣлищемъ.

На другой день мнѣ пришлось наводить справки у сартовъ на ригистанѣ о томъ, гдѣ находится мечетъ Календарь-хане, о которой мнѣ сообщены были неопредѣленныя свѣдѣнія. Тутъ подвернулся какой-то шатунъ, вродѣ цыгана, и предложилъ свои услуги въ качествѣ гида. Пройдя съ нимъ по кривымъ улицамъ по направленію къ юго-востоку, мы скоро вышли за городскую черту и верстахъ въ пяти отъ ригистана вступили на обширный дворъ, со всѣхъ сторонъ огороженный глинобитною стѣной.

Тутъ стоитъ довольно скромная мечеть, всзлѣ нея находятся два большихъ саркофага, а все остальное пространство двора занято возвышенными земляными площадками съ простыми навѣсами надъ ними. Все мѣсто отѣняется, сверхъ того, старыми тутовыми деревьями. Въ былыя времена сюда собирались календари, странствующіе богомолы, самые ярые фанатики изъ всѣхъ существующихъ въ краѣ монашескихъ нищенствующихъ братствъ. Покровитель ихъ похороненъ именно подъ однимъ изъ тѣхъ саркофаговъ. Возвращаясь изъ дальнихъ странствій, эти пилигримы останавливались здѣсь для отдыха, размѣщаясь подъ навѣсами на площадкахъ. Въ русскихъ владѣніяхъ этимъ фанатикамъ заказано шататься по дорогамъ, а потому въ настоящее время календари почти вовсе не заглядываютъ въ свое прежнее убѣжище, и оно большею частью пустуетъ.

Мой цыганъ, какъ оказалось, былъ хорошо знакомъ съ окрестностями и по выходѣ изъ Календарь-хане предложилъ мнѣ пойти еще далѣе, обѣщая показать какой-то старый дворецъ. Пройдя съ нимъ версты съ полторы между огороженными садами, я увидѣлъ близъ дороги развалины большой мечети, остатки купола на которой были покрыты серебристыми блестками. Около этого кирпичнаго, болѣе чѣмъ на половину обсыпавшагося зданія поселилось семейство сарта, разведя тутъ же довольно большой фруктовый садъ съ огородомъ. На мои разспросы сарты увѣряли, что мечеть называется Биби-ханымъ. Когда же я возразилъ, что Биби-ханымъ находится въ самомъ Самаркандѣ, то они объясняли, будто сначала мечеть этого имени была сооружена на здѣшнемъ мѣстѣ, но зданіе не понравилось Тимуру, и тогда выстроили другое въ самомъ городѣ. Болѣе точныхъ свѣдѣній я не могъ добиться. Однако, тутъ же рядомъ съ развалинами раскинулся обширный пустырь, по которому разсыпано множество гробницъ. Вся мѣстность, напоминающая собою въ нѣкоторомъ родѣ Афросіабъ, была, повидимому, населена когда-то гораздо гуще, чѣмъ въ настоящее время. А находящійся въ недальнемъ сосѣдствѣ дворецъ, къ которому повелъ меня цыганъ, еще болѣе, какъ мнѣ казалось, подтверждаетъ такое предположеніе. Къ этому такъ называемому дворцу Ходжа - Абдула мы, свернувъ съ дороги влѣво, прошли по вымощенной плитнякомъ галлереѣ. Поднявшись по нѣсколькимъ ступенямъ на площадку, я увидѣлъ передъ собою довольно хорошо сохранившуюся мечеть, а противъ нея такое же высокое кирпичное зданіе, служившее жилищемъ для благочестиваго ходжи. На одномъ изъ оконъ мечети мое вниманіе было привлечено разноцвѣтными лоскутками, привязанными къ рѣшеткѣ наружу. На наши разспросы здѣшній сторожъ объяснилъ, что сарты, а чаще всего сартянки, приходятъ сюда съ мольбою къ святому, причемъ даютъ обѣтъ, если ихъ желаніе исполнится, учинить какую-нибудь жертву въ угоду святому. Въ память даннаго обѣта они привязываютъ лоскутокъ къ оконной рѣшеткѣ и снимаютъ его только тогда, когда обѣщанная жертва была принесена. Судя по накопившимся тутъ во множествѣ лоскуткамъ, надо полагать, что либо святой не успѣлъ еще удовлетворить вожделѣннымъ же-

ланіямъ молельщиковъ, либо послѣдніе предали забвенію данный обѣтъ. За мечетью также раскинуто древнее кладбище, свидѣтельствующее о населенности мѣста въ прежнія времена.

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія объ этихъ разсыпанныхъ еще въ другихъ мѣстахъ окрестъ Самарканда остаткахъ древнихъ сооруженій, однако, они настойчиво заявляютъ намъ о томъ широкомъ культурномъ бытѣ, какой господствовалъ здѣсь въ глубокой древности. За послѣдніе вѣка разрушенія въ краѣ производились въ громадныхъ размѣрахъ, тогда какъ немногое, что созидалось, въ сравненіи съ постройками, оставленными по себѣ древнѣйшими жителями страны, пропадаетъ какъ капля въ морѣ. Это еще болѣе поразитъ насъ, когда обратимъ вниманіе на древнія сооруженія, которыя не могли разрушить даже монголы, а именно—на громадные арыки, искони служащіе для орошенія обширныхъ областей. За послѣднія столѣтія, сколько намъ извѣстно, не было совершено никакихъ значительныхъ построекъ этого рода. Мало того, потомки древнихъ строителей арыковъ какъ будто утратили даже умѣнье своихъ предковъ проводить подобные каналы. И въ самомъ дѣлѣ, завѣдующій ирригаціоннымъ дѣломъ въ долинѣ Зерафшана, полковникъ З. Э. Жижемскій, сообщилъ мнѣ по этому поводу, что русская администрація не нашла между туземцами знатоковъ дѣла по орошенію земель, такъ что она была вынуждена поставить во главѣ управленія ирригаціей русскихъ техниковъ.

З. Э. Жижемскій пригласилъ меня поѣхать съ нимъ къ одному изъ главныхъ арыковъ близъ города по прозванію «Даргамъ», что въ переводѣ значитъ «всегда безпокойный». Покинувъ городъ, мы покатили по дорогѣ между глинобитными оградами сартовскихъ садовъ и верстъ за пять выбрались на открытную мѣстность. Передъ нами тянулся громадный валъ. Онъ также представляетъ остатки древнихъ сооруженій, окружающіе развалины построекъ, раскинутыхъ по обширной мѣстности. Переѣхавъ черезъ валъ, мы приблизились къ ущелью и, покинувъ экипажъ, подошли къ окраинѣ его. Внизу въ тѣснинѣ между крутыми скатами клокоталъ широкій потокъ, на самомъ дѣлѣ очень безпокойный. Съ шумомъ извиваясь по ущелью, онъ какъ будто самъ собою пробилъ себѣ путь между крутизнами, и никакъ нельзя подумать, чтобы это былъ каналъ, прорытый человѣческими руками. Вода, протекая по искусственному арыку и размывая берега, успѣла въ теченіе времени выработать себѣ настоящее русло. Потокъ стремится по немъ на протяженіи семидесяти верстъ до сліянія вновь съ водами Зерафшана, выпуская по пути сто двадцать водоотводныхъ арыковъ и орошая, такимъ образомъ, огромное пространство плодоносныхъ земель. Надъ уровнемъ воды торчатъ два маленькихъ острова. На одномъ изъ нихъ, ближайшемъ къ берегу, торчитъ шестъ регулятора, при посредствѣ котораго надсмотрщикъ управляетъ надлежащимъ распредѣленіемъ воды, смотря по стоянію ея уровня въ разныя времена года. Черезъ арыкъ перекинутъ хорошо выстроенный новый мостъ, такъ какъ здѣсь пролегаетъ большая дорога.

Подобнаго рода ярыками, выходящими по обѣ стороны рѣки, орошается вся культурная долина Зерафшана. Въ составъ ея входятъ 126 оазисовъ, и каждый изъ нихъ пользуется отдѣльною арригаціонною системой, получающей свое начало изъ рѣки. Замѣтимъ еще, что по этимъ оазисамъ и само насесеніе долины разбивается на отдѣльныя общественныя группы, и каждая изъ нихъ образуетъ нѣчто вродѣ общины, но только не въ отношеніи землевладѣнія, а именно по части пользованія проточными водами.

На возвратномъ пути въ городъ мы по дорогѣ остановились въ селеніи и зашли на дворъ довольно хорошо сохранившейся медрессе Ходжа-Ахрара, на средства котораго и былъ прокопанъ арыкъ Даргамъ. Среди двора передъ зданіемъ стоятъ старые высокіе чинары, а позади мечети находятся высокія каменныя гробницы съ мраморными, вертикально-торчащими на нихъ плитами, на которыхъ высѣчены крупныя надписи. Одна изъ гробницъ стоитъ надъ прахомъ самого Хаджи-Ахрара.

Туземные жители до такой степени неумѣло обращались съ водопроводами, что въ первые годы по присоединеніи Зерафшанской области къ Россіи сельскіе хозяева сильно страдали отъ засухи вслѣдствіе недостаточнаго орошенія. Невѣжественный народъ приписывалъ такія бѣдствія волѣ Аллаха и въ своемъ суевѣріи прибѣгалъ для спасенія своихъ полей, между прочимъ, къ такимъ средствамъ: для того, чтобы сохранить обрушившуюся плотину, строители укладывали подъ нее живьемъ одного изъ стариковъ-земледѣльцевъ изъ партіи рабочихъ. И такіе пріемы, какъ увѣряетъ З. Э. Жижемскій въ своей запискѣ объ ирригаціонномъ дѣлѣ, повторялись всюду, гдѣ строители находили это нужнымъ. Въ такомъ-то безвыходномъ состояніи ирригаціонное дѣло находилось до тѣхъ поръ, пока въ 1872 г. оно не перешло въ завѣдываніе русскаго техника. Съ этихъ поръ не только прекратились прежнія неизбѣжныя засухи, но и самая площадь орошаемой земли увеличилась: такъ, по отчетамъ значится, что въ 1872 г. количество орошаемой земли составляло около 120,000 десятинъ, а въ настоящее время ихъ состоитъ 250,000, т.-е. культурный районъ въ краѣ расширился болѣе чѣмъ вдвое противъ прежняго. Такіе результаты достигнуты цѣлесообразною передѣлкой водопріемниковъ, своевременною очисткой каналовъ, поправкою плотинъ, благодаря чему и оказалось возможнымъ установить правильное водоснабженіе полей. Расширеніе хлѣбопашества повлекло за собою, какъ и слѣдовало ожидать, сильный приплывъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приростъ населенія въ Зерафшанской области.

Въ виду такихъ плодотворныхъ результатовъ, достигнутыхъ теперь уже въ краѣ, присоединенномъ къ Россіи всего два десятилѣтія тому назадъ, въ насъ еще болѣе укрѣпляется увѣренность, что вполнѣ умиротворенная нынѣ страна Закаспійской области въ недальнемъ будущемъ точно также усугубитъ свои производительныя силы, расширивъ при посредствѣ усовершенствованной ирригаціи площади культурныхъ земель.

VII.

Поѣздка въ Ташкентъ.

Переправа въ бродъ.—Рисовыя поля и ихъ вліяніе на ирригацію.—Тамерлановы ворота.—Голодная степь.—Вѣтрякъ и колодцы въ степи.—Укрѣпленныя станціи.—Птицы.—Паромъ на Сыръ-Дарьѣ.—Русскій Ташкентъ и новый соборъ.—Могила генерала Кауфмана.—Домикъ генерала Черняева.— Обсерваторія. — Гренажная станція. — Хлопковое производство.—Туземный городъ и амбулаторная лечебница.—Скудная колонизація.—Заключеніе.

Въ день торжественнаго открытія закаспійской желѣзной дороги въ Самаркандѣ представители ташкентскаго городскаго общества прислали туркестанскому генералъ-губернатору Розенбаху привѣтственную телеграмму, въ которой, между прочимъ, выразили надежду, что новый рельсовый путь современемъ будетъ проложенъ также до города Ташкента, какъ до административнаго и торгово-промышленнаго центра русскаго Туркестана. Не знаемъ, скоро ли суждено осуществиться надеждѣ ташкентцевъ; во всякомъ случаѣ, однако, они теперь и безъ того уже съ большою выгодой пользуются новооткрытымъ рельсовымъ путемъ, такъ какъ ихъ городъ, отстоя отъ Самарканда менѣе чѣмъ на триста верстъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, связанъ съ послѣднимъ хорошо устроеннымъ почтовымъ трактомъ. Единственнымъ, впрочемъ, незначительнымъ препятствіемъ по этому тракту представляется развѣ водополье Зерафшана, который приходится переѣзжать въ бродъ. Мнѣ пришлось переправляться черезъ рѣку въ самый разгаръ ея разлива, въ половинѣ іюля мѣсяца. Я ѣхалъ тогда съ хорошо мнѣ знакомымъ подполковникомъ И. Т. Послaвскимъ, состоящимъ здѣсь на службѣ въ качествѣ военнаго инженера и радушно пригласившимъ меня погостить у него въ Ташкентѣ. Когда мы подкатили около полудня къ берегу, то застали у переправы цѣлую команду сартовъ, частью верхами, частью на высококолесныхъ арбахъ, нарочно приставленныхъ здѣсь почтовымъ начальствомъ для препровожденія проѣзжающихъ на другой берегъ. Сарты тотчасъ же перегрузили нашъ багажъ на болѣе высокую арбу, а на другую такую же пришлось взмоститься также и намъ. Впереди въ бродъ выѣхалъ верховой для указанія пути, за нимъ—порожній тарантасъ, влекомый тройкою, а потомъ двинулись и наши арбы, погружаясь по самую ступицу въ воду. Подъ нами сердито клокоталъ бурный потокъ, грозя увлечь и экипажи, и коней со всадниками въ глубь омута, зіявшаго то съ одной, то съ другой стороны. Но нашъ передовой вожакъ, пробираясь извивами по рѣкѣ, съ изумительною увѣренностью избиралъ путь, скрытый подъ водами, до того стремительными, что, глядя на нихъ, у насъ отъ непривычки кружилась голова. Благодаря такому искусству вожака, мы благополучно выбрались на правый берегъ, пересѣли въ свой тарантасъ и покатили по хорошо устроенному шоссе подъ тѣнью разросшихся по сторонамъ его высокихъ серебристыхъ тополей, тала и дикой маслины.

За деревьями виднѣлись залитыя водою площади рисовыхъ плантацій.

Благодаря цѣлесообразнымъ распоряженіямъ зазѣдующаго ирригаціей, знакомаго уже намъ З. Э. Жижемскаго, за послѣднее время подъ управленіемъ русскихъ властей, воздѣлка риса въ этомъ краѣ расширилась до значительныхъ размѣровъ. Однако, именно этому усиленному орошенію плантацій жители Бухары и ставятъ въ вину то, что въ ихъ оазисъ проникаетъ недостаточное количество воды изъ Зерафшана. Но З. Э. Жижемскій увѣряетъ, что такая жалоба бухарцевъ неосновательна. По его словамъ, вслѣдствіе образовавшагося одновременно съ расширеніемъ рисовыхъ плантацій запаса воды просачиваніемъ въ почву и обратнымъ проявленіемъ ея въ рѣкѣ, орошеніе этихъ полей скорѣе способствуетъ сохраненію влаги. Но вся бѣда въ томъ, что въ Бухарскомъ ханствѣ ирригаціонное дѣло поручено туземнымъ администраторамъ, небрежно слѣдящимъ за правильнымъ распредѣленіемъ воды; вслѣдствіе чего у нихъ не только кишлаки, но даже городъ Бухара постоянно окружены озерами и болотами съ гніющею заразительною влагой, этимъ главнымъ источникомъ зловредной ришты. Когда же Э. З. Жижемскій совѣтовалъ бухарцамъ устроить водоотводы, съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ пагубной заразы, то ему возражали обычными въ такихъ случаяхъ доводами закоснѣлыхъ невѣждъ, заявляя, что «въ древнія времена, когда существовали великіе учредители оазиса, не было этихъ водоотводовъ, а потому устройство ихъ будетъ нарушеніемъ обычаевъ предковъ». Этотъ доводъ оказывается невѣрнымъ, потому что водоотводные пути на самомъ дѣлѣ существовали прежде, но были запущены и засорились.

Вскорѣ послѣ первой же станціи большая дорога поднимается по довольно крутой отлогости на возвышенную, но голую мѣстность. Деревья по сторонамъ исчезли; вдали только струится рѣчка, по берегамъ которой зеленѣютъ пашни вокругъ разсыпанныхъ кишлаковъ, а за ними тянутся невысокія гряды горъ. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ болѣе онѣ сближаются съ обѣихъ сторонъ дороги; а послѣ трехъ перегоновъ, когда уже наступила ночь, мы поднялись къ Джизакскому ущелью или такъ называемымъ Тамерлановымъ воротамъ. Это—ничто иное, какъ тѣснина, ограниченная съ обѣихъ сторонъ отвѣсными скалами саженей въ пятьдесятъ вышины. По площадкѣ между каменными глыбами, отстоящими другъ отъ друга шаговъ на триста, извивается живой потокъ, по каменистому неглубокому дну котораго намъ то и дѣло приходилось переѣзжать. Кто не посѣщалъ альпійскихъ мѣстностей хотя бы въ Швейцаріи, тому послѣ переѣзда по здѣшнимъ равнинамъ и эти ограничивающія тѣснину горы могутъ показаться величественными. Но самое мѣсто замѣчательно тѣмъ, что по этому ущелью искони проходили завоеватели,—а вѣроятно также и Тамерланъ,—переваливая черезъ горы изъ долины Зерафшана въ долину Сыръ-Дарьи, и здѣсь не разъ происходили кровопролитныя побоища.

Пробравшись по ущелью и миновавъ ночью русское селеніе Джизакъ, гдѣ находится станція, мы на разсвѣтѣ выѣхали въ такъ называемую Голодную степь. Тройка, управляемая ямщикомъ - киргизомъ, бойко несется

по ровной, проторенной колесами, но пыльной дорогѣ. Кругомъ стелется неоглядная равнина, поросшая невысокою, сухою, пожелтѣвшею отъ зноя травою. Отъ станціи до станціи—ни кола, ни двора. Кое-гдѣ, далеко въ сторонѣ, виднѣются аулы полукочевыхъ киргизовъ съ пасущимися при нихъ верблюдами и овцами.

Въ такомъ тоску наводящемъ однообразіи пустыни пріятно было имѣть спутникомъ хорошо знакомаго съ краемъ собесѣдника. Пріѣхавъ въ Туркестанъ лѣтъ восемь тому назадъ, И. Т. Пославскій успѣлъ перебывать по дѣламъ службы во многихъ мало еще извѣстныхъ мѣстахъ и сообщилъ мнѣ интересныя свѣдѣнія, которыми я широко воспользовался въ этихъ моихъ очеркахъ. Тѣмъ не менѣе, я не могъ не упрекнуть его въ томъ, что, подобно другимъ нашимъ піонерамъ въ средней Азіи вообще, онъ не подѣлится своими наблюденіями съ русскою публикой, сообщая въ печати собранный имъ запасъ любопытныхъ свѣдѣній, не ограничиваясь при томъ, конечно, оффиціальными, доступными только для спеціалистовъ отчетами. Такія сообщенія были бы, безъ сомнѣнія, и полнѣе, и достовѣрнѣе всякихъ извѣстій, передаваемыхъ въ бѣглыхъ очеркахъ проѣзжающими по краю туристами, собирающими подчасъ на-перехватъ и на память мимолетныя явленія и потому неизбѣжно впадающими въ промахи и недомолвки.

По покрывающей степь, хотя и высохшей уже травѣ можно судить о томъ, какова она должна быть раннею весной, въ самый разгаръ цвѣтенія послѣ зимнихъ дождей. И дѣйствительно, тогда густая зелень равнины испещрена цвѣтами яркихъ колеровъ, вродѣ красныхъ тюльпановъ, фіолетовой анемоны и многихъ другихъ синихъ и желтыхъ цвѣтовъ. Эта растительность явно свидѣтельствуетъ о плодородіи здѣшнихъ земель, которымъ недостаетъ только влаги для того, чтобы проявить всѣ производительныя силы почти дѣвственной почвы. Голодную степь поэтому было бы, пожалуй, приличнѣе назвать жаждущею.

На первой же станціи смотритель заявилъ, что воду къ нимъ привозятъ изъ сартовскаго селенія Джизакъ, гдѣ нерѣдко встрѣчается ришта, а потому пить эту влагу можно не иначе, какъ прокипяченною. Не оставалось ничего болѣе, какъ потребовать самоваръ и утолить жажду чаемъ. Хорошо еще, если хозяева здѣсь держатъ дойную корову и можно пользоваться свѣжимъ молокомъ. Но это не всегда удается. Вообще здѣшнія каменныя, выбѣленныя станціи, устроенныя по образцу существующихъ въ Европейской Россіи по почтовымъ трактамъ, снабжаются весьма скудною провизіей, такъ что если путникъ не запасется въ дорогу съѣстными припасами, то ему на самомъ дѣлѣ придется голодать въ Голодной степи.

Вотъ вдали показался бѣлый вертящійся кружокъ: это крылья вѣтряка вродѣ тѣхъ, что у насъ въ городахъ вошли въ употребленіе для подъема въ верхніе ярусы домовъ воды изъ колодцевъ. По площадкѣ у станціи, къ которой мы скоро подкатили, извивается узенькая канавка съ водой, накачиваемой вѣтрякомъ. По краямъ канавки ростутъ тощія деревца, чѣмъ и ограничивается слабая попытка оросить жаждующую степь при

помощи подобныхъ сооруженій. Надо замѣтить вообще, что всякія средства, вродѣ такихъ вѣтряковъ или артезіанскихъ колодцевъ, къ какимъ иногда пытались прибѣгать здѣсь для орошенія, на дѣлѣ оказались до сихъ поръ несостоятельными, такъ что поневолѣ приходится развивать искони существующую здѣсь систему ирригаціи при посредствѣ арыковъ. Къ этому, хотя и дорого стоющему, но вѣрному способу орошенія Голодной степи дѣйствительно приступлено уже, сколько намъ извѣстно, года три тому назадъ. Изъ Сыръ-Дарьи выводятся два большихъ арыка, и по одному изъ нихъ успѣли даже водвориться русскіе поселенцы. Вѣдь, эта такъ не свойственно называемая Голодная степь, подобно другимъ заброшеннымъ пустынямъ въ Средней Азіи, до нашествія монголовъ была тоже орошаема изъ арыковъ, слѣды которыхъ сохранились до сихъ поръ. Проживавшее въ ней земледѣльческое населеніе производило значительное количество хлѣба и другихъ продуктовъ и, сверхъ того, содержало большія стада. Въ послѣднее время раскопками во многихъ мѣстахъ степи открыты старыя вещи, вродѣ глиняныхъ кувшиновъ и другой утвари, монетъ, разныхъ видовъ орудій, свидѣтельствующія о процвѣтавшей здѣсь во время господства аравитянъ высокой культуры. Недаромъ поэтому здѣшніе жители возлагаютъ большія надежды на эту нынѣ пустынную равнину, имѣя въ виду воспользоваться ея богатою лёсовою почвой для разведенія на ней обширныхъ хлопковыхъ плантацій. Если при посредствѣ проводимыхъ здѣсь каналовъ осуществятся эти надежды, то Голодная степь преобразится въ одинъ изъ плодороднѣйшихъ оазисовъ, и тогда она, навѣрное, пересѣчется столь горячо желаемыхъ ташкентцами рельсовымъ путемъ.

Теперь же степь не только лишена всякаго орошенія, но даже въ колодцахъ, вырытыхъ мѣстами, вода оказывается солонцеватою, непріятною на вкусъ. Несмотря на то, даже эта влага такъ дорого цѣнится туземцами, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ колодцами воздвигнуты громадныя кирпичныя сооруженія въ видѣ большаго стоящаго на землѣ купола. Пока киргизы смазывали колеса и перезакладывали нашъ тарантасъ, я успѣлъ пройти къ такому колодцу близъ станціи Мурза-рабатъ. Спустившись въ неглубокую ложбину, я вошелъ во внутрь подъ самый куполъ. Посреди обширной площадки, углубленной на подобіе пологой котловины, вырытъ глубокій колодецъ. Наружу близъ купола я засталъ караванъ киргизовъ съ верблюдами, расположившійся тутъ на отдыхъ.

Не далеко оттуда на пригоркѣ стоятъ остатки развалившагося караванъ-сарая, а сама станція, обведенная съ четырехъ сторонъ глинобитною стѣной съ круглыми башенками по угламъ, напоминаетъ собою небольшой фортъ. Такого же рода форты представляютъ и другія ближайшія станціи. Въ настоящее спокойное время эти укрѣпленія оказываются, повидимому, излишними, и башни при нихъ служатъ теперь сѣновалами и складами. Однако, лѣтъ пятнадцать тому назадъ тотъ же Мурза-рабатъ подвергся нападенію туркменъ, причемъ были перебиты станціонный смотритель и ямщики.

Послѣ полудня стали чаще показываться птицы, какія въ степи изрѣдка

лишь встрѣчались близъ станцій. По пыльной дорогѣ то и дѣло перебѣгали подорожники, хохлатые удоды перелетывали съ одного телеграфнаго столба на другой; а на проволоку садились, такъ называемые здѣсь за ихъ блестящее, изумруднаго цвѣта перо, попугайчики, принадлежащіе къ породѣ сизоворонокъ. Тогда какъ въ морѣ появленіе птицъ служитъ вѣрнымъ признакомъ недальняго материка, въ то же время, среди мертвой пустыни обрадуешься имъ какъ вѣстникамъ близкой воды. И точно, скоро въ сторонѣ показалось довольно большое курганчи, а за нимъ зеленѣли уже густые камыши по берегу Сыръ-Дарьи. Наша тройка быстро помчалась по слегка покатой отлогости и, подкативъ къ берегу, въѣхала на обширный, отлично устроенный парóмъ Самолетъ. Прицѣпленный къ канату, другой конецъ котораго прикрѣпленъ въ руслѣ далеко вверхъ по теченію рѣки, онъ приводится въ движеніе стремительнымъ потокомъ мутныхъ глинистыхъ водъ. Описавъ широкую дугу отъ одного берега къ другому, паромъ причалилъ къ пристани. Поднявшись по отлогому скату, мы вскорѣ затѣмъ подъѣхали къ станціи въ русскомъ поселкѣ Чиназъ. Послѣ безводной степи пріятно было освѣжиться тутъ и сочнымъ виноградомъ, и ароматичною дыней, какой не приходится вкушать на нашемъ холодномъ сѣверѣ. Русскій Чиназъ хотя и называется городомъ, но въ теченіе двадцати лѣтъ успѣлъ обстроиться лишь по одной улицѣ, да и то довольно неприглядными домиками, такъ что жители покинули всякія надежды на дальнѣйшее расширеніе своего селенія.

Миновавъ кишлакъ, носящій названіе «старый Ташкентъ», и затѣмъ еще одну станцію, мы въѣхали въ предмѣстье туркестанской столицы. По обѣ стороны выложеннаго здѣсь шоссе тянутся глинобитныя ограды. За ними среди тѣнистыхъ садовъ стоятъ красивыя дачныя виллы ташкентскихъ жителей, виднѣются фруктовыя деревья съ обильными плодами—яблоками, абрикосами, персиками. Наконецъ, показались городскія строенія и казармы. Мы покатили по главной улицѣ мимо гостинаго двора съ одной и церкви съ другой стороны; а потомъ, своротивъ вправо, остановились передъ жилищемъ И. Т. Пославскаго, гдѣ и мнѣ также былъ приготовленъ гостепріимный пріютъ.

Столица русскаго Туркестана раскинулась на просторѣ такими же правильными прямыми улицами, усаженными двумя рядами тополей, какъ и Самаркандъ. Къ сожалѣнію, однако, во многихъ мѣстахъ домовладѣльцы повырубили старыя деревья, не замѣнивъ ихъ свѣжими подсадками, вслѣдствіе чего нѣкоторыя улицы лишены отчасти спасительной густой тѣни. За то русскій Ташкентъ отличается болѣе обширными постройками и представляетъ уже видъ настоящаго губернскаго города. Лучшимъ украшеніемъ его служитъ, конечно, недавно лишь освященный новый храмъ во имя Преображенія Христова. Воздвигнутый въ византійскомъ вкусѣ, соборъ представляетъ не только грандіозное, но также изящное произведеніе зодчества. Высокое и свѣтлое среднее пространство храма производитъ величавое впечатлѣніе на посѣтителей. Сюда предназначено перенести прахъ генерала

Кауфмана, во время управленія котораго возникла впервые мысль о постройкѣ собора.

Могила покорителя Самарканда въ настоящее время находится среди обширнаго сада, куда ведетъ та же Соборная улица, на которой выстроенъ новый храмъ. Тамъ среди пышно раскинутаго парка, фронтомъ къ которому обращены красивыя зданія мужской и женской гимназій, подъ густою сѣнью деревьевъ стоитъ надъ бѣлою мраморною плитой большой черный крестъ, огороженный съ четырехъ сторонъ цѣпями, повисшими между чугунными тумбочками. Тутъ же лежатъ мѣдныя пушки и чугунныя ядра, а по четыремъ угламъ ростутъ темнолистные карагачи; внутри ограды зеленѣютъ кипарисы, цвѣтутъ олеандры, а позади креста стоитъ молодая, довольно тощая еще магнолія. При видѣ этого, хотя и не роскошнаго самого по себѣ, но окруженнаго такою растительностью памятника, право, не хотѣлось бы потревожить,—хотя бы даже для перенесенія въ великолѣпный соборъ,—прахъ покойника, такъ много потрудившагося для блага страны и оставившаго по себѣ не только славную, но и добрую память во всѣхъ соучастникахъ его плодотворнаго управленія.

Упомяну тутъ же, что на другомъ концѣ города, за соборомъ, близъ крѣпостнаго вала стоитъ также скромный памятникъ, а именно маленькій домикъ, напоминающій скорѣе выбѣленную лачугу, въ которомъ послѣ взятія Ташкента въ 1865 г. жилъ генералъ Черняевъ, положившій рѣшительными дѣйствіями своими благой починъ окончательному покоренію Туркестанской области.

Помимо обычныхъ въ такомъ городѣ административныхъ зданій, здѣсь находятся гостиный дворъ съ большимъ открытымъ русскимъ базаромъ при немъ, также общественная библіотека съ музеемъ, офицерскій клубъ, театръ и циркъ; но книжной торговли и тутъ, также какъ и въ другихъ городахъ нашей Средней Азіи, не оказалось. Въ Ташкентѣ, однако, ежедневно выходятъ *Туркестанскія Вѣдомости*, въ которыхъ, кромѣ телеграмъ, оффиціальныхъ и политическихъ извѣстій, сообщаются весьма интересныя свѣдѣнія обо всемъ краѣ вообще.

Здѣшнюю обсерваторію слѣдуетъ также причислить къ русскому городу, хотя она и находится верстахъ въ трехъ за чертою его. Пройдя туда по Чимкентскому шоссе и миновавъ тюремный замокъ, я своротилъ вправо между садами туземцевъ и вскорѣ увидѣлъ передъ собою открытыя ворота, за которыми по холмистой мѣстности раскинулся обширный паркъ. Занимая пространство свыше десяти десятинъ, онъ орошается водою изъ проведеннаго сюда арыка. Усыпанная пескомъ дорога ведетъ мимо жилаго дома къ слегка возвышенному холму, на которомъ стоятъ двѣ кирпичныя постройки, заключающія въ себѣ собственно обсерваторію и библіотеку при ней. Открытая лѣтъ пять тому назадъ, обсерваторія снабжена необходимыми инструментами, сооруженными лучшими мастерами въ Европѣ. Недалеко отъ главнаго зданія на открытомъ со всѣхъ сторонъ холмѣ на высокихъ столбахъ стоитъ деревянная будочка, внутри которой помѣщаются тер-

мометры и гигрометръ для наблюденія температуры и сырости воздуха. Тутъ же рядомъ приспособлены другіе снаряды, необходимые для метеорологическихъ наблюденій вообще согласно современнымъ требованіямъ науки. Недалеко отсюда на обрывѣ холма подъ сѣнью густыхъ деревьевъ находится небольшой магнитный павильонъ. Въ немъ размѣщены инструменты для изслѣдованія земнаго магнетизма. Прибавимъ еще, что обсерваторія соединена съ городомъ телеграфною линіей, при посредствѣ которой замыканіемъ гальваническаго тока производится полуденный выстрѣлъ, такъ что горажане всегда могутъ повѣрять свои часы по точному, въ обсерваторіи опредѣленному времени.

Главная цѣль этого учрежденія состоитъ въ развитіи работъ по географическому опредѣленію мѣстъ въ краѣ и въ изученіи климатологіи страны. Въ виду этого, ташкентской обсерваторіи подчиняются другія метеорологическія станціи, устроенныя въ разныхъ концахъ Туркестанскаго края. Собираемыя на нихъ наблюденія ежемѣсячно доставляются въ ташкентскую обсерваторію. Благодаря этому новому, отлично устроенному учрежденію, современемъ накопится богатый запасъ какъ метеорологическихъ, такъ и астрономическихъ наблюденій, что, конечно, обогатитъ науку драгоцѣнными свѣдѣніями, тѣмъ болѣе, что здѣшняя чистая, прозрачная атмосфера во всѣхъ отношеніяхъ благопріятствуетъ такимъ наблюденіямъ.

Другое въ высшей степени полезное учрежденіе, а именно казенная гренажная станція, находится также за городскою чертой, но въ сторонѣ, противуположной обсерваторіи. Она расположена за раскинутыми по обширной площади на краю города казармами. Гренажная станція представляетъ первое учрежденіе этого рода въ Россіи. Завѣдующій ею директоръ, А. И. Вилькинсъ, сообщилъ мнѣ интересныя свѣдѣнія, которыя и передаю здѣсь со словъ его. Дѣло въ томъ, что одно изъ важнѣйшихъ производствъ въ Средней Азіи, шелководство, подверглось за послѣднее десятилѣтіе чрезвычайной опасности: въ краѣ развились болѣзни шелковыхъ червей, такъ что мѣстное шелководство сильно сократилось. Въ Хивинскомъ ханствѣ оно года два тому назадъ даже совсѣмъ было покинуто. Въ Бухарѣ этой отрасли промышленности тоже угрожаетъ полный упадокъ. Такое возростающее сокращеніе производства шелка не можетъ, конечно, не повліять на фабричную промышленность внутри Россіи. Наши фабриканты получали до сихъ поръ значительныя партіи сырца изъ среднеазіатскихъ областей, что было для нихъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ покупать шелкъ, привозимый изъ Западной Европы. Одни бухарскія владѣнія высылали на русскіе рынки ежегодно отъ 12 до 14 тысячъ пудовъ размотаннаго шелка. Въ послѣднее время не только сократилось это количество, но и самое качество шелка ухудшилось. Въ 1887 г. уже во внутреннюю Россію, по бухарскимъ свѣдѣніямъ, было отправлено всего до 2 тысячъ пудовъ. Вслѣдствіе этого, нашимъ фабрикантамъ пришлось выписывать шелкъ изъ Западной Европы по болѣе высокой цѣнѣ, что въ свою очередь должно вредно повліять на нашъ курсъ. Съ тѣмъ, чтобы возстановить производство этого продукта,

какъ въ нашихъ среднеазіатскихъ областяхъ, такъ тоже въ Бухарѣ и Хивѣ, и было три года тому назадъ открыто сказанное учрежденіе, а въ 1887 г. подобныя филіальныя станціи появились еще въ Самаркандѣ, Маргеланѣ и Петро-Александровскѣ. Ихъ цѣль вырабатывать здоровую грену и снабжать ею мѣстныхъ червоводовъ. Туземцы сразу оцѣнили благодѣтельныя послѣдствія этого учрежденія, и въ настоящее время отбоя нѣтъ отъ охотниковъ пользоваться здоровою греной. Съ будущаго года имѣется въ виду открыть частное гренажное заведеніе для распродажи въ большихъ размѣрахъ отборной грены. Успѣхъ такого предпріятія можно считать обезпеченнымъ, такъ какъ и теперь уже туземцы, особенно въ Бухарѣ, ознакомившись съ благими результатами, предлагаютъ за здоровую грену высокую плату. Такимъ образомъ, благодаря нашимъ станціямъ, шелководство не только возстановится здѣсь въ прежнемъ его видѣ, но разовьется впослѣдствіи въ болѣе широкихъ размѣрахъ, такъ какъ и климатъ, и почва весьма благопріятствуютъ разведенію здѣсь шелковицы.

А. И. Вилькинсъ сообщилъ мнѣ также свѣдѣнія о другой столь же важной отрасли производства, составляющей, можно сказать, главную надежду жителей на будущее цвѣтущее развитіе тумѣстнаго земледѣлія, а именно о хлопководствѣ. Послѣ хлѣба, какъ извѣстно, хлопокъ составляетъ нынѣ самый насущный продуктъ въ жизни народовъ: недаромъ американцы называютъ его царемъ современнаго цивилизованнаго міра! Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ водворить на среднеазіатской почвѣ американскій хлопокъ, въ 1884 г. были произведены, наконецъ, удачные опыты посѣва его, а именно—подъ Ташкентомъ тремя хозяевами было засѣяно до 300 десятинъ и собрано всего около 4 тысячъ пудовъ. Съ этой поры производство американскаго хлопка стало быстро возростать: въ 1885 г. получено до 30 тысячъ, въ 1886 г.—до 60 тыс., а въ 1887 г.—съ 14,000 десятинъ собрано уже около 200 тысячъ пудовъ, такъ что урожай этого продукта представляетъ цѣнность свыше полутора милліоновъ рублей. Въ 1888 году засѣяно уже втрое болѣе противъ предшествующаго, такъ что на текущій годъ разсчитываютъ получить американскаго хлопка цѣнностью до пяти милліоновъ рублей. Эта цифра, правда, все еще незначительна въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ этого матеріала, что перерабатывается русскими фабриками; однако, если вспомнимъ, что воздѣлка американскаго хлопчатника едва лишь водворилась въ краѣ; если примемъ въ разсчетъ быстро возростающее изъ года въ годъ развитіе этого производства и громадныя пространства пустующихъ теперь земель, способныхъ при надлежащемъ орошеніи къ обработкѣ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что наши среднеазіатскія владѣнія современемъ въ состояніи будутъ снабжать русскія фабрики значительнымъ количествомъ хлопка, такъ что ввозъ его съ Запада сильно сократится. Это повліяетъ, конечно, выгодно на русскую промышленность тѣмъ еще болѣе, что азіатскіе производители, поставляя хлопокъ на наши рынки, сами въ замѣнъ того пріобрѣтаютъ издѣлія рус-

скихъ фабрикъ. Помимо такихъ коммерческихъ выгодъ, не слѣдуетъ также упускать изъ вида благопріятные для Россіи шансы въ случаѣ войны въ Европѣ. Получая шелкъ и хлопокъ изъ Азіи, наше государство въ этомъ отношеніи становится въ болѣе независимое положеніе относительно западныхъ странъ и, въ крайнемъ случаѣ, будетъ въ состояніи безъ большаго для себя ущерба выдержать блокаду своихъ береговъ.

Надо еще замѣтить, что расширенію сказаннаго производства много способствуетъ устройство во многихъ мѣстахъ американскаго джина для очистки хлопка, также прессовъ для укопорки его, благодаря чему товаръ доставляется на фабрики въ болѣе чистомъ видѣ и лучшаго качества. Въ этомъ отношеніи наша закаспійская дорога оказала, конечно, весьма важныя услуги и можно сказать, что она и послужила главнымъ поводомъ къ быстрому развитію въ послѣдніе годы хлопковаго производства.

Проходя по широко раскинувшемуся русскому городу, я не мало удивлялся пустынности его улицъ, почти такихъ же безлюдныхъ, какъ и проспекты въ русскомъ Самаркандѣ. Это поражаетъ здѣсь тѣмъ болѣе, что Ташкентъ по наружному виду, по постройкамъ, носитъ на себѣ отпечатокъ значительнаго губернскаго города, въ которомъ, кромѣ упомянутыхъ гимназій, мужской и женской, находятся еще учительская семинарія и нѣсколько городскихъ школъ,—въ которомъ, наконецъ, считается свыше 120 тысячъ жителей. Малолюдство улицъ можно было объяснить отчасти тѣмъ, что лѣтомъ, когда мнѣ пришлось посѣтить городъ, всѣ школы закрыты, многіе изъ горожанъ живутъ по окрестнымъ дачамъ; а, сверхъ того, надо также принять въ разсчетъ, что изъ общей цифры населенія на долю русскаго города выпадаетъ всего 20 тысячъ человѣкъ; главная же масса жителей находится въ туземномъ Ташкентѣ. Послѣдній, примыкая къ русскому городу, отдѣляется отъ него каналомъ и раскинулся на весьма большое пространство, благодаря именно тому, что многіе изъ туземцевъ занимаются садоводствомъ и огородничествомъ. При ихъ жилищахъ разведены поэтому довольно обширные сады, такъ что, проходя по туземному городу, мѣстами никакъ не сообразишь, гдѣ онъ кончается и гдѣ начинается собственно сельское поселеніе. Несмотря на такое обиліе садовъ, туземный Ташкентъ представляетъ довольно неприглядный видъ, тѣмъ еще болѣе, что въ немъ нѣтъ ни ригистана, ни тѣхъ величественныхъ мечетей и медрессе, которыя, какъ мы видѣли, составляютъ казовую сторону Бухары и Самарканда. Даже базаръ въ Ташкентѣ съ его невзрачными рядами, защищаемыми сверху, какъ и въ Бухарѣ, цыновками, показался намъ довольно скуднымъ и сравнительно менѣе оживленнымъ.

Однако, въ туземномъ городѣ мы застаемъ за то такія учрежденія, какихъ не встрѣтимъ нигдѣ болѣе въ Средней Азіи, а именно амбулаторную лечебницу для женщинъ и дѣтей и такую же для мужчинъ. Первая открыта въ 1883 г. по иниціативѣ трехъ женщинъ-врачей, въ числѣ которыхъ ревностное участіе приняла А. В. Пославская, супруга моего гостепріим-

наго хозяина. Эта лечебница имѣетъ великое значеніе особенно въ томъ отношеніи, что при ея посредствѣ открывается лучшая возможность къ сближенію русскихъ съ отчужденными отъ общественной жизни туземными женщинами. А такое сближеніе неминуемо поведетъ къ установкѣ болѣе прочной связи между туземнымъ и русскимъ населеніемъ, что, конечно, весьма желательно какъ въ соціальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Лечебница содержится на суммы земскаго сбора. Благодаря ревностной дѣятельности завѣдующихъ ею женщинъ-врачей, она снискала себѣ большое довѣріе со стороны туземцевъ, такъ что больныя жены ихъ, пользуясь въ ней правильно организованнымъ леченіемъ, перестали обращаться къ своимъ доморощеннымъ лѣкарямъ и знахарямъ. Какъ, въ виду всего этого, не скорбѣть о томъ, что у насъ за послѣдніе годы стали препятствовать медицинскому образованію женщинъ, не имѣвшему никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ несомнѣнной пользы, тѣмъ еще болѣе, что во многихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ ташкентской лечебницѣ, женщины-врачи рѣшительно незамѣнимы?

Сравнительно скудное населеніе въ русскомъ городѣ, состоящее, притомъ, большею частью изъ членовъ правительственной администраціи, невольно наводитъ на мысль о томъ, какъ туго до сихъ поръ совершалась колонизація изъ внутренней Россіи въ Туркестанскій край. Это особенно бросается въ глаза въ Ташкентѣ, какъ въ одномъ изъ городовъ, давно уже присоединенныхъ къ русскимъ владѣніямъ. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ оказывается, впрочемъ, что не только городская, а также и сельская колонизація края шла до послѣдняго времени весьма вяло. Да и врядъ ли переселенческое движеніе сельскихъ жителей въ край разовьется впослѣдствіи до болѣе широкихъ размѣровъ. Судя по тѣмъ же извѣстіямъ, какія имѣются о существующихъ въ разныхъ концахъ Туркестанскаго края сельскихъ колоніяхъ,—какихъ едва ли наберется до двухъ десятковъ съ населеніемъ въ нихъ менѣе трехъ тысячъ душъ,—невольно думается, что русскій крестьянинъ пришелся здѣсь, такъ сказать, не ко двору. Иначе и быть не можетъ; помимо непривычнаго для нашихъ крестьянъ климата, ихъ пуще всего стѣсняетъ необходимость вводить всюду искусственное орошеніе и связанное съ нимъ неминуемое условіе ограничиться воздѣлкою небольшихъ участковъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, перейти къ тому кропотному интензивному хозяйству, съ которымъ искони сроднились туземцы и къ которому трудно пріурочиться нашимъ земледѣльцамъ, привыкшимъ къ раздольному приволью въ широко раскинутыхъ степяхъ Украйны. Наши колонисты, какъ мнѣ передавали, неохотно принимаются за воздѣлку хлопка, этого наиболѣе выгоднаго продукта въ краѣ. Шелководство имъ тоже какъ будто не по нутру. Такъ что они большею частью ограничиваются главнѣйше посѣвомъ пшеницы. При такихъ обстоятельствахъ они не въ состояніи соперничать съ примѣнившимися къ мѣстнымъ условіямъ трудолюбивыми таджиками. Неудивительно поэтому, что русскіе колонисты большею

частью недовольны новыми мѣстами и многіе водворяются въ нихъ лишь временно, непрочно, помышляя только о томъ, какъ бы при первомъ удобномъ случаѣ покинуть мало привольныя для нихъ угодья.

Другое дѣло—менониты: переселившись въ Туркестанскій край въ числѣ около четырехъ сотъ душъ, они здѣсь въ четырехъ колоніяхъ успѣли достичь такого же благосостоянія, какимъ наслаждались прежде въ Новороссіи. Пользуясь, однако, отвоеваннымъ грудью русскаго солдата спокойствіемъ и умиротвореніемъ края, эти, хотя и удачливые, колонисты не въ состояніи, однако, защитить даже самихъ себя, потому уже, что ихъ религія запрещаетъ имъ носить оружіе. Отказываясь сами отъ воинской повинности, они всякій разъ, въ случаѣ опасности, вынуждены прибѣгать къ помощи русскаго отряда.

Подводя итоги, упомянемъ еще разъ въ заключеніе о тѣхъ результатахъ, какіе достигнуты уже какъ въ коммерческомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

Прежде всего, въ политическомъ мірѣ Россія, угрожая англійскимъ владѣніямъ въ Индіи, достигла несомнѣннаго преимущества по отношенію къ нескончаемому восточному вопросу, и если впослѣдствіи ей удастся повернуть этотъ вопросъ въ свою пользу, то такимъ благопріятнымъ исходомъ она въ значительной степени одолжена будетъ закаспійской желѣзной дорогѣ. Потомъ, полное умиротвореніе этого искони высоко-культурнаго, но запущеннаго края влечетъ за собою широкое развитіе въ предѣлахъ самого государства продуктовъ полутропическаго климата, ввозимыхъ доселѣ въ Россію съ Запада, а именно: хлопка, шелка, табаку, рису, вина и другихъ произведеній сельскаго хозяйства. Сверхъ того, по той же желѣзной дорогѣ провозятся не только произведенія, добытыя въ русскихъ владѣніяхъ, въ Хивѣ и Бухарѣ, но также товары изъ сосѣдней Персіи, а современемъ по ней же будутъ доставляться пряности и другія драгоцѣнныя произведенія тропической Индіи. Благодаря такому подвозу съ Востока, Россія станетъ, конечно, въ болѣе независимое положеніе относительно коммерческихъ сношеній съ Западомъ.

Слѣдуетъ оцѣнить также то благотворное вліяніе, какое закаспійская дорога во всѣхъ отношеніяхъ оказала на край, пробудивъ его отъ столь долгаго культурнаго застоя. Изнывая въ теченіе вѣковъ подъ гнетомъ туркскихъ племенъ, здѣшнее коренное населеніе, трудолюбивые таджики, сочувственно относились къ русскому владычеству, а теперь окончательно увѣрились въ томъ, что много пострадавшая отчизна ихъ избавилась, наконецъ, отъ прежнихъ тревожныхъ переворотовъ. Одинъ изъ этихъ таджиковъ, присутствуя при открытіи желѣзной дороги, тутъ же съ довольнымъ видомъ заявилъ: «Теперь только, когда огненный конь достигъ Самарканда, мы убѣдились, что Россія не на время только, какъ, бывало, прежніе завоеватели, но накрѣпко завладѣла нашимъ краемъ: она приковала его къ себѣ желѣзными путами».

Не ограничиваясь узкими рамками эгоистическихъ національныхъ интересовъ, напомнимъ также о томъ міровомъ значеніи, какое связано съ новоприобрѣтенными Россіею среднеазіатскими областями: это мѣсто, гдѣ въ древности появились первичные зачатки земледѣльческой культуры, гдѣ находилась колыбель человѣчества,—этотъ край, много вѣковъ недоступный для европейскихъ народовъ и почти забытый нами, не только открывается нынѣ для научныхъ изслѣдованій, но также вновь пріобщается къ жизни современнаго цивилизованнаго міра.

Э. Циммерманъ.